

★ ГРИФ
СЕКРЕТНОСТИ
СНЯТ! ★

АФГАНСКАЯ ВОЙНА **ГРУ**

ГЕННАДИЙ
ТОБОЛЯК

Annotation

За 65 лет, прошедших после Великой Победы, наша военная разведка неоднократно подтверждала статус лучшей в мире, активно участвуя во всех вооруженных конфликтах, – и в Афганистане, и в Чечне, и совсем недавно в Южной Осетии. Однако до сих пор о специфике работы офицеров ГРУ в ходе боевых действий известно крайне мало – в любой стране подобная информация охраняется как одна из главных государственных и военных тайн. Книга полковника Тоболяка впервые приоткрывает завесу секретности, освещая деятельность Главного разведывательного управления в Афганистане. Борьба с бандформированиями и противодействие спецоперациям противника, сотрудничество с афганской службой безопасности ХАД и агентурная работа с местным населением – воспоминания ветерана военной разведки позволяют заглянуть за кулисы Афганской войны, в «святая святых» прославленного ГРУ.

Геннадий Тоболяк

Афганская война ГРУ. Гриф секретности снят!

Часть I

Глава 1

Подкова Буцефала

Выставляют напоказ свою скорбь

Больше всего те, кто меньше скорбит.

Тацит

24 февраля 1981 года я вылетел из Кабула в Кандагар военным самолетом, чтобы в бывшей афганской столице возглавить борьбу с басмачеством в самой большой по протяженности провинции, пожалуй, самой противоречивой и враждебной народной власти. Открыл книгу Салтыкова-Щедрина «История одного города», стал читать и неожиданно заснул под монотонный гул моторов самолета, послышался зычный голос глуповского градоначальника: «У меня солнце каждый день на востоке встает, и я не могу распорядиться, чтобы оно вставало на западе». Книга выпала из рук. Я провалился в царство Морфея. Увидел во сне отчий дом, жену, Лидию Иосифовну, дочерей Марину и Елену, услышал их голоса, зовущие домой. Во сне загрузил.

Упоминание о доме, семье будоражит душу и сердце, наполняет их горечью и печалью за судьбу семьи, оставленной одной без какой-либо помощи и поддержки. Жена и дети не имеют права сказать, что их отец и муж находится в Афганистане, участвует в войне против басмачей на стороне народной власти.

Спал недолго, тревожно. Постоянно вздрагивал и стонал. Снились басмачи, всякая мерзость, стрельба, безлюдные кишлаки.

Из кабины пилотов вышел борттехник самолета, потряс меня за плечи, протянул упавшую книгу и без всяких предисловий сказал:

– Командир экипажа самолета капитан Емельянов просил передать вам, товарищ полковник, что в Кандагаре будем вовремя, примерно в десять часов по афганскому времени!

Я протер глаза, рядом со мной был борттехник и пялил на меня глаза, полные лукавства и мальчишеского любопытства.

– Вы, товарищ полковник, поняли, что я сказал, или повторить?

– Спасибо! Все понял! – недовольно ответил я, оглядывая белокурого малого, прервавшего мой сон. – Как вас звать?

– Мое имя и отчество, как у гоголевского героя «Мертвых душ» Собакевича, Михаил Семенович, а фамилия Собакин, а не Собакевич, как частенько подшучивают надо мной мои товарищи. Я, конечно, понимаю шутки, без них на войне нельзя и не обижаюсь на шутки в мой адрес. Пусть люди смеются. Смех –

великая целительная сила. Смех означает, что человек – не зверь. Печали от ранений и контузий уходят прочь, смех позволяет переносить трудности быта, смерть боевых товарищей, что в последнее время стало постоянным явлением. У басмачей появились снаряды «земля-воздух», и они сбивают самолеты и вертолеты на любой высоте.

Михаил Семенович говорил без скорби, даже улыбался, кажется, успел привыкнуть к смерти своих товарищей. Его характер был прямой и открытый. Он присел рядом со мной на складной стул и громко кричал на ухо, чтобы я все мог слышать, стараясь перекрыть гул моторов самолета.

– Предлагаю вам что-нибудь перекусить, – сказал Михаил Семенович. – Что вы думаете на этот счет?

– Спасибо, что-то не хочется. Я сыт по горло.

– Понял вас. Так и думал, что вы с утра ничего не ели. Предлагаю для начала выпить по стаканчику горячего чая, чтобы согреть кишки. Чай я готовлю мастерски, по рецепту старого еврея.

– Как это?

– Очень просто. Не жалею заварки, – сказал Михаил Семенович улыбаясь. – Когда умирал старый еврей, молодые евреи просили его не уносить в могилу секрет заварки чая. Он сказал им: «Не жалеете заварки!»

Михаил Семенович пил чай не спеша, с большим наслаждением, говорил, одному-то как-то не с руки завтракать, а вдвоем веселее и аппетитнее.

Я взял стакан горячего чая, стал пить. Тем временем Михаил Семенович открыл две банки тушенки, одну протянул мне: погрели кишочки чаем, как бы их ополоснули, теперь пора и подкрепиться. Хлеба, извините, нет. Как говорит командир экипажа капитан Емельянов: «Хлеб съели свиньи, а мы съедим свиную тушенку им в наказание за то, что съели наш хлеб».

Михаил Семенович шутил, вел себя непринужденно, словно мы знали давно друг друга, по-приятельски подмигивал мне, угощал тушенкой и вареной картошкой, говорил:

– Я родился 13 мая и не боюсь признаться, что люблю число «13». Мы с чертом в жизни заодно – куда я, туда и он!

Михаил Семенович говорил не переставая: «Благородный муж не должен есть досыта и жить в роскоши», – учил Конфуций. Так я и живу. Конечно, лучше съесть жареного гуся или, на худой конец, утку, но где их взять? На безрыбье и рак – рыба. Картошка вполне заменяет хлеб, а тушенка – жареного гуся. Подумать только, что еще при царе Николае Первом были картофельные бунты крестьян! Они отказывались есть картошку, считали ее ядом. Прошло какое-то время, и картошка была восстановлена в своих правах. Ее теперь жрут за милую душу не только крестьяне. Так изменились вкусы людей в обществе!»

Михаил Семенович говорил, а на его лице играла приятная улыбка, располагающая к откровенной беседе: «Я ведь, как Собакевич, большой любитель до сытной еды и полностью одобряю слова Собакевича, если на завтрак или обед свинина, полностью тащи на стол свинью, а если баран – тащи всего барана, гусь – всего гуся!»

Михаил Семенович громко рассмеялся. Съел тушенку, позвал рыжего котенка, приютившегося на мягкой подстилке: «Кис-кис-кис! Иди-ка сюда, Рыжик. Чего ты разлегся, как министр, с грязными ногами. Иди, поешь тушенки. Тебе как члену экипажа самолета тоже не мешало бы позавтракать. Сытым и воевать легче! Правильно я говорю, Рыжик?» Котенок лизнул борттехнику руку и стал жадно зачищать банку, где была тушенка. Съел. Стал умываться лапой и под рокот моторов задремал. Михаил Семенович гладил Рыжика и тихо напевал:

*Гуляй до поры, до вечерней до зари!
Ай-люли, до поры, до вечерней до зари!*

«Скучает по семье», – подумал я о Михаиле Семеновиче, который ласково убаюкивал Рыжика, как дитя.

Внизу, под нами, шел караван верблюдов. На память пришли слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова: «И шел, колыхаясь, как в море челнок, верблюд за верблюдом, взрывая песок».

Самолет летел низко, едва не касаясь верхушек деревьев. Было хорошо видно, что происходит на земле.

Была весна. Она опьяняла своими запахами. Природа проснулась, после зимней спячки благоухала... Вдруг над кабиной пилотов загорелась лампочка. Она стала мигать. Красный ее свет означал сигнал тревоги. Михаил Собакин поспешил к пилотам. Я стал всматриваться в землю, чтобы визуально определить причину тревоги, но ничего не обнаружил подозрительного. Обстановка под крылом самолета была спокойной. На земле работали крестьяне, обрабатывали землю для будущего урожая. Услышав гул самолета, кое-кто из крестьян задрал голову, решил посмотреть, кто там летит и куда? Люди махали руками, показывали свое дружеское расположение, другие продолжали работать, не отрываясь от пахоты плугом, знали твердо – надо вырастить и собрать урожай. Все хотят кушать, как те, кто воюет на стороне Бабрака Кармаля, так и те, кто воюет против. Хлеб нужен всем!

Работа в поле стала опасной с началом войны. Урожай жгли басмачи, чтобы он не достался народной власти, жгли правительственные войска, чтобы урожаем не воспользовались басмачи. С войной в людей вселился дьявол, сатанистские силы, зависть и корысть. Война довела крестьян до отчаяния. Они работали на пределе сил и возможностей, желали только одного, чтобы в стране был один хозяин, а не два и не три. Смотрели на Кармаля, как на своего пастуха стада, а он не знал, что сказать и что сделать. Всеми делами в Афганистане управляли советские мушкетеры, привыкшие все делать на авось и на глазок, и вирус насилия ширился, как зараза, словно огненный смерч.

Из кабины пилотов вернулся Михаил Семенович. Он объяснил причину тревоги:

– Прошлый раз самолет обстреляли с земли именно в этом месте, и летчики решили повысить бдительность, и не напрасно! Внизу работают крестьяне. Их трудно отличить от басмачей. Да и чем крестьянин отличается от басмача? Ничем. Должен вам заметить, товарищ полковник, жизнь крестьян дошла до полной нищеты. Голод и разруха уже подошли к Кандагару. Цены на продукты питания возросли в пять-десять раз. Война превратила цветущие кишлаки в безлюдье, дикую пустыню. Афганцы покидают насиженные места, уходят в Пакистан, Иран – словом, куда глаза глядят. Во многих кишлаках съедены все кошки и собаки. Люди едят ворон, голубей, чтобы выжить. Всякий человек не без слабости, но чтобы жрать кошек за милую душу – увольте, не могу. А вот афганцы жрут. Сам видел, вот те крест, не вру. Не люди, а оборотни.

– Так же поступали французы во время блокады Франции и ее столицы Парижа, – заметил я, – французы съели не только всех кошек и собак, но и крыс. Знать историю прошлого никому не вредно, особенно если это касается выживания нации!

– Когда же это было с французами? Неужто в годы Второй мировой войны?

– Нет! Это было раньше, когда Париж был окружен неприятельскими войсками задолго до минувшей войны.

– Войны – это зло! Скажите, товарищ полковник, как долго будет продолжаться эта ненавистная всем афганская война?

– Вы, Михаил Семенович, смелый человек, но не дай бог, чтобы эти слова услышал кто-то другой из штаба 40-й армии. Так думают все, но об этом не все так говорят. Не пришло время. Вы правы в том, что Кандагар от бомбежек превратился в Карфаген, разрушенный варварами, и население покидает насиженные места в поисках лучшей жизни. Но где эта лучшая жизнь? Ее нет и быть не может в условиях гражданской войны. В деревнях не хватает рук для работы на пашне. По приказу Бабрака Кармаля в армию забирают поголовно всех подряд, естественно, от этого не станет больше мяса, молока, хлеба. Не надо, Михаил Семенович, задавать вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» – продолжал я, – война в Афганистане только началась и ей не видно конца, и если она продлится десять лет, афганцы будут жрать за милую душу, как вы выражаетесь, не только воробьев, голубей и ворон, но и крыс. Как в Ленинграде, будет процветать людоедство. Об этом теперь можно говорить. Пожалуй, только Жданов в блокадном Ленинграде жрал в три горла, даже имел корову, которая паслась на задворках Смольного, и пил парное молоко, а чтобы не поправиться, бегал вокруг Смольного, сбрасывал лишний вес. Для одних война – это смерть, для других – мать родная. Так было, так будет. Пример тому – афганская война.

– Я того же мнения, товарищ полковник. Война будет затяжной. Мне часто приходится летать в Кандагар и другие города Афганистана, и я отчетливо вижу кровавые следы войны, это чем-то напоминает картину художника «Поход Мамая на Русь». Страшно осознавать, что я участник этой кровавой драмы.

Старший лейтенант Собакин задумался. Помолчал. Посмотрел вниз на пашни, луга, оказавшиеся под крылом самолета, сказал: «Как прекрасна весна! Природа радуется, что зима закончилась. Появилась трава. Хочется походить по траве босиком вместе с крестьянами и покопаться в земле. Появились многочисленные ручейки от таяния снега. Природа пробудилась, слава богу, стало хорошо и весело на душе...» Я прервал размышления Михаила Семеновича. «Взгляните туда, – сказал я ему, – среди лошадей у водопоя выделяется статностью и строптивостью рыжий молодой жеребец, мощный, широкогрудый, на больших и сильных ногах, с могучим крупом, длинным хвостом». Жеребец преследовал молодую, игривую кобылицу, выталкивал ее из воды на простор и наконец вытолкнул ее из воды и она проворно выскочила на берег, понеслась вперед со скоростью курьерского поезда по бездорожью, увлекая за собой рыжего жеребца. Пара коней не касалась земли, а словно летела на крыльях Пегаса. Чудо-кони неслись вперед, приминая кусты, распугивая мелкую живность, спрятавшуюся в траве, сверкая мокрыми от росы подковами.

– Огонь, а не кони! – залюбовался рыжим жеребцом Михаил Семенович. – Жеребец – это настоящий конь самого Александра Македонского, Буцефал.

– А какова кобылица, – заметил я, – она под стать Буцефалу, не так ли?

– Прекрасная пара – создание природы и ее творение! – сказал Михаил Семенович, любясь бегом лошадей. – Век бы смотрел на таких лошадей, как эти, не отрываясь. Лошадей я люблю с детства.

Я ведь, товарищ полковник, детдомовский, но все хорошее, что я вижу, быстро исчезает, как призрак. Я невезучий. Видать, такова моя судьба. С судьбой не поспорить! Был с детства горемыкой, таким и остался.

Михаил Семенович замолчал. Смахнул порывистым жестом набежавшие слезы, тихо сказал: – Я родился перед Второй мировой войной. К власти в Германии пришел Гитлер. Отец сказал маме: «Все. Мир кончился. Будет война. Гитлер тому причина!» – Отец не ошибся. Грянула война, которая вскоре подошла к границам России. Помню, хотя был тогда маленьким, как нас, трех-четырехлетних детей, спасали от фашистского рабства. Долго везли поездом, потом на машинах, и когда открыли борта машины, из трехсот подростков в живых осталось около пятидесяти человек, остальные погибли в дороге. Я остался жив. Нас поместили в детдоме на берегу реки, в небольшом сибирском городке. Так начиналась моя жизнь, в скитаниях и нищете.

Михаил Семенович вновь замолчал. Тяжело давались ему эти воспоминания из прошлого. Я смотрел на него и думал, что мы с ним люди одной судьбы, прошли через войну, голод, разруху, нищету. В жизни ничего не видели хорошего, особенно в детские годы. Как и Михаил Семенович, я тоже прошел дорогами безотцовщины, познал унижение, голод, детдом в городе Тобольске. Старшие ребята крали у нас, малышей трех-четырехлетних, хлеб из-под подушки, когда мы спали, и от голода и побоев жизнь в детдоме становилась настоящим адом. Мы оба молчали и, кажется, думали об одном и том же, как мы выжили в условиях кошмара и террора со стороны советской власти к людям. Стоило опоздать на работу на 20 минут, полагалась тюрьма и пять лет на лесоповале. За бранное слово в адрес товарища Сталина – расстрел. «Боритесь, если вы люди!» – говорил Максим Горький, но он, кажется, не понимал, что говорил. Борьба одиночек была бессмысленна, а собираться больше трех-четырех было запрещено законом. В милицеских околотках с пристрастием добивались признания вины, кто-то не выдерживал пыток, и так выявлялись новые «враги народа».

Неожиданно Михаил Семенович улыбнулся, словно и не было тревожных дум и слез на его глазах. От него я узнал, что его отец погиб на войне, мать умерла от голода. Теперь он один как перст на белом свете, но примирился со своей судьбой. В коллективе летного состава его ценят как высококлассного специалиста. Это уважение коллектива делает его полноценным человеком в обществе, а больше того, что есть, ему не нужно.

Обворожительная улыбка Михаила Семеновича, сошедшая с его губ, кажется, на время примирила и успокоила нас обоих, прошедших через трудности жизни, и сблизила, подружила, растопила недоверие и объединила.

– Помню один случай в детдоме, который произошел со мной, – сказал, улыбаясь, Михаил Семенович. – Пионервожатая Клавдия Андреевна, красавица, умница, вылитая Офелия, героиня Шекспира из «Гамлета», учила нас, детдомовцев, танцевать. В нее, кажется, были влюблены все до единого человека в детдоме, включая меня. Признаюсь, что мне было боязно даже на нее смотреть, настолько она была красивая, молодая, хороша собой. Ей в ту пору было лет 17, мне – десять. Наконец, подошла очередь Клавдии Андреевны танцевать со мной. Я осмелел и собирался ей сказать, как я люблю ее, но так и не сказал. Она постоянно говорила мне: «Миша! Смотри под ноги, а не на меня, иначе не научишься танцевать. Раз-два-три – шаг влево. Раз-два-три – шаг вправо. Понял, Миша, как надо танцевать? Теперь уже лучше получается. Молодец!» Наконец я набрался смелости сказать Клавдии Андреевне о своей любви к ней, но лопнула в патефоне пружина, и танцы пришлось отложить. Вот такая история приключилась со мной в детстве. Прошло много лет, а эту историю я не забыл, помню и, кажется, буду помнить до самой смерти.

Михаил Семенович грустно рассмеялся, сказал задумчиво:

– Вот и теперь так хотелось подольше полюбоваться бегом быстроногих лошадей, а их и след простыл. Чудеса в решете, да и только. Что поделаешь, нет ничего вечного под луной. Все течет и изменяется. Таков закон жизни. Своим умом понимаю, что так должно быть, но как-то не могу к этому привыкнуть, и от этого мне постоянно начинает казаться, что я обделен жизнью и обижен ею. Но это я сказал так, в порыве откровения своей души, а в общем-то, все хорошо. Главное – я жив, здоров, а это в условиях гражданской войны в Афганистане уже немало. В Афганистане произошла революция, но, назвавшись революцией, она так в словах и увязла. Да и с чего бы ей разгуляться? Без Бога ни до порога. Ничего не вышло. У Кармаля есть все: деньги, армия, многочисленные чиновники, но нет веры в Бога и все идет прахом.

Михаил Семенович запел вполголоса:

Черный ворон на белом снегу,

*Черный лес под блистательным небом,
Да село – на другом берегу
За версту утопает под снегом.*

Самолет удалялся все дальше и дальше от того места, где была замечена пара красавцев-коней, наконец лошади исчезли из виду, словно провалились в дымке тумана, образовавшегося от таяния снега, а я, размышляя о «даче-отшельнике», так называл начальник Кабульского разведывательного центра полковник Шамиль место проживания оперативных офицеров кандагарской «точки». Не подковали Буцефала, коня Александра Македонского, воевавшего в этих местах, – подкова прибита к калитке дачи.

Мы оба молчали. Михаил Семенович, возможно, думал о красивой пионервожатой Клавдии Андреевне, учительнице танцев в детском доме, а может быть, о рыжем жеребце, названном им Буцефалом. Мои мысли были заняты проблемами предстоящей работы в Кандагаре, где активизировалось кандагарское подполье, и басмаческая активность стала зашкаливать выше всякой нормы. Стал вопрос, как покончить с басмачеством и возможно ли это сделать в ближайшем будущем?

Ход моих размышлений прервал Михаил Семенович.

– Вы, товарищ полковник, наверное, уже слышали о «пьяных» эскадрильях в Афганистане?

– Нет, пока ничего о них не слышал! – признался я. – Поясните, Михаил Семенович, что это за части и почему их так называют?

– Пьяные асы – это не абстрактное понятие, – сказал Михаил Семенович, – а реальные летчики войсковых частей, базирующихся на территории Афганистана. Они браврируют перед другими летчиками тем, что перед полетом на задание по уничтожению басмаческих отрядов выпивают бутылку водки и только после этого летят бомбить объекты: склады с оружием, нефтехранилища, басмаческие штабы. От этого и появилось название – «пьяные асы».

Отсутствие всякого медицинского контроля за летно-техническим составом в ряде частей приводит к тому, что летчики летают на задание, как говорится, «в стельку» пьяные.

Михаил Семенович минуту-другую помолчал, внимательно посмотрел на меня и добавил к сказанному слова Гете из «Фауста»:

*...так кто же ты, наконец?
– Я – часть той силы, что вечно хочет зла
И вечно совершает благо.*

– Запомните, товарищ полковник, слова Гете о благе. Эта презренная мечта о благе вновь вошла из прошлого в настоящее – в афганский быт. Летчики уничтожают все на земле, включая природу, завтрашний день Афганистана, и это считается «благом» для афганского народа, потому что так хочет лидер Саурской революции Бабрак Кармаль. Он недалеко ушел от Пол Пота и творит геноцид, – приказывает убивать, и летчики убивают. Делают это профессионально, со знанием дела. Население Афганистана требуется уменьшить наполовину. Это приказ Кармаля, чтобы стать зажиточной и богатой страной.

Я часто думаю, – продолжал Михаил Семенович свой рассказ, – почему М. А. Булгаков эпиграфом к роману «Белая гвардия» взял слова: «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими...» Афганская война помогла мне найти ответ. Все дело в благих намерениях. Ими, как известно, вымощена дорога в ад. Понтий Пилат тоже помышлял, что, приговорив к смерти Иешуа, он сделал благое дело народу Израиля. Однако все вышло наоборот. Нет необходимости рассказывать со всеми подробностями о жестокой казни Иисуса Христа. Это хорошо известно, а вот о проделках «пьяных асов» в небе Афганистана рассказать следует, поскольку о них и по сей день мало кто знает, а все потому,

что боги правят небом, а на грешной земле нет хозяина. Пока некому наказывать террористов, но время придет и судимы будут мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими.

Никто не забыт и ничто не забыто, включая подлость на афганской земле.

– Трудно поверить в наличие «пьяных асов»! – сказал я.

– Да, в это трудно поверить, – сказал Михаил Семенович, – но это факт, как наличие у Булгакова на Патриарших прудах громадного, как боров, кота, с отчаянными кавалерийскими усами, который ходит на задних лапах со стопкой водки в одной лапе и с вилкой – во второй, на которой поддет маринованный гриб. Правда это или нет – не знаю. Пусть останется на совести автора «Мастера и Маргариты», но наличие в Афганистане «пьяных асов» – факт бесспорный. Они гораздо опаснее, чем пьяные трактористы или шофера, поскольку способны испепелить землю. Это не геройство, а преступление. Вы, товарищ полковник, со мной согласны?

Не говоря ни слова, я лишь мотнул головой в знак согласия.

– И когда же отрезвеют «пьяные асы»? – спросил я Михаила Семеновича.

– Кажется, скоро отрезвеют. У басмачей появились снаряды «земля-воздух», и «пьяных асов» стали сбивать. Спесь моментально прошла. Летчики стали понемногу трезветь, исчезла из репертуара летчиков пошлость типа «счастливой мошкой я летаю», а в самом облике летчиков стало больше серьезности к противнику, но пока, к сожалению, не у всех, асами овладел мистицизм. Был такой человек в России по фамилии А. Ф. Лабзин, автор ряда мистических сочинений. Его книжками зачитываются летчики «пьяных эскадрилий». Так было, так пока остается, как я сказал. Где летчики достают книжки А. Ф. Лабзина, не знаю. Известно, что после чтения этих книжек летчики впадают в тяжелое моральное состояние. Они постоянно начинали видеть во сне, как наяву, своих погибших на войне товарищей, с которыми еще недавно летали на задание, сидели за одним столом, пили, ели, обсуждали планы на будущее, но будущее для многих оказалось призрачным. От «чудодейственных» снов на «пьяных асов» нападал страх. Некоторые переставали пить водку, словно прозревали на какое-то время, впадали в отчаяние. Что самое занятное из этой истории, – продолжал свой рассказ Михаил Семенович, – так это продолжение снов в реальности. Сны стали сбываться и влиять на психику летчиков, иметь негативные последствия. Один мой знакомый из числа «пьяных асов» даже признался, что неоднократно видел во сне своего убитого в бою товарища, с которым вместе учился в военном училище. Так он просил моего знакомого летчика похлопотать перед командованием воздушной армии в Афганистане о выделении его семье материального пособия из «Инвалидного капитала», учрежденного еще в России в 1812 году. Как признался мой товарищ, с которым я разговаривал, – пояснил Михаил Семенович, – он, по его словам, до гибели своего товарища понятия не имел о существовании «Инвалидного капитала», если бы не увидел вещий сон, – после прочтения мистических сочинений А. Ф. Лабзина.

Язык непонятной правды резал слух.

– Интересный вы, Михаил Семенович, собеседник! – признался я. – Очень обстоятельно и интересно рассказали о «пьяных асах» и последствиях от прочтения ими книг мистического автора А. Ф. Лабзина. Идет опустошительная, кровопролитная война в Афганистане, гибнут люди с обеих сторон, но, кажется, еще не настало всеобщее прозрение от войны, ее пагубности и ненужности. Эту необъявленную войну пора бы закончить всеобщим миром. К сожалению, среди высшего руководства в 40-й армии и среди басмаческих командиров есть уверенность, что развязанная чьей-то рукой Герострата афганская война принесет народу благо, богатство, зажиточную жизнь, но это ошибка. Зажиточной жизни не может быть в обществе сознательных людей, для которых любая война – это не доблесть, а наказание Бога за человеческие пороки.

Михаил Семенович поддержал меня. Стал рассказывать содержание кинофильма, недавно увиденного в Кабуле, с названием «Скованные одной цепью» режиссера С. Крамера.

– В этом кинофильме, – продолжал свой рассказ Михаил Семенович, – есть один очень любопытный эпизод, который я хорошо запомнил, он показателен для афганской действительности – это отношение солдат к офицерам 40-й армии. Известно, что в эти отношения пытаются вбить клин вражьи силы, чтобы подорвать боеспособность армии, посеять панику, неуверенность в своих силах и таким путем истребить 40-ю армию на поле боя с неприятелем.

Анархия – мать порядка, давно захватила Россию, еще со времен Ленина-Бланка, и держит в железных тисках. Но для продолжения анархии нужен отец, иначе кто ее оплодотворит? По отцу будут и дети. Расчет делается на врагов России. Они и пытаются оплодотворить анархию и уничтожить не только 40-ю армию, но и Россию.

– Глубокая мысль, – сказал я, – но все же расскажите о кинофильме «Скованные одной цепью». О чем там речь?

– В кинофильме есть сцена побега двух каторжан, скованных одной цепью, белого и черного. Полицейские не торопятся организовать преследование беглецов, бежавших из тюрьмы, полагая, что на расовой почве они перегрызут друг другу горло. К счастью, этого не происходит, и это главная мысль фильма, что люди должны уважать друг друга, независимо от цвета кожи и своего положения в обществе, жить в мире и согласии.

В афганской войне наши солдаты, как негры, воюют и скованы с офицерами одной цепью, – продолжал Михаил Семенович, – Крамер показал, что стоит одному погибнуть, как другой тоже обречен на смерть. Это должны понимать солдаты и офицеры 40-й армии, иначе – смерть, как приговор за расхлябанность, в чужой стране и на чужой земле.

Михаила Семеновича позвали в кабину пилотов. Чувствовалось по времени, что самолет подлетает к Кандагару. Я с жадностью стал всматриваться с высоты птичьего полета на изуродованную войной кандагарскую землю. Кругом воронки от бомб и снарядов, сожженные дома, деревья обуглены, черные от копоти, людей не видать. Где они? Лежат под многочисленными ритуальными камнями.

Вспомнил, как дед, Баев Илья Васильевич, рассказывал мне в детстве о злодеяниях большевиков в годы Гражданской войны в России, свидетелем этих преступлений он был, раскулаченный трижды.

– Все беды и несчастья идут от большевиков, они провоцируют людей на распри, чтобы в мутной воде хаоса и анархии извлекать пользу.

Так было в России, как говорил дед, так продолжается в Афганистане. Все повторялось один к одному. Были ли мы вправе навязать афганскому народу войну?

Всякая революция и последующая за революцией гражданская война – это несчастье для любой страны. Люди меняются в худшую сторону, ими руководит не разум, а пороки. Это они не сразу осознают, оказавшись втянутыми в разбой и насилие. Как те же «пьяные асы» будут вести себя в России, вернувшись после войны домой? Неужели так же, как в Афганистане? Будут все рушить, жечь, уничтожать, сжигать и ждать наград за свои «подвиги». А ведь у этих «асов» наверняка есть жены, дети, чему они могут научить своих детей, будучи сами не в ладах с законом и совестью?

Из-за потрясений и смуты обнищала и состарилась Россия-матушка, опустилась, как старая голубка, переживая нищету и убогость. Кто поднимет Россию с колен? Вот вопрос.

Там, внизу, была чужая земля, не наша, не русская. Глядя на изуродованную землю, я испытывал непонятную грусть. Вспомнил слова своего деда, Баева Ильи Васильевича: «Не спасет свою душу тот, кто не

погубит ее ради других!» «Что же мне делать в Афганистане? Как вести себя на чужбине?» – думал я и не находил ответа. Твердо знал одну истину от деда Ильи Васильевича, что унывать нельзя. Это большой грех.

Трудностей в Афганистане будет немало, но ничего. Выдюжу, не согнусь. Все вытерплю ради России, и как говорил Мольер: «Да, я хочу умереть дома... Я хочу благословить свою дочь».

Из кабины пилотов вышел старший лейтенант Михаил Семенович Собакин. В его глазах, как на небе, светло. Бодро заявил:

– Подлетаем к Кандагару. Будем в аэропорту минут через 10–15. Да здравствует веселье! Да здравствует услад! Долетели, слава богу, нас не сбили басмачи, начало положено, теперь заправимся топливом и в обратную дорогу. Так и живем на нервах. Никуда не деться, война, будь она неладная! Я не трус, но я боюсь умереть на чужбине.

Я ничего не ответил Михаилу Семеновичу, подумал: «Каждому свое по его заслугам». Внизу, под крылом самолета, разливались ручейки по весне. Они, как муравьи, ползли к реке, чтобы прибавить ей силы. Весной все благоухало, природа оживала, независимо от того, идет война или ее нет. Зеленела травка, с гор сбегали шумные ручейки, говорливые и быстрые, как расшалившиеся дети, впадали в реки или пропадали в многочисленных песках, так и не добежав до устья реки.

– Как долго вы, товарищ полковник, будете в Кандагаре? – спросил Михаил Семенович.

– Время покажет! – уклончиво ответил я. – В Кабуле пробыл недолго, около недели, и как только увидел в Кабуле голову верблюда в руках нищего, засобиравшись в командировку. Это примета к перемене места.

Нищий бедолага запомнился мне надолго. Он нес в руках голову верблюда, нежно, осторожно, как ребенка, прижав к груди. Верблюжья голова кровоточила, кровь струилась на нищенскую одежду, но бедолага ничего не замечал; он целовал голову в губы, слипшиеся от засохшей крови. Впечатление было не для слабонервных. Поначалу мне казалась, что мертвая голова, увиденная в руках нищего, – плохая примета, но переводчик-азиат сказал, что не следует расстраиваться по пустякам, поскольку в Афганистане давно торгуют на майданах верблюжьими головами, как, впрочем, и головами русских солдат, десять американских долларов за штуку. Из голов варят вкусный бульон и едят.

– Отвратительная и поучительная картина наших будней! – отреагировал Михаил Семенович на мой рассказ. – Такие издевательства над нашими солдатами не позволяли даже фашисты в годы Второй мировой войны.

Возникла непродолжительная пауза. Мы оба молчали. Наконец Михаил Семенович спросил:

– Скажите, пожалуйста, товарищ полковник, какую житейскую мудрость вы потеряли в Афганистане и намерены ее найти?

– Ничего в Афганистане я не терял и, естественно, ничего не ищу. Это во-первых. Во-вторых, война привела меня в Афганистан, больше ничто. Как вы понимаете, Михаил Семенович, война – это не игра в солдатики, а Кандагар – не место для просмотра нового художественного фильма о войне. Вы сами как-то сказали, что Кандагар разрушен, обстановка там сложная и взрывоопасная. В Кандагар, как вы понимаете, на отдых не отправляют, как на Канары. Поэтому делайте вывод сами, почему полковника Генерального штаба направили в Кандагар?

– Все понял, – сказал Михаил Семенович, улыбаясь. – Я сразу понял, что вы, товарищ полковник, цельная натура, не в пример многим, которых я встречал в Афганистане. Ряд советников из Москвы вели со мной житейские разговоры, заранее зная, что я – старший лейтенант, им не помеха в службе. Они не скрывали своих намерений, что прибыли в Афганистан зарабатывать валюту, на все остальное им

наплевать, победит в этой войне Бабрак Кармаль или не победит, главное – это валюта, а с ней везде можно жить припеваючи. Главное для них – не подставлять под пули свою голову, поскольку есть солдатские головы, и вернуться в Россию невредимыми и с мешком денег.

Михаил Семенович внимательно посмотрел мне в глаза, сказал тихо: – Больше я не стану вас искушать без нужды!

Вряд ли что понял Михаил Семенович из моих слов, а я не имел права сказать, что являюсь тем человеком, который воткнет зажженную палку в гнездо басмаческого подполья, чтобы ускорить окончание афганской войны. Пока в Кандагаре существует басмаческое движение, народная власть не может чувствовать себя уверенно и спокойно. Не деньги двигали мной в этой борьбе, а славные русские традиции предков, им я поклонялся, им верил.

Закрапал мелкий дождик, ударил по обшивке самолета.

– Хорошая примета, товарищ полковник, – сказал Михаил Семенович, – дождь всегда к счастью, к радости.

И борттехник вполголоса запел:

*Дождик, дождь, впустую льешь —
Я не выйду без галош.*

Самолет стал плавно снижаться. Было видно невооруженным глазом, в каком плачевном состоянии находятся кишлаки вокруг Кандагара, все разрушенные, изуродованные, стертые с лица земли. Из воронок от бомб выскакивали одичавшие собаки и кошки, пускалась наутек, услышав гул самолета, по-видимому, еще помнили, как самолеты и вертолеты с красными опознавательными знаками расстреливали и взрывали кишлаки.

Пожалуй, только старые вороны никуда не собирались улетать, сидели смирно и могли рассказать, что когда-то было здесь. В кишлаках было многолюдно и весело, люди ходили друг к другу в гости, справляли свадьбы, женились, сеяли и убирали зерно. Больше ничего этого уже нет. Жизнь замерла и остановилась, все осталось в прошлом.

Самолет летел низко. Были видны знакомые с детства золотистые сосны, которые росли в тобольском саду у танцплощадки. Встреча с золотистыми соснами была для меня праздником и неожиданностью. Я любовался ими, не загубленными войной и не срубленными рукой дровосека.

Рядом с большими, старыми соснами стояли красивые, маленькие сосенки горделивой стайкой, совсем еще сосенки-детки в окружении старушек-сосен, с мощными спинами-стволами, и загораживали от ветра и непогоды молодняк, учили, как в детсаду, уму-разуму своих деток в кругу семьи.

Сосны в Афганистане, далеко удаленные от города Тобольска, напомнили мне детские годы, юношество. Нахлынули воспоминания, волнующие душу и сердце, опьяняя мое сознание чувством реальности, как школьные «начатки» по Закону Божию, заставили страдать и мучиться, думать о былом, ушедшем и настоящем, вспоминать, чему учил меня мой дед, Баев Илья Васильевич, размышлять, как бы он поступил, находясь на моем месте, в объятom войной Афганистане. Илья Васильевич был для меня всем. Как сказал Шекспир: «Человек он был – из всех людей мне не видать уж такого человека!»

Наконец самолет приземлился в кандагарском аэропорту. Моторы заглохли, из кабины вышел командир экипажа капитан Емельянов, сказал, прерывая мои размышления:

– Наш рейс, товарищ полковник, закончен. Мы прибыли в Кандагар. Какие будут замечания к экипажу самолета?

– Спасибо, что доставили меня к месту службы, – сказал я, – замечаний нет. По-видимому, я часто буду летать из Кандагара в Кабул и полагаю, что мы с вами будем часто встречаться. Надеюсь на сотрудничество и взаимную помощь.

Прежде чем попрощаться с экипажем самолета, я подарил борттехнику, старшему лейтенанту Собакину Михаилу Семеновичу, книгу Салтыкова-Щедрина «История одного города».

При этом сказал напутствующие слова с долей юмора:

– Как писал доктор Фауст, я покупаю вашу душу, Михаил Семенович, но я, естественно, лишь только повторяю слова Мефистофиля. А душу не покупаю, в знак уважения к вам и признательности за время, проведенное с вами в полете, дарю книгу. Из нее вы узнаете многое: обладают ли земные гады, лягушки и змеи душой, а также сможете насладиться при чтении книги гениальностью автора в раскрытии сути пьес под названием «Разорю» и «Не потерплю». Названия пьес звучат очень актуально в нашей армейской действительности! – Все заулыбались.

– А теперь прощайте! Как сказал А. С. Пушкин: «На бой, на бой! За честь России!» Крепитесь друзья, дальше будет лучше!

– Не надо лучше, товарищ полковник, – сказал капитан Емельянов, – не было бы хуже!

Я вышел из самолета, направился в диспетчерскую, чтобы узнать, как можно добраться до дома у водокачки, где жили советники. Никто не знал этого адреса, а попутного транспорта не было. Решил не ждать, когда за мной пришлют машину, и самому найти дачу-отшельник, на калитке которой прибита желтая подкова.

Провожая меня в Кандагар, начальник разведцентра полковник Шамиль напутственно сказал, тыча пальцем в карту Кандагара:

– Вот она, эта дача. Находится здесь, рядом с водокачкой. Найдешь подкову, найдешь и дачу. Там живут твои будущие подчиненные, словно разжиревшие монахи. Конечно, героями их нельзя назвать, а вот трусами – можно. Самое подходящее для них слово. Заставь всех работать, никого не жалей. Кто будет саботировать работу, отправляй ко мне, я с них сдеру шкуру, будут знать, что такое война и чем она для них может закончиться – бесславием!

Поправил на плече автомат Калашникова – символ власти и силы в Афганистане, снял бушлат, он здесь не нужен, было по-летнему тепло и уютно, направился в сторону лесного массива по узкой тропинке, шел наугад, подчиняясь интуиции, разыскивая дачу-отшельник.

Мягкий песок под ногами, прибитый морозящим дождиком и росой, издавал приятную прохладу утра и весеннюю свежесть. Над Кандагаром стояла густая, черная туча, но она постепенно рассеивалась и уходила в сторону от города под воздействием ветра и лучей весеннего солнца.

Весна в Кандагаре вступала в свои права. В лесу было хорошо и весело. Птички певчие пели на все голоса. Изредка каркали вороны, заглушая птичий хор, напоминали своим карканьем все плохое и подлое, что пришло с войной.

Вскоре на кандагарском небе появилась радуга необыкновенной красоты – и чужая земля под ногами, непохожая на нашу, стала чуточку ближе и понятней.

Внезапно на тропе, по которой я шел, послышались выстрелы. Я остановился. Убрал автомат Калашникова с предохранителя, приготовился к любому повороту событий, всякое может случиться на войне. Навстречу мне не шли, а бежали трое с автоматами в руках, одетые в афганскую униформу солдаты.

«Здесь что-то происходит неладное!» – подумал я и приготовился к стрельбе, чтобы при

необходимости защитить себя.

Впереди бежал высокого роста человек с забинтованной головой и с наручниками в руках. Увидел меня, спросил по-русски:

– Здесь не пробежали двое арестантов?

– Нет! Никого не видел! А что случилось?

– Бежали двое преступников при их переводе из ХАДа в тюрьму. Будьте внимательны и осторожны. Они где-то прячутся здесь, в лесном массиве.

Я пошел дальше, будучи предупрежденным об опасности, шел осторожно, издали внимательно разглядывая кусты, не прячется ли там кто, а люди в камуфляжной одежде устремились в глубь лесного массива, отыскивая преступников. Вдруг снова послышалась стрельба – и все стихло.

Подумал: «Видать настигли преступников и застрелили!»

Лесная тропа вывела меня на асфальтированную дорогу. Навстречу мне шли и ехали люди, молодые и старые, веселые и хмурые. Дорога была оживленной, и людей на ней было много. Одни смотрели на меня свысока, гордо и независимо, словно мы уже потерпели поражение в Афганистане, другие кланялись, чаще это были старики и старухи, притворно улыбались, изображали на лице радость от встречи со мной. Особенно усердствовал старик на осле. Он размахивал руками, что-то кричал, улыбался, пока не свалился с осли на дорогу.

Весна 1981 года была в Кандагаре тревожной. Я застал жителей города не в лучший час свидания с ними. Повсюду оскудение и хаос. Непаханые поля, воронки от бомб. Запустенье. Это была горькая правда войны, о которой я мало что знал, и вдруг война предстала перед моими глазами во всей своей наготе и безрассудстве.

Судя по многочисленным воронкам на кандагарской земле, бои здесь шли не шуточные с обеих сторон. Горела земля и стонала, обильно политая своей и вражьей кровью. Басмачи не раз проявляли удивительную отвагу и мужество, сражаясь за свою свободу. И спустя какое-то время те жители Кандагара, кто еще уцелел от первых схваток с врагом, помнили все, что было на этой земле. Люди от изнеможения и ран напоминали вечных скитальцев, потерявших на войне все: детей, жен, имущество, здоровье, и отношения между двумя братскими народами, русским и афганским, заметно ухудшились. Афганцы с войной напрочь забыли все доброе и хорошее в наших отношениях, были суровы и негостеприимны, как спящий Кадий. В их жилища было опасно войти, как прежде, не получив снап свинца в спину или удар кинжалом.

В Афганистане все изменилось к худшему.

Коран поднял мусульман на священную войну «газават» против неверных, и война стала серьезным испытанием морального духа обеих сторон. Войска непобедимой и легендарной когда-то Красной армии увязли и забуксовали в дремучих песках Афганистана, афганцы же показали, что они умеют воевать с русскими, использовали пески и горные перевалы в своих интересах и неожиданно появлялись там, где их никто не ждал. Уничтожали нашу технику, личный состав и исчезали так же незаметно, как появлялись, словно призраки исчезали в афганском Средневековье, не испытывая недостатка ни в чем – ни в оружии, ни в моральной поддержке.

Как бы ни показался жестоким язык афганской войны, его надо знать.

Афганцы заставили нас уважать их жизненные интересы и принципы, о которых успели позабыть и обожглись наши солдаты, почти еще дети, неподготовленные к войне, и пополнили сибирские погосты, недооценив силу и мощь противника.

Я чувствовал по напряженным взглядам случайных людей, с которыми пришлось повстречаться по дороге к даче-отшельнику, по их натянутым улыбкам, что Кандагар живет по закону военного времени, дышит тяжело и нервно, как весь афганский народ, и от понимания всего этого стало тяжело на душе. Практически мы ввязались в войну не с басмачами, а с афганским народом.

Встречаясь с молодыми афганцами, которые шли и ехали по дороге на ослах и разбитых машинах японского образца, я видел в их глазах огонь ненависти. Они вели себя дерзко и решительно, были готовы без всякого предупреждения всадить град пуль по случаю знакомства со мной. Многие не скрывали этого желания, злобно смотрели в мою сторону исподлобья, поглядывали на запыленный автомат Калашникова, и этот автомат останавливал их от самосуда над человеком, зашедшим в «чужой» огород, сдерживал азиатский порыв мести и ярости, не уступающий такому хищнику, как Волк Ларсен в романе Джека Лондона.

Рядом со мной проскочил на большой скорости старый грузовик и чуть было не сбил меня с ног. В кузове грузовика молодые люди с лопатами, увидев меня, подняли черенки лопат и стали изображать, что целятся в меня, громко что-то кричать и издавать звуки, похожие на выстрел «Бах-бах-бах!», полагая, что этими выкриками они могут напугать меня. Я направил свой автомат в сторону автомашины и выстрелил в воздух, крики и смех прекратились. Черноголовки скрылись в кузове машины и долго не показывались, пока я взглядом провожал машину.

Враждебное ко мне отношение не прибавило энтузиазма. На мое появление в Кандагаре многие реагировали враждебно, как на заползшего в их постель клопа, от которого одно избавление – проутюжить швы горячим утюгом, только так можно избавиться от вредной твари.

Я шел, сжав губы, не произнося ни слова, молчал. Знал от деда, Ильи Васильевича Баева, истину: сильный не кричит, он просто бьет!

У меня не было злобы на афганцев, и я не понимал их злости ко мне. Я по-доброму относился ко всему, что видел и с чем соприкасался, любовался легкой походкой афганской молодежи, которая была сродни полету многочисленных голубей на кандагарской земле. Голуби эти были на редкость пугливые и беззащитные, образуя на земле замысловатые узоры, словно сотканный руками афганских мастериц ковер, и когда раздавался выстрел, голуби, взмахнув крыльями, уносились в небо. На миг все небо укрывалось крыльями голубей, и солнечный свет переставал проникать на землю. Становилось темно, как ночью.

Я шел уверенной походкой без страха и без боязни, верил, что ничего дурного со мной не случится. Знал не понаслышке, что испокон веков в Афганистане красота и ум ценятся больше всего на свете, а не грубость и злость. На красивых людей смотрел, как на картины художников в выставочном зале под стеклом, еще привыкая, что нахожусь не в России, а в Афганистане. Старался лучше понять окружающих меня людей, полагая, что со временем все станет на свои места, злоба пройдет, выветрится с годами, и сердца, привыкшие ненавидеть, вновь станут любить и радоваться, наполняться покоем и счастьем.

Дача-отшельник, где проживали оперативные офицеры, располагалась где-то рядом, но никак не удавалось ее отыскать. Я вновь свернул с проезжей части на узкую тропку и пошел в сторону величавых хвойных деревьев, стоящих плотными рядами, как солдаты в строю. Мощные деревья плотной стеной закрывали видимость, словно отгораживали дачу-отшельник от внешнего мира, но не от имеющихся проблем. Обособленное расположение дачи создавало в некотором роде ореол таинственности и религиозности, как это бывает с людьми, старающимися уединиться и жить в отдалении от других людей, как староверы, и проводить все свободное время в беседе с Богом, замаливая свои грехи, чуждаясь мирской суеты, пустой и бесполезной.

О даче-отшельнике начальник Кабульского разведывательного центра полковник Шамиль был

другого мнения, как и об обитателях дачи, называя их бранными словами, трусами и пьяницами, под стать пьяницам в глухих сибирских деревнях, пьянствующих с одинаковым рвением как в Петров день, так и в Иванов день, будучи не Иванами и не Петрами. Шамиль давно затаил злость на Кандагарскую «точку», так называли секретное расположение разведчиков на территории Афганистана. По словам Шамиля, он собирался разогнать на «точке» всех оперативных офицеров и заменить новыми, но не доходили руки, поскольку пьянство, дебош, трусость были практически везде, и менять шило на мыло он повременил. Но с моим прибытием в Кабул решил оздоровить обстановку в Кандагаре. Направил в Кандагар меня, считая опытным разведчиком, о чем он не раз мне говорил, жаловался, что ему в разведцентр присылают не опытных офицеров разведки, а пьяниц на исправление. Так, по его словам, в Мазари-Шарифе в комнате шифровальщика держали барана, откармливали его к ноябрьским праздникам. Но случилась беда, шифровальщик, из прапорщиков, заснул, будучи пьяным, с непотушенной сигаретой, возник пожар, баран сгорел вместе с шифровальщиком, от которого осталось кое-что, как от гоголевского Акакия Акакиевича после смерти: пара подметок, стоптанные ботинки и кальсоны.

Обстановка на всех «точках» была сложной и напряженной. Многие командиры «точек» находились в отрыве от регулярных сил 40-й армии, глубоко в басмаческом тылу, должны были действовать в интересах 40-й армии, давать координаты расположения басмаческих формирований, выдавая себя за советников губернатора или партийных секретарей провинций. Однако тесного сотрудничества не получалось. Здесь большую роль играл личный фактор, не все офицеры выдерживали массированные атаки басмачей, обстрел «точек» из пулеметов и минометов, круглосуточное нахождение в окопе без горячей пищи и воды, будучи в постоянном ожидании смерти или ранения. Нередко басмачам удавалось брать в плен разведчиков и советников. Их пытали, жестоко издевались, отрезали головы или разрывали на части, привязав за ноги к ишнякам или ослам. Такое случалось часто, но всячески скрывалось и замалчивалось. Эти факты были за семью печатями, и мало кто знал о них. «Правда» об афганской войне начиналась со лжи.

Офицеры-смертники на «точках» были в постоянном ожидании беды, спивались, делали это сознательно, их отправляли в Кабульский разведцентр, там драли со всей силы, чтобы другим неповадно было, судили судом чести, увольняли из армии без пенсии. Наступали нищета, голод, смерть. Офицеры умирали не с ужасом перед смертью, а с благодарностью, со словами: «Слава богу! Отмучился!» – исповедью из глубины души.

Никакие приказы по 40-й армии о наказании за пьянство, ни суды офицерской чести не могли положить конец пьянству на «точках», расположенных в басмаческом тылу. Какой бы храбростью ни обладал офицер, он был прежде всего человеком, а только потом офицером, и ему, естественно, были присущи все достоинства и человеческие недостатки. Никто не хотел умирать во цвете лет за «здорово» живешь, на чужбине, за непонятные цели этой войны, но умирали, загнанные в угол.

Однако тяга к жизни преобладала, брала верх. Можно понять героев-панфиловцев. Они погибли за правое дело, за Россию, а за что гибли военнослужащие в Афганистане? За прихоти кремлевских мечтателей, развязавших эту войну, что шло вразрез с нашими интересами, несмотря на долг, присягу и офицерскую честь.

Басмачи внимательно отслеживали оперативных офицеров на «точках», выкрадывали их, жестоко пытали, глумились, отрезали головы, а пакистанская пресса публиковала на страницах своих изданий фотографии голов «мушаверов», что считалось правилом хорошего тона.

Направляя меня на «трудную», по его словам, «точку», начальник Кабульского разведывательного центра Шамиль дал мне широкие полномочия, вплоть до отстранения от занимаемой должности офицеров за плохую работу. Следил из Кабула о положении дел на «точке», но помощи, как правило, не оказывал.

Разыскивая дачу-отшельник, я много размышлял, передумал и, кажется, это пошло мне на пользу.

– А вот и подкова на калитке, – сказал я вслух. Но, как оказалось, здесь жили другие люди.

– А где водонапорная башня и водокачка? – спросил я одного из них. Он показал, куда следует идти.

На моем пути стали попадаться обугленные деревья, сожженные дома, перепаханная земля гусеницами танков. Повсюду валялись гильзы от снарядов, брошенная техника, земля в воронках от бомб.

Рядом со мной прошли крестьяне с лопатами, как с ружьями на плечах, боязливо поклонились мне. На лицах страх, тревога, а в глазах ненависть.

На поклон крестьян я ответил приветствием по-афгански, они заулыбались, пошли дальше, а я подумал: «Как неуютно и тревожно находиться среди обугленных деревьев даже днем, а каково попасть сюда ночью при свете луны и вое одичавших собак!»

Однако впоследствии я использовал эти заброшенные места для встреч с агентурой «точки», зная, что полиция и армейские патрули стараются обходить стороной эти мрачные места, наводящие страх и отчаяние.

Вокруг меня вдоль тропинки, по которой я шел, валялись смятые танками деревья, изуродованные до неузнаваемости, так и казалось, что это не изуродованные деревья, а люди-калеки, попавшие в водоворот событий. Деревья стонали, как люди, тяжело переживали, что с нами случилось, плакали, словно отчаявшиеся люди, так и не поняв, в чем была их вина, за что их смяли, сломали и загубили жизнь.

На обугленные войной деревья даже не садились птицы и не вили гнезда. Стояла гнетущая тишина, внушающая тревожное чувство приближения какой-то новой беды. А деревья-уроды, как ловцы мертвых душ, действовали на психику, обостряли сознание собственной вины за случившиеся с ними несчастья, настораживали ум пониманием, что этим дело не кончится. Новая беда придет за старой и число мертвых деревьев удвоится-утроится из-за безрассудства человека, не умеющего жить в согласии с природой. Я шел, смотрел по сторонам и, кажется, от зловещей тишины, идущей от мертвых деревьев, погружался в таинственный мир Шекспира с изгибами света и тьмы.

Пока мертвая тишина не причиняла мне вреда, но ожидание наказания за содеянное варварство вызывало тревогу в душе, так и хотелось куда-то поскорее уйти прочь и скрыться от гибельных мест и никогда сюда не возвращаться. Впрочем, я так бы и поступил, если бы не интересы работы, которые подталкивали меня раз за разом в эти безлюдные и угрюмые места.

Вспомнил стихотворение, полюбившееся с детства своей жизненной правдой:

*То дерево и суть его чиста,
И не лежит на нем ничье проклятье,
Живым оно похоже на Христа,
А мертвым похоже на распятие.*

– Ну, слава богу! – вырвалось из груди. Наконец-то разыскал дачу-отшельник. На калитке висела большая железная подкова, выкрашенная в желтый цвет, а из трубы валил черный дым.

Собрав воедино всю свою волю и решимость, толкнул заветную калитку, она певуче открылась, я оказался в ограде дачи. Дом был старый, запущенный, кажется, забытый всеми и наводил скуку, пустоту и уныние, а не покой и благополучие, как об этом говорил полковник Шамиль.

Глава 2

Обитатели «Мусомяки»

Пей-ка, лей-ка, в глотку, водку.

В. Маяковский

Сгорбившись в три погибели, как столетний старик, в земле копался шифровальщик Микаладзе. Его я сразу узнал по фотографии, знакомясь в Кабуле с личными делами подчиненных. Он беспечно напевал:

*Ты гадаешь – меня не зови —
Я и сам уж давно ворожу...*

Прапорщик Микаладзе, по оценке командования Центра, был специалистом высокого класса, о нем хорошо отзывались в Кабуле, но в то же время отмечали его неуравновешенный, вспыльчивый характер.

– Михаил Николаевич! – обратился я к прапорщику Микаладзе. – Здравствуйте. Много хорошего слышан о вас и решил познакомиться с вами без посредников.

– Извините меня, пожалуйста, я что-то вас не припомню, чтобы мы с вами были знакомы? Кто вы будете, представьтесь, пожалуйста.

– Действительно, Михаил Николаевич, мы с вами не знакомы, но я о вас знаю со слов полковника Шамиля, начальника Кабульского разведывательного центра. Перед командировкой в Кандагар он много рассказывал о вас и оперативных офицерах кандагарской «точки». Я – полковник Тоболяк. Ваш новый командир. Вот мои документы.

Прапорщик Микаладзе отбросил в сторону лопату, не стал смотреть мои документы, вопросительно уставился на меня своими черными, как смоль, немигающими глазами, как будто увидел перед собой не своего непосредственного начальника, а вурдалака-оборотня. Их уже давно затравили в России собаками, но они еще остались в Афганистане.

Наконец-то Микаладзе заговорил быстро, нервно и громко:

– Да как можно, товарищ полковник, пройти пешком и без охраны такое большое расстояние от Кандагарского аэропорта до «Мусомяки», так условно мы называем свой дом. Вы, конечно, не знаете и не могли знать, что в 150 метрах от нашей дачи басмачи пару дней назад вырезали всю семью советника ХАДа, а самого советника пытали, отрезали голову и воткнули на кол. Вот такие дела творятся у нас. Теперь вы понимаете, что сильно рисковали своей жизнью? Этот риск, согласитесь, не оправдан!

Микаладзе еще хотел что-то сказать, но я остановил его красноречие.

– Михаил Николаевич, пойдёмте в дом и вы меня представите офицерам в качестве нового командира «точки».

– Есть! – по-военному отреагировал прапорщик. – Все будет так, как вы приказали. К сожалению, пока нет телеграммы о вашем назначении, поэтому вас никто не встретил в аэропорту Кандагара. Телеграмма запаздывает. Все начальство, видать, занято съездом КПСС. Прямо беда, не съезд, а балаган и пустая болтовня, да и только.

Претензий к Микаладзе, что не встретили в аэропорту, не было. Главное, я прибыл к месту службы и готов приступить к выполнению своих обязанностей, но сказал прапорщику Микаладзе не о том, о чем

думал, а совсем другое.

– Скажите, пожалуйста, не ваш ли родственник, полковник Микаладзе, работает в штабе 40-й армии?

– Нет! – коротко ответил прапорщик и добавил с улыбкой: – Я, товарищ полковник, ожидал от вас другой вопрос: не мой ли родственник Ксаверий Микаладзе был одно время градоначальником в Глупове?

– И какой же ответ? – теперь уже улыбаясь, спросил я прапорщика.

– Известно со слов сатирика, что Ксаверий Микаладзе умер от истощения сил на почве равнодушия к женскому полу. Трезво рассудив, я самостоятельно пришел к выводу, что Ксаверий Микаладзе – не мой родственник, и вот почему. Во-первых, он, как известно, был большой любитель женского пола и много порчи от него было женам и девам глуповским, о чем сказал классик, а я не люблю женщин, поэтому не женат, а мне уже сорок лет. Во-вторых, моя бабушка по линии отца была негритянка, что в большей степени роднит меня с Александром Дюма, у которого тоже прослеживается такая же родословная: по линии отца, как у меня.

Непринужденно разговаривая с прапорщиком Микаладзе, я вошел в дом вслед за ним. С порога нельзя было сказать, сколько человек находится в комнате, из-за плотной завесы табачного дыма и кухонной копоти.

Помещение оперативной группы было грязное, неухоженное, с тяжелыми запахами грязи и сырости. Помещение давно не проветривалось, что нередко бывает у нерадивых и ленивых хозяев, занятых пьянством, потерявших всякое представление о времени суток, что в данный момент – утро или вечер.

В табачном дыму были слышны голоса оперативных офицеров Собина и Саротина. Они сидели за столом напротив друг друга и хлебали деревянными ложками щи, о чем-то громко и оживленно разговаривали. Оба в звании майора. Примерно одногодки. Лет под сорок. Собин и Саротин прибыли в Афганистан из Читы, но до прибытия в Кандагар не знали друг друга, познакомились здесь, в Кандагаре. Подружились. Стали, по словам полковника Шамяля, корешами до гробовой доски. Третьим компаньоном за столом был громадный черный кот. Он то и дело спрыгивал с колен майора Собина и лез под стол, куда Собин и Саротин бросали коту кости, и черный кот, с отчаянными кавалерийскими усами, похожий на булгаковского кота из «Мастера и Маргариты», грыз кости, дробил их своими мощными зубами. На столе у господ офицеров стояла бутылка водки, уже начатая, другая, пустая, валялась рядом со столом на полу. Оба майора с раннего утра опохмелялись, были под градусом и на мое присутствие не обращали никакого внимания. Шумно разговаривали, ругались. Слышались мат, нецензурная брань.

Два переводчика разведгруппы, Хаким и Ахмет, сидели на полу, по-азиатски поджав ноги под себя, играли в шашки, спорили по-узбекски, кричали. Бросив на меня равнодушный взгляд, продолжали играть и спорить так же азартно и шумно, как вели себя оперативные офицеры группы. Солдат-водитель автомашины Саша Григорьев, молодой и красивый, внешностью похожий на Кларка Гейбла, партнера по кинофильму «Унесенные ветром» несравненной Вивьен Ли, как заправский повар обслуживал господ офицеров. То и дело бегал от кухни к столу, приносил офицерам то перец, то горчицу, а они недовольно кричали: «Сашка! Ты снова пересолил, скотина, щи! Смотри, как бы опять тебя не побить по ушам!»

Наконец майор Собин повернулся в мою сторону, и я узнал его – Собин. Он погрозил пальцем водителю автомашины, Саше Григорьеву, и отвернулся от меня. Я его не интересовал. Собин впал в тоску и уныние, напоминал своим видом старика, выжившего из ума. Облокотился о стол, загрузил.

Бедная, простая и очень старая мебель в «Мусомьяки» говорила о том, что бывший хозяин дачи успел удрать и вывезти все ценное, оставил лишь старую мебель-рухлядь, несколько табуреток, стол-развалюху, обшарпанные потолки и стены.

– Товарищи офицеры! – громко скомандовал прапорщик Микаладзе после некоторой паузы, чтобы я мог осмотреться в помещении дачи. По этой команде офицеры обязаны встать по стойке «смирно», как того требует устав, но никто из офицеров даже не шелохнулся и не привстал с табуретки, продолжали сидеть и хлебать щи. Лишь переводчики, почувствовав неладное, бросили шашки и незаметно скрылись внутри коридора, наблюдая оттуда за тем, что будет дальше.

Я продолжал стоять у порога и ждать выполнения команды. Наконец майор Собин повернулся в сторону прапорщика Микаладзе и резко бросил:

– Твои дурные шутки, прапорщик, мне изрядно надоели. Пора их прекратить. Уймись, пока не поздно, будешь дурачиться, отправлю в два счета к Шамилю на перевоспитание. Он знает в этом деле толк. Сразу сделает из тебя идиота.

Майор Собин взглянул на меня своими мутными, стеклянными глазами, потряс головой в разные стороны, строго спросил:

– А ты кто будешь, товарищ? Отвечай быстрее, как сюда попал? Не ответишь, пушу пулю в лоб!

Не говоря ни слова, я снял вещмешок, бросил на табурет бушлат, рядом поставил автомат Калашникова, представился:

– Полковник Тоболяк. Командир кандагарской «точки». Прошу любить и жаловать!

Дальше все закружилось и завертелось. Никто не ожидал такого поворота событий. За столом толкотня, тревога, паника. Двери настежь. Все засуетились, забежали. Офицеры, как ошпаренные, разом вскочили с мест, рявкнули:

– Здравия желаем, товарищ полковник!

Прежней развязности как не бывало. Со стола исчезла бутылка водки, офицеры не знали, что делать и с чего начать общение со мной. Первым нашелся майор Саротин:

– Извините, товарищ полковник, что все так вышло. Никак не могли знать, что вы – наш новый начальник, из-за этого обошлись с вами грубо, неподобающим образом, простите за это!

– Как я уже сказал, моя фамилия Тоболяк. Звать меня Геннадий Петрович. Прошу всех называть меня не по званию, а по имени и отчеству. Это во-первых. Во-вторых, у меня был продолжительный разговор с начальником Кабульского разведывательного центра полковником Шамилем перед отъездом в Кандагар. О каждом из вас я многое знаю со слов Шамиля. Буду рад, если вы сами в ходе знакомства расскажете о себе что-то новое из вашей биографии. О каждом подчиненном буду судить не по материалам личного дела, с которыми, кстати, знаком, а по конкретным делам.

В-третьих, с сегодняшнего дня спиртное под запретом. Это приказ. Кто его нарушит, тот будет отправлен в Кабул на перевоспитание к Шамилю, а он действительно знает толк в этом деле. Цитировать до конца слова майора Собина не стану, поскольку знаю одно – что полковник Шамиль идиотами никого не делает, но может серьезно испортить биографию любого офицера, отправить служить не в Москву и Ленинград, а гораздо дальше, туда, где Макар пасет телят. Об этом вынужден сказать сразу, чтобы не повторяться в процессе работы.

И последнее, прошу весь коллектив оперативной группы работать самоотверженно, как того требует присяга, Устав, совесть. Работа всех нас уравнивает и сдружит.

Я сел за стол. Самовар, хранивший молчание, неожиданно запел на разные голоса. Стало веселее, спокойнее и даже уютнее в доме.

– Какие на сегодня группа решает задачи? – спросил я.

– Никаких! – был короткий ответ. – Басмачи резко активизировались по всему фронту, убивают солдат, офицеров, лиц, сотрудничающих с народной властью. Только недавно рядом с нами была зверски убита семья советника ХАДа, а самого советника жестоко пытали, и его отрубленная голова была воткнута на кол. Предлагаем вам, товарищ полковник, лечь «на дно», затаиться, переждать басмаческую активность, а через неделю-другую всплыть со дна и ударить по басмачам со всей силой.

– Это мнение всех или кого-то одного? – спросил я.

– Это – общее мнение! – сказал майор Собин.

– А теперь послушайте, что я вам скажу. На телеграмме в Кабульский разведцентр, направленной вами, майор Собин, начальник Центра самолично начертал: «Струсил, курва!» Так Шамиль оценил ваш план «затаиться, а потом всплыть со дна». То, что вы предлагаете, не подходит. Начиная с завтрашнего дня активизируется работа с агентурой, ее проверка в надежности. Возобновляются полеты личного состава оперативной группы по уничтожению басмаческих гнезд и разработка со штабом десантной бригады военных операций и участие в них наших офицеров и переводчиков. Полагаю, что я говорю ясно и откровенно. Кто не подчинится приказу, будет отстранен от должности с вытекающими последствиями.

Я сделал паузу. Внимательно проследил за реакцией каждого на мои требования. Оба майора сидели смирно, смотрели на меня исподлобья, как смотрят живые твари и мелкие хищники на громадного удава, способного их заглотить живьем. Было видно по их растерянным лицам, что они меня боятся, но по пьянке хорохорятся, не показывая вида, что струсил и не способен к оперативной работе.

– Вы знаете, товарищ полковник, что нас, разведчиков, называют «смертниками»?

– Извините за резкость, майор Собин, я знаю, как лично называют вас: «Всадником без головы!», а смертниками вас никак не назовешь, это название еще надо заслужить.

Меня поддержал шифровальщик Микаладзе:

– Пора Собину и Саротину мужество, сданное в архив на хранение, взять обратно, иначе трусость и ваш позор ничем нельзя будет смыть!

– Вот еще что я должен сказать вам, товарищи. В Кандагаре, второй афганской столице, проживает большое число богатых и влиятельных людей. Они учились в Риме, Париже, Мадриде, Лондоне. Знают иностранные языки. Лично я знаю, кроме русского языка, еще французский, испанский, португальский.

Это говорю для того, чтобы освободить переводчиков Хакима и Ахмета и встречи с нужными нам людьми проводить без посредников, один на один. Высвободившихся переводчиков задействовать на полеты разведки местности и противника. Повысится эффективность работы и роль «точки» в решении важных задач по выявлению басмаческих формирований на территории провинции Кандагар.

– Прошу офицеров доложить, кто владеет каким иностранным языком? – спросил я.

– Лично я владею кроме русского языка еще матерным языком! – заявил майор Собин и громко захохотал. Его никто не поддержал, кроме майора Саротина, который заявил в поддержку майора Собина:

– Я пролетарий, выходец из рабоче-крестьянской среды, знаю, как майор Собин, только русский язык!

Оба майора, Саротин и Собин, высказав свое отношение к иностранному языку, продолжали стоять.

– Садитесь, товарищи офицеры! – сказал я. – Майор Собин! Представление на присвоение вам воинского звания «подполковник» отложено в сторону, как сказал Шамиль – «до лучших времен». Представление у меня и будет подписано в зависимости от результатов вашей работы на «точке». Нужно не кичиться своим пролетарским происхождением, а стремиться поднять уровень своих знаний, а следовательно, культурный и художественный уровень, конечно, если вы заинтересованы иметь

перспективу по службе. Подумайте над моими словами – не только вы, но и другие товарищи.

Майор Собин был явно обескуражен моей осведомленностью, сидел понуро, сосредоточенно о чем-то думал. Кажется, я сломил его пьяный напор, подчинил своей воле и требованиям.

– Майор Саротин, пригласите, пожалуйста, за стол переводчиков! – обратился я к оперативному офицеру.

– Эй, вы, черти! – крикнул майор. – Идите сюда, командир зовет!

«Черти» тут же поднялись и, шаркая ногами, подошли к столу, поздоровались.

– Вы завтракали? – спросил я их.

– Нет! – был ответ. – Мы завтракаем после офицеров. Такой здесь заведен порядок.

– С сегодняшнего дня порядок за столом будет один для всех! – строго сказал я. – Все завтракают, обедают и ужинают одновременно, конечно, если позволит обстановка. За столом можно будет посмотреть друг другу в глаза, узнать о здоровье каждого, чем-то помочь и в то же время поставить конкретно каждому задание на день. Кстати, почему вас называют «чертями»?

– Что взять с Собина и Саротина! – ответил за всех Микаладзе. – Они отравлены водкой. Пьют по-черному. С утра опохмеляются, в обед напиваются и так продолжается изо дня в день. Откуда у этих горе-разведчиков может появиться ум? Днем пьянствуют, а ночью буянят. Нет от них никакого покоя. Не жизнь на «точке», а каторга. Не знаю, сможете ли вы, товарищ полковник, сладить с ними. Они неуправляемы, когда бывают пьяными, а пьяными они бывают всегда, даже теперь.

– Ты, Микаладзе, кажется, на грубость нарываешься! – зло процедил сквозь зубы майор Собин. – Я никого не называю «чертом» или «чертями» без причины. Ну, к примеру, как тебя, Микаладзе, не назвать «дурнем», если ты практически каждый день носишь рубашу на левую сторону, а переводчики, как черти, спят не на кроватях, а под кроватями. Это ли не позор для вас самих!

– Конечно, такое со мной случается, что иной раз надену свою рубашку на левую сторону из-за того, что нет электричества. Его рано выключают или вообще не бывает. Это не повод называть меня дураком или кусать за ногу, как бешеная собака.

– Кто вас кусал за ногу? – спросил я из любопытства, даже не предполагая, что такое безумие может быть среди людей, считающих себя интеллигентными людьми.

– Как «кто меня укусил за ногу»? – переспросил Микаладзе. – Это все он, майор Собин. – Прапорщик Микаладзе намеревался задрать штанину, чтобы показать укус, но я остановил его намерение, лишь спросил:

– Как все это случилось?

– Собин хорошо знал, что у меня под кроватью хранится бутылка спирта для профилактики передающей аппаратуры. Он зашел ко мне в комнату и стал просить стакан спирта. Я, конечно, отказал. Тогда он с колен стал уговаривать меня налить ему немного спирта и на коленях пополз ко мне, пытаясь разжалобить тем, что страдает от головной боли. Собин так ничего и не добился, тогда в отместку укусил меня.

– Вся эта ложь шита черными нитками! – возмутился майор Собин. – Такого случая я не припомню, а потому считаю, что это поклеп на честного человека. Вы, командир, еще не знаете, какой Микаладзе сочинитель. Он, например, говорит: «Бороться с бедой – упаси бог, нельзя! На то она и беда, чтобы против нее не было средств защиты. Она неизбежна, как рок!»

Началась нетрезвая ругань Саротина и Собина с Микаладзе. Чувствовалось, что в коллективе нет

согласия и лидера. Каждый сам по себе. Лишь Собин и Саротин держались вместе, остальные были у них на побегушках, несамостоятельными людьми в принятии решения.

Галдеж стал спадать, и разговор перешел в деловое русло, только майоры Собин и Саротин перешептывались, готовили, видать, очередную пакость.

Еще в Кабуле меня предупреждал полковник Шамиль о наличии сговора Собина с Саротиным и посоветовал узнать, на чем основан этот сговор и чего они добиваются?

Оказавшись в Афганистане, я перестал чему-либо удивляться, включая сговор этих двух пьяниц, которые прятались, как мокрицы, в складках коррумпированного советского общества, живущего по принципу: «Один против всех и каждый за себя!» Моральный кодекс строителя коммунизма был разменной картой, им козыряли на собраниях, поучали, как надо жить, а на деле каждый тащил одеяло на себя. Собин и Саротин не были исключением из правила, были такими же, как все, только более отпетыми негодьями, почувствовавшими запах человеческой крови, и испили ее вдоволь. Они были одними из первых офицеров 40-й армии, попавшими в Афганистан, когда двери магазинов и дворцов были настежь открыты, и никто не грабил до прихода в Афганистан частей Красной армии, непобедимой и легендарной, как поется в известной советской песне. Собин и Саротин быстро сообразили, что надо делать – грабить и убивать. С этими мыслями они жили, и наконец пришла пора осуществить свои планы варваров. Под видом борьбы с басмаческими отрядами, когда никто не видел никакого басмача, они нападали, как стервятники, на караваны купцов, грабили и убивали всех подряд, имущество – персидские ковры, золотые и серебряные вещи, дорогие шубы и хрусталь – забирали себе. Преступников, занимающихся таким воровским ремеслом, называли «всадниками без головы». В разведцентре многие знали о проделках Собина и Саротина, но молчали. За молчание им полагалась часть преступно нажитой добычи. В Афганистане шел разбой, а не война. Стремление до нитки ограбить страну, а афганский народ превратить в рабов.

Шифровальщик Микаладзе принес телеграмму из Кабульского разведцентра о моем назначении командиром Кандагарской разведгруппы, предлагалось меня встретить в аэропорту и выполнять все мои распоряжения как начальника. Телеграмма была подписана полковником Шамилем.

– Начальник разведцентра Шамиль мог бы немного поторопиться с телеграммой, – заметил майор Собин, – нет ничего более беспечного, чем чувство мнимой безопасности. Тоболяка могли подстрелить, как куропатку, басмачи, когда он пешком добирался до «Мусомяки».

– Пожалел волк кобылу, оставил хвост и гриву! – съязвил прапорщик Микаладзе.

– На что ты намекаешь этой пословицей? – с долей возмущения в голосе спросил прапорщика майор Собин. – Ты явно хочешь меня поссорить с командиром, не выйдет! При необходимости я прикрою командира своим телом, чтобы защитить его от басмаческой пули. Кроме того, я являюсь заместителем Тоболяка и воспользуюсь возможностью, чтобы выдворить тебя, Микаладзе, с «точки» как неуживчивого человека в коллективе разведгруппы.

– Прекратите ссориться по пустякам! – сказал я. – Скажу лишь одно, все кадровые вопросы, как и представление к наградам, званию, решаю только я, и никто другой. Прошу больше к этим вопросам не обращаться, как говорится, не наступать на одни и те же грабли.

– Прапорщик Микаладзе, сообщите о моем прибытии в Кандагар! – приказал я. – Общая часть беседы на этом заканчивается, далее поговорим о делах службы с каждым в отдельности. – И привстал с табурета, давая понять об окончании разговора. Следом за мной встали из-за стола все остальные, офицеры Собин и Саротин проводили меня до комнаты, закрепленной за командиром группы, расположенной рядом с комнатой шифровальщика Микаладзе.

– Командир, – обратился ко мне майор Собин, – мы понимаем, что идет кровопролитная война в Афганистане, мы не цепляемся за жизнь любой ценой, как делают некоторые, но мы не хотим понапрасну рисковать и проливать кровь. Никто не убедит нас, что эта война будет выиграна. Мы ее уже проиграли. Теперь нет смысла опрометчиво рисковать собой, как предлагаете вы, командир. Главное – это сохранять силы и здоровье для будущего, которое прекрасно, если человек богат, жив и здоров.

– Вы, майор Собин, это говорите только от своего имени или от имени вашего товарища Саротина?

– Это и мое мнение! – заявил майор Саротин. – Но, как вы понимаете, этот разговор идет между нами, если о нем будет кому-то еще известно, то мы откажемся от своих слов, понимаем, чем мы рискуем, доверившись вам.

Наступила томительная пауза, офицеры смотрели на меня, ждали моей реакции, я лишь развел руками, сказал, улыбаясь:

– А я от вас никаких признаний не слышал. Слышал лишь бог Морфей, вечно сонный и зевающий, своим видом внушающий мысль, что лучше умереть во сне, чем всю жизнь мучиться от бессонницы!

Офицеры смотрели себе под ноги, молчали. Чувствовалось, что они никак не ожидали такой реакции с моей стороны, не знали, как понимать мои слова, струсил, испугались своего признания.

– Конечно, никто не знает, что нас ждет впереди, – сказал майор Собин, нарушив молчание, – вы, командир, правильно сказали, что наши слова известны только богу Морфею, но он далеко – и молчит. – В голосе майора Собина звучали нотки угрозы, однако я не показал вида, что правильно истолковал его слова, толкнул дверь, ведущую в мою комнату, она шумно открылась и так же шумно захлопнулась из-за наличия пружины, и я оказался один в большой и узкой комнате, похожей на длинный коридор или тюремный карцер.

За окном комнаты шумел ветер. Где-то в углу скреблись мыши. Было жутко и тоскливо, словно мыши скреблись в моей беспокойной душе. Подумал с грустью: «Судьбе было угодно вынести меня мощным потоком за пределы России в Афганистан рушить города и села, превращать в пепел кишлаки, а самому ютиться в грязных и неухоженных ночлежках, не приспособленных к нормальной жизни. Такова, видать, моя судьба изгоя, чем-то похожая на судьбу моего деда, Баева Ильи Васильевича. Дед по причине раскулачивания жил, где придется, как я, терпел нужду и несправедливость. Я, кажется, шел по следам своего деда. Так решил бог».

Комната, в которой мне предстояло какое-то время проживать, мне сразу не понравилась своей неухоженностью, наличием старой мебели, внушающей брезгливость и отвращение. У стены стоял пыльный стеллаж со старыми газетами и журналами. На стеллаж падал от окна луч света и освещал его, другая часть узкой комнаты была в полумраке, печали и тоске.

Со стеллажа взял старую, потрепанную книгу М. П. Арцыбашева «Санин». Полистал роман. Многих страниц не было. Вырваны. Другие испачканы грязью и кровью. Положил книгу на место. Взглянул в маленькое зеркало, висевшее на стеллаже, покрытое пылью. Взглянул и не узнал себя, своего изможденного лица, измученных глаз от тревог и хлопот. Чувствовал, что моя душа, как и тело, кровоточит от ран и обид, справедливых и несправедливых, через которые пришлось перешагнуть, оставив на сердце незаживающие рубцы.

Присел на кровать. Задумался. Как работать в таком коллективе? Где каждый за себя и все против каждого. Короткая, но ясная мысль, как удар молнии, вошла в мое сознание – следует создать в коллективе нормальные взаимоотношения, но как это сделать, пока не знал.

«Я не настолько большой начальник, чтобы подбирать подчиненных под себя! – подумал я. – Значит,

придется работать с теми, кто есть».

Шла необъявленная война с афганским народом, я был вынужден в ней участвовать. Пресечь безрассудство солдат по отношению к мирным гражданам Афганистана я не мог. Устыдить – бесполезно, как и своих подчиненных Саротина и Собина. Что же остается делать? Продать свои убеждения, как продал их Исав за чечевичную похлебку, или четко требовать уставных отношений с подчиненными и превратить убеждения в стержень борьбы с явным врагом, кто поднял на нас руку, вооруженную автоматом? Выбор я сделал и стал успокаиваться. Мой взгляд упал на небольшую картину, висевшую рядом с дверью, изображающую драму в пустыне. На верблюжьей тропе бездыханно лежал молодой, красивый человек в богатом халате со следами крови на лице, а на его теле кровоточили ножевые раны, их было много, кровь из ран сочилась прямо на песок. Рядом с молодым человеком – старик, он склонился над смертельно раненым, должно быть, сыном. Глаза старика безумные и страшные от горя. Он, кажется, хотел приподнять раненого, но понял, что молодой человек умер, и оцепенел от ужаса. Мир в душе старика распался. В душе не стало веры в справедливость. Он был в одном шаге от смерти.

Картина заинтересовала меня.

«Что же все-таки здесь произошло? – спросил я себя. – Не картина художника, а загадка с множеством вопросов».

Караван из двугорбых верблюдов остановился в пути, где нет ничего – ни воды для людей и верблюдов, ни тенистых деревьев от жары. Что же случилось с молодым человеком в богато убранном халате? Кто его ранил и за что? Ограбление в пустыни? Не похоже. Следов ограбления нет и рядом нет грабителей. Что произошло?

Я внимательно и пристально всматривался в картину, пытаюсь лучше понять оригинальность ее построения. К седлам верблюдов привязаны многочисленные вьюки. Они не тронуты. Стало быть, ограбления не было, так что тогда произошло? Кругом песок и палящие лучи солнца. Казалось, что я вот-вот постигну тайный смысл неизвестного художника, но тайна, как скользкий песок, исчезала сквозь пальцы. Мало что мог подсказать обезумевший от горя молчаливый старик с неописуемой тоской в глазах. Над стариком кружились мощные грифы, а он даже не смотрел на них, словно не замечал надвигающейся опасности, исходящей от этих прожорливых, когтистых хищников. Уста старика по-прежнему были плотно сжаты.

– Чтобы понять сердцем эту картину, нужно хорошо знать Афганистан, его обычаи, проблемы и беды! – подумал я о картине художника. – Она несет в себе какие-то тайны и проклятия, по-видимому, именно от этого никак не дается разгадка трагедии в песках Афганистана.

Я привстал с кровати, подошел ближе к картине, и луч дневного света, который я загоразживал, неожиданно упал на одинокого путника, поспешно удаляющегося прочь с места преступления. «Может быть, разгадка картины кроется в этом человеке?» – подумал я. Человек невзрачного вида оглянулся назад, и наши глаза встретились. Я зажмурился от его взгляда убийцы, от чужих глаз по телу прошелся холод, словно убийца был где-то здесь, рядом со мной и только что вышел из моей комнаты. Вновь пристально стал всматриваться в след удаляющегося путника. След был... кровавый. Мелькнула мысль: «Снова на моем пути повстречались верблюды». В Кабуле увидел у нищего в руках отрубленную голову верблюда, что надолго выбило меня из колеи. Понял, увидеть наяву или на картине верблюдов – верный признак того, что пора собираться в дорогу. Так ли будет на этот раз?

Снова присел на кровать, поставив картину под луч света, идущего из окна. Неожиданно обнаружил, что караван ожил, зашевелился, раздались перезвоны усталых колокольчиков, подвешенных к шеям верблюдов, а след удаляющегося путника весь в крови. Человек, кажется, двигался через силу, волочил

ногу, оставляя на песке кровь. Лицо искажено судорогой, без единой кровинки, бледное, как полотно.

Наказания без вины не бывает, – так сказал еще блаженный Августин. Немного воображения – и хитросплетенные мотивы картины стали доступны для понимания. Убийство на религиозной почве? Такое возможно? Почему нет? Вспомнил историю со старухой, рассказанную моим дедом, Баевым Ильей Васильевичем. Старуха торопится, падает с охапкой дров, чтобы бросить ее к ногам «злодея» веры христианской в костер мученика.

Он обращается к палачу: «Пропусти старуху! Разве ты не видишь ее горячую веру? Пусть Бог увидит жертву ее усердия!»

Возможно, что такой жертвой усердия стала месть, зависть или что-то еще, подтолкнувшее убийцу нанести удар возмездия по своей жертве вдали от цивилизации, в пустыне, но и сам убийца, по-видимому, недооценил силу противника, истекает кровью, вряд ли сможет самостоятельно выбраться из пустыни, где нет ничего, кроме песка.

«Картину надо куда-то убрать! – подумал я. – Она мешает думать, работать, отвлекает своей таинственностью и пролитой кровью».

Позвал переводчика.

– Дарю вам эту картину! – сказал я ему. – Она мне не нужна!

– Так и хочется протереть глаза и спросить, правда ли то, что вы сказали? Этой картине цены нет! – с присущим азиатским многословием ответил переводчик.

– Берите, берите! – сказал я настойчиво. – Вижу, что вам картина нравится. Берите.

– Извините, Геннадий Петрович, но большей нелепости я не встречал. Вы дарите целое состояние и, кажется, даже не знаете кому.

– Почему же «не знаю», хорошо знаю. Ваше имя Хаким.

Переводчик оторопел от моего ответа. Его лицо выражало азиатскую покорность, доведенную до умиления.

Переводчик Хаким подхватил картину за веревку, на которой она висела, ушел. Под окном ходил взад-вперед часовой охраны «Мусомьяки» из бригады Михаила Шатина и напевал вальс «Амурские волны»:

*Плавню Амур свои волны несет,
Ветер сибирский им песни поет.
Тихо шумит над Амуром тайга,
Ходит пенная волна,
Пенная волна плещет,
Величава и вольна.*

Солдат охраны пел хорошо, от души. Чувствовалось, что он скучает по дому, семье, России.

Песня, услышанная далеко от родного дома, запала в душу, и тревога, возникшая от просмотра картины, ушла прочь. Все мысли переключились на работу. С чего начать? Пригласил для беседы майора Саротина Льва Яковлевича, спросил:

– Вы, Лев Яковлевич, прибыли в Афганистан добровольцем или по приказу?

– Я – доброволец! – последовал короткий ответ. – Решил испытать себя чужбиной. Хотя признаюсь, что такое решение далось не сразу. Уж слишком негативное влияние оказывают «грузы-200». Это, как вы знаете, гробы с останками военнослужащих. Порой там ничего нет, а гроб запаян. Очень тяжело в таких

случаях родителям убитых солдат и офицеров. Они даже не могут взглянуть в последний раз на сына. Как раз в канун моего отъезда в Афганистан мой непосредственный начальник Пуртов получил сына в гробу. Я видел, как переживали он и его жена. Плакал вместе с ними на похоронах, но своего намерения добровольно поехать в Афганистан не изменил, хотя все на меня смотрели как на смертника.

– Что вами двигало в минуту принятия решения о поездке в Афганистан? – спросил я Саротина. – Вам что, надоело жить или были другие мотивы, побудившие вас к принятию такого решения?

– Конечно, мне не надоела жизнь! – ответил майор Саротин. – Я решил помочь нашим солдатам выжить в условиях войны и вернуться живыми в свои семьи, а не в гробах. Мне было известно, что некоторые командиры неправильно ведут себя с молодыми солдатами и офицерами. При случае называют их трусами, что для молодого человека равносильно пощечине, и, чтобы доказать, что они не трусы, лезут под град пуль басмачей и бесславно гибнут.

– В части, где вы служили до Афганистана, было много добровольцев?

– Нет, не много, – ответил майор, – но добровольцы были, хотя больше все-таки было отказников, их участь незавидная. Мой сослуживец, подполковник Жабинец, трусил, отказался ехать в Афганистан, пытался откупиться деньгами, не помогло. Должен заметить, что большинство отказников – это дети высокопоставленных родителей: полковников, профессоров, директоров заводов и чиновников из партаппарата...

Отец Жабинца, например, был ректором Читинского университета. Сынок даже не помышлял, что его пошлют в Афганистан. Он на комиссии даже пустил слезу, что, дескать, у него плохое здоровье, попросил его не направлять в Афганистан и оплатил партбилетом. Его разжаловали до майора и уволили с волчьим билетом, без права на пенсию. Теперь он жалкий, разбитый горем старик, хотя по годам он ваш ровесник.

Майор Саротин посмотрел на меня, как бы спрашивал, что вам еще рассказать? Потом добавил к сказанному:

– Такие офицеры, как Жабинец, вряд ли готовы защищать Россию с оружием в руках, как это делали наши пращуры, защищая православную веру от разной скверны. Напоминанием этого служит орден «Золотое руно», учрежденный еще в 1429 году. Кто его получил, тому и честь!

– Я правильно понял вас, Лев Яковлевич, что вы прибыли в Афганистан защищать православную веру, а не для оказания интернациональной помощи?

– Вы меня поняли правильно! Язык фактов таков: Парижская коммуна просуществовала 72 дня; Бакинская – 73 дня. 32 месяца продержалась Испанская республика. Сколько времени протянет Саурская революция? Полагаю, что недолго. Стоит нам уйти из Афганистана – и ей конец.

Майор Саротин помолчал. Молчал и я, ждал продолжения разговора:

– Революции – это зло. В первую очередь, это зло для тех народов, где они случаются. Вечными критериями для народов является религия. Православную веру я буду защищать, не щадя самого себя. Мне бы хотелось, чтобы Афганистан принял христианство, но этот вопрос проблематичен.

– Ваш товарищ Собин – тоже, как вы, доброволец?

– Не знаю, спросите его сами.

– Какие у вас будут ко мне просьбы, пожелания?

– Пока нет ни просьб, ни пожеланий, а там посмотрим. Время покажет.

Пригласил для беседы майора Собина.

Собин вошел в комнату медленно, как бы нехотя, словно с гирями на ногах и с трагическим клеймом на лбу.

Разговор с подчиненным с глазу на глаз был короток. Майор дичился моей учтивости. Приученный разговаривать с начальством и с подчиненными языком мата, Собин недоумевал, почему я, его командир, не ругаюсь матом, разговариваю с ним на равных, это майора Собина выводило из колеи. Он постоянно гримасничал, вел себя нервно, как не в своей тарелке, то и дело вскакивал с места, когда я его о чем-то спрашивал, чесал локти, колени, грудь. Почувствовав на себе мой вопросительный взгляд, пояснил свое поведение:

– Во всем виновата эта проклятая война и вода. От воды – колдовская болезнь. Она грызет поминутно мои суставы, мышцы рук и ног. Кажется, еще немного – и болезнь сведет меня в могилу. Не пейте, командир, сырую воду. Она очень опасна для здоровья, действует, как отравка. Это не мой каприз, а реальность бытия. Сырая вода из-под копыт ослов, верблюдов или баранов, которую мне пришлось пить, лишила меня здоровья, значит, и будущего!

Такой фарисейский переход от неприязни ко мне к трогательной заботе меня не удивил, я имел дело с хамелеоном и лжецом, который забыл истину – усердие с излишеством все портит.

В Афганистане шла жесточайшая драма, и все самое плохое и отвратительное всплывало на поверхность. Такая вот правда об этой войне. Если в 1930-е годы в Испанию направлялись лучшие из лучших военных специалистов, то в Афганистан метлой загоняли худших из худших: пьяниц, нарушителей дисциплины, бывших эков – с единой целью, чтобы они там и остались, не жалко. Известно, что масло с водой никогда не смешивается. Это закон природы, так же нельзя пьяницу сделать дисциплинированным воином, хорошим офицером или солдатом. На таких людей нельзя положиться в условиях войны. Они, как правило, могут хвалиться о своих подвигах на словах, на деле они трусы.

– Вы, майор Собин, прибыли в Афганистан добровольно? – спросил я офицера с единым намерением хоть что-то узнать о нем.

– Да, я доброволец, – ответил он, – оказался в Афганистане, чтобы не задохнуться в пустоте мелких невзгод. Офицеров-отказников я ненавижу. Все они жили в плесени советской действительности, как мокрицы, гордились грамотами, дипломами, но не орденами и медалями.

Теперь, когда началась афганская война и нужно быть сильными, они вдруг оказались слабыми. От них требовалось проявить волю и решительность, а у них таких качеств не оказалось, потому что они были рабами от природы, этим все сказано, просидели всю жизнь под юбками маменек и бабушек...

Собин попросил разрешения закурить.

Пользуясь возникшей паузой, я спросил его:

– Во что вы, Собин, верите?

– Ни во что не верю! – последовал ответ. – Подчиняюсь лишь воле начальника и командира, а более никому. Я военный человек и всегда готов выполнить любой приказ командира. Совесть мне нужна в быту, а не на службе. На службе совесть заменяет воля начальника и приказ командира.

– Даже готовы выполнить преступный приказ?

– А почему нет? Готов. Где вы видели, чтобы без жертв была искуплена победа? Таких примеров нет и не будет!

Майор Собин замолчал, настороженно посмотрел на меня, чего-то ждал. Наши глаза встретились.

– А как вы думали, что я отвечу? – спокойно сказал он. – А вы, майор Собин, не забыли, что у вас не

две головы?

– Об этом помню и очень хорошо, что у меня одна голова на плечах. Догадываюсь, почему вы так спросили. Приказ надо выполнять, иначе, как сказано в Библии: «Он же ужалит тебя в пятку». Однако пока, как мне кажется, я не сделал сколько-нибудь серьезных ошибок, чтобы быть ужаленным в пятку.

Собин чуточку помедлил, потом неожиданно сказал: «Маринованный огурчик свежим не станет!» – так часто говорил мне начальник по старому месту работы. Главное в моей биографии – это то, что я нахожусь в Афганистане. Не трусил, как другие. Их я называю не иначе, как «маринованными огурчиками». «Их отказ – другим наука!» – утверждал классик и был прав. Трусы никогда не рискуют. Они, как правило, пишут слово «Сало» с большой буквы, а слово «родина» с маленькой буквы, поэтому мне таких людей не жаль. Пусть с ними будет то, чего они заслужили.

– Скажите, Собин, что вы ищете в Афганистане?

– Во-первых, хочу после окончания командировки в Афганистане продолжить службу не на Дальнем Востоке, а в Москве или в Ленинграде. Во-вторых, получить досрочно воинское звание «подполковник» и хорошую характеристику с места службы в Афганистане, а там посмотрим, как все сложится. Не исключаю, что может все сложиться почти по Булгакову: «Никогда ни у кого не проси. Сами дадут, под зад!»

– Как я понял, вы, майор Собин, не верите в торжество Саурской революции, так стоит ли вам, как говорится, расчищать авгиевы конюшни Бабрака Кармаля?

– А почему бы не поучаствовать в их расчистке? Охотно поучаствую. Это даже интересно и занимательно. Афганистан ждет повторение худшего, что было в 1917 году в России. Кабул, Кандагар, Герат, Мазари-Шариф... завалены трупами. Их никто не убирает или убирают с большим опозданием, народ голодает, мрет. Из птиц остались одни воробьи и вороны. Все съедено. Правда, есть еще мыши и крысы, но это уже пойдет на десерт. Саурская революция не принесла афганскому народу ничего, кроме страдания. Теперь многие стали понимать это, но поздно. Из песни слов не выбросишь, назад хода нет. Нищие стали браться с нищими, голодные с голодными, воры – с ворами. К чему это приведет – к взрыву страстей, новому витку напряженности в Афганистане. А кармалевская пресса, продажная и коррумпированная, трубит о том, что светлое будущее не за горами, дурачит народ разного рода глупостями, кто, к примеру, быстрее машет крыльями – комар или муха? И афганский народ поддается на такие уловки, увлекается не на шутку этим вопросом, ловит комаров и мух и решает, кто же действительно машет крыльями чаще и быстрее, комар или муха?

– Ну и какой ответ? Кто все-таки чаще машет крыльями – комар или муха?

Майор Собин улыбнулся, сказал:

– Бабрак Кармаль скачет без оглядки не в ту сторону, и когда он оглянется назад, то родины за собой не обнаружит. Пока на крыльях насекомых удастся сбить накал страстей, вернуть массы в мир грез и мечтаний о светлом будущем. Конечно, говорить проще, чем что-то сделать. Сегодня беда заглянула в афганские кишлаки, а завтра? Кармаль кнут из рук не выпускает. Это не война, а «черная книга» о войне, не забота о человеке, а борьба с ним. Чувствуется наш, советский почерк в афганских делах. Достаточно вспомнить, как все печалились, что у легендарной Ниобеи погибли все четырнадцать детей, умерших от стрел богов, но никто не хотел знать о гибели девяти сыновей у матери-героини Степановой в годы Великой Отечественной войны. Мать-героиня умерла в нищете, всеми забытая. Ее похоронили случайные люди. Закопали в яму. Могила заросла крапивой, полынью, и только тогда вспомнили о Степановой. Начали искать могилу, но никто точно не мог указать место захоронения и, чтобы показать заботу о женщине-труженице, поставили памятник Степановой на случайной могиле и вновь о ней забыли. Как это похоже на афганский быт! Прав оказался Гёте, сказав: «Из всех воров дураки – самые вредные, они

одновременно похищают у нас время и настроение!»

– И последнее, скажите, пожалуйста, Михаил Михайлович, – обратился я к майору Собину, – есть ли у вас ко мне вопросы, пожелания, словом, то, что вы хотели бы сказать один на один?

– Мне вам нечего сказать. Все, что требовалось, я сказал. Если что-то появится, обязательно скажу.

– Ну, что ж, – сказал я, – и на том спасибо. Помните, что говорил Капнист:

– Будь тверд в злосчастные минуты, но счастью тоже не доверяй!

Затем пригласил для беседы переводчиков разведгруппы.

Первым зашел Хаким, румяный, как вечерняя заря, следом – его товарищ Ахмет. Оба молчаливые, угрюмые, подозрительные, кряхтели, как столетние старики, на вопросы отвечали осторожно и односложно: «Да» или «Нет!». Лишь однажды переводчик Ахмет хотел что-то сказать важное, но не сказал, раскашлялся, из глаз побежали слезы, он почувствовал себя плохо. Попросил разрешение выйти и, выходя, махнул рукой, что, дескать, еще будет время поговорить по душам, а пока здоровье не позволяет.

«С переводчиками происходит что-то неладное! – подумал я. – С ними следует разобраться в причине подозрительности и настороженности во взаимоотношении со мной как можно скорее, а не загонять болезнь, если она есть, в глубь организма».

Переводчик Ахмет был на вид довольно пожилым человеком, лет под 50, напоминал своим поведением майора Собина, так же гримасничал, дергался всем телом. На лице то и дело возникала судорога, сильно искажала лицо, делала его злым и непривлекательным.

– От чего вы, Ахмет, болеете? – в очередной раз спросил я его. – Мне сказали, что вы глохнете и слепнете? Почему не лечитесь и не обращаетесь к врачу?

– Все мои болезни от Аллаха! – невозмутимо ответил Ахмет. – Так желает Аллах и потому такие со мной страдания. Лечиться некогда. Нет времени. Идет война, не до лечения. Как сказал Сократ: «Смерть для меня – приобретение!»

– Ваши болезни не от Аллаха, а от нервов. Аллах тут ни при чем. Завтра я поговорю с начальником кандагарского госпиталя, и вас обследуют, начнут лечить.

– Большое спасибо, командир, за заботу, но не следует это делать. Скоро я уезжаю домой, в Узбекистан, там и вылечусь.

Вскоре от другого переводчика, Хакима – я узнал любопытные сведения об Ахмете. Он продолжительное время работал на советскую разведку в Иране, Пакистане, Саудовской Аравии. В последней командировке чуть было не был разоблачен местными бдительными соседями. Они донесли на него, что их сосед по дому знает не все религиозные обряды, как того требует Коран. Ахмет еле унес ноги, и памятью о тех годах служения России стали имеющиеся болезни, ревматизм, глубоко вгрызшийся в суставы, проник до костей, и казалось, что болезнь никогда не оставит Ахмета в покое.

Драма афганской войны высветила неожиданным светом равнодушия часть страниц из жизни легендарного разведчика-нелегала Ахмета, отдавшего служению России все силы и здоровье. Такие разведчики, как Ахмет, всегда скрыты от посторонних глаз чужими фамилиями и именами. Правду о них узнать практически невозможно при жизни. Их жизнь и смерть продолжают оставаться тайной за семью печатями в течение какого-то времени, как и все, ими содеянное в разведке. Вспоминая разведчика-нелегала Ахмета, я вспоминаю Кандагар, где мы с ним впервые познакомились. Ахмет вошел ко мне следом за переводчиком Хакимом, из приоткрытой двери блеснула его лысая голова, осветившая комнату, как восходящее солнце в ночи... Как заметил Крылов: «Кто добр поистине... В молчании тот добро творит!»

Это изречение я всецело отношу к разведчику-нелегалу Ахмету, чья доброта и отзывчивость таили в себе умысел и интерес.

Глава 3

Саша Григорьев

Мы сами, родимый, закрыли орлиные очи твои.

Г. Мачтет

Солдаты и офицеры воюющей в Афганистане 40-й армии, воспитанные в нищете и зависти, творили в Афганистане разбой, не имеющий ничего общего с интернациональной помощью, о чем трубила на всех перекрестках советская пресса, выгораживая действия политиков, ввергнувших миллионы людей в кровавый конфликт. Чтобы придать солдатам и офицерам устойчивый характер в войне, они на политзанятиях изучали «бессмертные творения Леонида Брежнева: «Малую Землю», «Целину», «Возрождение». Солдаты говорили, прослушав брежневскую трилогию: «Наша жизнь – это книга, в которой вырвано много листов на самом интересном месте!»

– Если бы у Наполеона Бонапарта были такие же средства массовой информации, как в СССР, – говорили остряки, – то мир никогда бы не узнал о поражении Наполеона под Ватерлоо!

Всем было ясно уже в 1981 году, что война проиграна, кроме политиков, они еще на что-то надеялись. Афганский народ поднялся на свою защиту. Бабрак Кармаль запил, отошел от власти, что породило безвластие в стране, грозило полной дестабилизацией и истреблением тех, кто поддерживал советский режим. Их жизнь кончена, как жизнь предателей. Близость смерти придавала разгулу безнравственности новую силу, при безудержном варварстве обеих сторон.

– Любовь спасет мир! – говорил Вергилий за сорок лет до Рождества Христова. Любви в Афганистане не было. Была ненависть сторон и отчаяние.

– Еще вчера, – говорила мать о своем сыне, – он писал, что у него все в порядке. Успокаивал меня. Сообщал, что за проявленную храбрость представлен к медали и сможет без экзаменов как участник войны поступить в институт, а сегодня сын вместе с другими солдатами лежит в гробу. Худой, измученный, словно это не он, а кто-то другой. Я стала думать, сын ли это? Мертвецы все похожи друг на друга. Перед киотом зажжено пять лампад – по числу гробов. Всех пятерых солдат-афганцев похоронили на деревенском кладбище, друзей, одногодков, товарищей, но никто не пришел из военкомата, не сказал о наших сыновьях доброго слова.

Трудно представить для стариков-родителей бо́льшую трагедию, чем смерть сыновей, наследников, продолжателей рода.

Кругом был обман и коррупция. Чиновники оценивали человека по карману, на карман и смотрели, а не на человека. Скажи им, чтобы тебя повесили или расстреляли, – не повесят и не расстреляют без взятки.

Несмотря на колоссальную коррупцию в 40-й армии, она все еще воевала против афганского народа, а не против своих правителей. В подразделениях усилиями сержантского состава поддерживался какой ни есть, но порядок. Солдаты ходили строем, пели песни. Приученные однажды ходить строем и петь, они уже не могли жить иначе. Ходили строем вокруг казармы даже по праздникам, когда этого не требовалось, они молча сбивались в стадо и маршировали по лужам, твердо ставили на самое дно лужи до блеска начищенные сапоги и по-детски радовались, что грязь вылетает из-под сапог и бисером разлетается по сторонам.

– Это хорошо, что солдаты месят грязь по лужам, – говорили офицеры, – а не повторяют чьи-то умные

речи о конце афганской войны. Тогда никому не сдобровать. Как говорил Карамзин: «Все готовились к смерти; никто не смел упомянуть о сдаче!»

Усилиями солдат 40-й армии Афганистан толкали на путь марксизма и, кажется, дотолкались, что народ Афганистана поднялся на борьбу с врагом, который намеревался «перекрестить» Афганистан и заменить Коран на «Капитал» Маркса.

40-я армия дышала на ладан, а в Кремле ожидали богатые трофеи и бахвальные речи в адрес Брежнева.

Стихи Глинки, как ничто лучше, характеризуют время, в котором кипели тайные страсти:

*Кто узрит нас? Под ризой ночи
Путями тайн мы пройдем,
И будет пир страстям роскошный.*

В Кремле не сознавали что делали. Был «пир во время чумы». Пожалуй, только Бабрак Кармаль понял, что он проиграл, ввязавшись в советскую авантюру. Его жизнь была более чем скромной и бесполезной. Он не сразу понял, что в Афганистане происходит. Плотнo прикрывал за собой дверь кабинета и сердился на шум с улицы, где велась стрельба и совершалась история. У Кармаля были мечты и стремления, но не было характера, и из-за этого он легко лил слезы, если ему кого-то было жалко.

Многочисленные камни, разбросанные в ходе афганской войны вместо православных крестов, могли бы о многом рассказать, о чем молчали политики, о предательстве века коррумпированной власти Брежнева и Кармаля. Грифы секретности на документах о жертвах войны, как чугунные львы, стоят на страже зла. Их нельзя помирить между собой, как нельзя примирить разбойника Варавву и Га-Ноцри, безвинно казненного.

«Кто я теперь? – думал я о себе. – Куда закинула меня судьба?»

Я – человек. Судьба закинула меня в Кандагар, объятый войной, чтобы собирать разбросанные камни, приблизить конец войны, если не примирить ожесточившиеся стороны, то хотя бы нанести массированный удар по кандагарскому басмаческому подполью в одной из самых больших по протяженности афганских провинций. Среди небольшой группы разведчиков, заброшенной в Кандагар, был мой земляк из Тобольской губернии Александр Григорьев, водитель автомашины, он был родом из деревни Карачино, что находится в нескольких верстах от Тобольска.

Рядовой Григорьев поначалу показался мне замкнутым и стеснительным солдатом. Говорил лишь по делу, чувствовалось, что какой-то тяжелый груз прошлых лет мешает ему раскрыться в полную мощь и жить полноценной жизнью.

– Сколько тебе лет, сынок? – спросил я Сашу Григорьева, пригласив к себе в комнату для беседы.

– Скоро будет девятнадцать.

– Откуда ты родом? Кто твои родители? Где они проживают? Расскажи, Саша, о себе.

– Я, товарищ полковник, деревенский. До армии жил в деревне Карачино, что примерно в тридцати верстах от Тобольска. Из деревни Карачино хорошо виден Тобольск, что находится на горе. Деревня названа в честь ближайшего сподвижника хана Кучума, Карачи. Там я родился, учился и жил со своими родителями и братьями. Теперь в деревне Карачино живет только моя мама. Отец умер. Братья покинули деревню. Деревня вымирает, остаются только старики и старухи. Они-то и пополняют местное кладбище, где похоронен мой отец.

Узнав, что рядовой Григорьев – мой земляк, я ему ничего не сказал об этом, решил проверить на

деле, каков он мой земляк, можно ли на него положиться в трудную минуту жизни, если он оправдает доверие, решил назначить его своим адъютантом. Так, по словам моего отчима, Казанцева Петра Алексеевича, участника Гражданской и Великой Отечественной войны, у него тоже адъютантом в годы войны был его земляк. Отчим ему доверял свою безопасность и жизнь, считал, что земляки – более преданные люди, их объединяют общие корни, родные места, а главное – могилы предков.

Я внимательно слушал рассказ рядового Григорьева о себе, родителях, не перебивал, давал возможность высказаться о своем прошлом, пережитом и настоящем. Спокойный и немного сонливый голос Саши Григорьева убаюкивал меня, особенно когда он говорил о своей деревне Карачино и о Тобольске, куда часто ездил, собираясь поступить учиться в Тобольский рыбтехникум, но не поступил, его взяли в армию. Серые, выразительные глаза Саши излучали тепло его души, и мне с ним было спокойно и по-домашнему уютно.

– Кури, Саша, если куришь! – сказал я.

– Нет, я не курю, так же, как вы, давно бросил, еще в детстве, – сказал Саша, улыбаясь.

– Молодец, Саша, – похвалил я рядового Григорьева, – ты наблюдательный человек, сразу сделал вывод, что я не курю. Вывод правильный. Наблюдательность – это хорошее качество для разведчика, очень необходимое в нашей работе.

Александр Григорьев будет убит в провинции Гильменд, в кишлаке Лашкаргах, куда прибудет с оперативной группой к новому месту службы.

– Как тебе, Александр, служится в Кандагаре?

– Если откровенно сказать, – ответил он после некоторого раздумья, – то служится скверно. Офицеры спецгруппы постоянно пьянствуют, что, по моему мнению, несовместимо с безопасностью личного состава разведгруппы. Переводчики боятся не столько басмачей, сколько Саротина и Собина, и спят не на кроватях, а под кроватями. Боятся, что Саротин с Собиным убьют их с целью ограбления. У переводчиков скопилось много американских долларов за несколько месяцев службы в Афганистане, и об этих деньгах каким-то образом узнали оперативные офицеры, которым постоянно не хватает денег на водку. Саротин и Собин просят у переводчиков денег взаймы, те не дают, что и без того осложнило жизнь переводчикам, мечтающим о скором отъезде домой в Узбекистан, а я думаю о своей маме. Увижу ли ее когда-нибудь?

Александр Григорьев говорил со мной языком правды, и я был ему благодарен. Он тосковал по родине, по-юношески искал истину жизни, старался честно и добросовестно выполнить свой долг солдата, подмечал упущения и недостатки среди личного состава разведгруппы, ему не нравилось пьянство и распушенность Собина и Саротина и это нас сближало. Я хотел того же – порядка и дисциплины, как мой земляк Саша Григорьев.

После беседы с Григорьевым я сделал для себя окончательный вывод: в «Мусомьяки» нет коллектива, есть лишь группа людей. Их работу нельзя признать удовлетворительной, даже с натяжкой.

Уже под вечер решил заглянуть в комнату переводчиков. Открыл дверь. Никого. Подумал: «Где же люди?» Совсем было собирался выйти из комнаты, как услышал голос из-под кровати:

– Вам что-то нужно?

Заглянул под кровать, там торчала нечесаная борода переводчика Хакима:

– Вам что-то нужно? – переспросил он.

– Нет! Ничего не нужно! – ответил я, не зная, как реагировать на такое поведение подчиненного. Есть кровать, а он спит не на кровати, а под кроватью.

– А где Ахмет? – полюбопытствовал я.

– Как «где»? – недоуменно ответил Хаким. – Там же, где я, только под своей кроватью!

– Почему вы отдыхаете не на кровати, а под кроватью? – спросил я.

– Мы с Ахметом спим по очереди. Сейчас спит он. Потом буду спать я, а он будет дежурить. Так бывает каждую ночь. Мы с Ахметом боимся, что нас убьют из-за денег Саротин и Собин. Они оба нас ненавидят и давно прикончили бы, но мы спим по очереди и держим автоматы наготове под головой, так, на всякий пожарный случай, если кто-то из них попытается совершить над нами насилие.

Я заглянул под другую кровать, там на грязном матрасе валялся переводчик Ахмет, закинув под голову руки. Он спал. Маленький, толстый, лысый, как чурбан, с тонкими чертами лица и длинной черной бородой, как у басмача, он походил своим видом на умирающего сумасшедшего, дышал тяжело и напряженно, широко открыв рот, большой и безразмерный с редкими зубами.

– Это не дело – спать под кроватью! – возмутился я. – Требую от переводчиков закончить эксперимент на выживание сегодня же.

– Есть! – по-военному ответил Хаким, не вылезая из-под кровати. – Но пока не трогайте Ахмета. Пусть он выспится и после узнает, когда проснется, ваше приказание спать на кровати. А пока пусть переводчик Ахмет отоспится, иначе его опять начнет скручивать судорога и проку от него будет немного.

– Почему вы так панически боитесь Собина и Саротина? С чего вы взяли, что они нападут на вас и ограбят?

– Как-нибудь в другой раз я вам расскажу, товарищ полковник, что из себя представляют эти спившиеся офицеры, – сказал переводчик Хаким с оглядкой на дверь, переходя на шепот. – Иной раз я нарочно притворяюсь спящим, начинаю храпеть, чтобы обмануть своим храпом Саротина и Собина. Как известно, не всякий храпит, кто спит. Как-то раз, услышав мой храп, в комнату вошли Саротин и Собин. Оба пьяные. Собин говорит Саротину: «Кажется, не найти лучшего случая, чтобы грабануть их денежки!» Я зашевелился под кроватью. Они поспешно удалились. С той поры мы с Ахметом спим только по очереди несмотря ни на что. Все ждем, когда они придут нас душить.

«Смирные овцы волкам по зубам!» – подумал я о переводчиках и вышел из комнаты. Проснулся Ахмет, я собрал оперативную группу, пристыдил переводчиков за их неправильное использование досуга, не стал ничего говорить, с чем это связано. Еще раз предупредил, что с нарушителей дисциплины будет строгий спрос по закону военного времени.

Меня поддержал прапорщик Микаладзе.

– Давно пора навести воинский порядок на пьяной «точке», как нас называют в Кабульском разведцентре из-за Саротина и Собина. Они как Бобчинский с Добчинским, персонажи Н. В. Гоголя, большие любители склок и авантур. Их поведению надо поставить заслон. Нас больше, кто ратует за порядок и дисциплину, и мы вправе спросить с них, когда они перестанут пьянствовать!

– Замолчи сейчас же, Микаладзе! – закричал на прапорщика майор Собин, самый агрессивный из офицеров группы. – Ты, Микаладзе, не в меру расхрабрился, уж не командир ли вселил в тебя эту храбрость?

– Да! Эту храбрость вселил в меня командир, полковник Тоболяк, и я не скрываю этого! – решительно заявил прапорщик. – Нам всем надоело ходить перед вами, Собин и Саротин, как дрессированные собачки на задних лапах. Опротивело бояться ваших пьяных угроз. Все, шабаш! Не позволю больше издеваться над собой и лично сам, на свой страх и риск, дам телеграмму в Центр о вашем пьянстве, трусости, разоблачу вас, как негодяев, которым нет места в разведке!

– Командир! Уймите разбушевавшегося прапорщика. Что это с ним происходит? Он на нас взъелся без причины! – сказал в испуге майор Саротин, после угрозы шифровальщика сообщить в Центр о безобразиях на «точке» офицеров группы.

– Без причины ничего не бывает, даже чирей не появится на теле или где-то еще, об этом должен знать майор Саротин, – сказал переводчик Ахмет, привстав с табуретки, на которой сидел. – Я, как прапорщик Микаладзе, с прибытием нового командира «точки» обрел новые силы. Он нужен нам, как воздух, без него мы задыхались, как в гадюшнике.

Кто не знает, скажу, я разведчик-нелегал, давно слышал о полковнике Тобояке только хорошие отзывы от тех, кто с ним работал за рубежом. Это один из немногих офицеров разведки хорошо знает свое дело, умеет ладить с людьми разных национальностей и рас. Именно он научил аборигенов Африки военному делу, минировать и разминировать местность, вести разведку и контрразведку противника, сбивать летательные аппараты противника «стрелами». Это интеллигентный и храбрый офицер, не вам чета.

Глава 4

Съезд КПСС

Мать моя родина.

Я – большевик.

С. Есенин

Франц Кафка записал в своем дневнике: «Несмотря на бессонницу и головные боли, жизнь кажется мне лучше, чем смерть, где бессонницы нет, а головные боли продолжаются».

Как только я попал в Афганистан, меня стали мучить головные боли и бессонница, как знаменитого Франца Кафку. Как избавиться от этих недугов, я не знал. Помог партийный съезд, проходящий в эти февральские дни 1981 году в Москве. Интерес к нему подчиненных заметно ослабил надвигающуюся головную боль и бессонницу. Инициатором разговора о партийном съезде был прапорщик Микаладзе, он заявил без тени смущения:

– Партийный съезд – это очередной обман, «облако в штанах» по Маяковскому, сплошное надувательство православных. Если я не прав, поправьте меня!

Никто прапорщика Микаладзе не поправил.

– Микаладзе, конечно, оригинал, сказал все по делу, но при чем здесь «Облако в штанах»? Этого я не понимаю! – заявил майор Собин.

– И понимать здесь нечего! – заступился за прапорщика переводчик Хаким. – Само название стихотворения Маяковского звучит вульгарно, даже постыдно, не по-русски, а значит, и сам съезд вульгарный и постыдный.

Переводчик выдержал паузу, никто его не перебивал:

– Как многие знают в оперативной группе, что я по профессии учитель русского языка и литературы, – продолжил говорить Хаким, – и эпиграфом к партсъезду вполне могли стать слова, Н. П. Осипова, первого переводчика на русский язык «Приключений барона Мюнхаузена», он так перевел название этого произведения: «Не люблю – не слушай, а лгать не мешай».

Всем понравилось сравнение, приведенное по памяти Хакимом. Наступила разрядка, оживление, смех. Переводчик Хаким очень удачно воспользовался своими знаниями в области литературы и применил их в непростую минуту жизни, когда, кажется, страсти могли достигнуть пика, и следовало их если не остудить полностью, то поубавить.

– Хорошо сказал Хаким, очень интересно и кстати, – похвалил переводчика майор Саротин, до этого не проронив ни слова, молчал и о чем-то своем думал. С ним такое часто случалось, он замыкался в себе и мог подолгу молчать, не проронив ни слова, как было на этот раз. Внимательно взглянул на меня, словно хотел узнать мое мнение о съезде, вышел из-за стола, стал прохаживаться по коридору, курить.

– А что думает на этот счет командир? – неожиданно спросил меня майор Собин. Разведчики притихли, майор Саротин перестал ходить по коридору и курить, прислушался.

– Мы служим не Брежневу и не престарелым кремлевским долгожителям из политбюро, – сказал я. – Это я говорю, чтобы все знали мое мнение.

– Брежнев мне чем-то напоминает Мюнхаузена. Он, как известно, воевал на Малой Земле, а Мюнхаузен, если верить истории, был участником Русско-турецкой войны 1735–1739 гг., когда он находился на службе в России. Авантюризм Брежнева в построении коммунизма получил международное признание, как и Мюнхаузен, способного летать на ядре, выпущенном из пушки. Ложь и фальшь объединяют этих двух антигероев.

Раздались дружные аплодисменты.

– Хотя еще не пришла пора языку волю давать, – сказал я, – но уже теперь ясно, что никакого светлого коммунизма не будет, а наследию партийного бездушия и авантюризма приходит конец!

Снова аплодисменты.

Неожиданно отключили свет. Лампочка погасла. Стало темно. Микаладзе принес свечу, зажег ее и тихо сказал, ни к кому не обращаясь: «Лучше свет от одной свечи, чем ночная тьма. Во тьме ускользают мысли, их место заполняет страх. Ум гаснет, а слова начинают иметь таинственное свойство пугать людей!»

– Всякий про себя разумеет! – заметил майор Собин. – Микаладзе имеет странность запугивать людей, говорит, что цивилизация на Земле погибнет от взрыва крупного метеорита, возникнет пожар от его соприкосновения с Землей. То рассказывает сказку о Гильгамеше, появившейся четыре с половиной тысячи лет назад, в этой сказке якобы сказано о семи судьях ада, они поднимут свои факелы и осветят Землю пламенем. Настанет буря и превратит день в ночь и затмит всю Землю. Послушать тебя, Микаладзе, можно сойти с ума и жить не захочется.

– Выходит, что я во всем виноват! – с кавказской вспыльчивостью сказал Микаладзе.

– Ты, Микаладзе, не сердись, – примирительно заявил Собин, – беда в том, что ты повторяешься, и тебя не интересно слушать, как неистового Аввакума, который, как ты, талдычил людям одно и то же. «Не насилуйте свой талант!» – говорил Лафонтен, и от себя добавлю, это плохо кончится для твоего здоровья.

От слов майора Собина становилось не веселее, а тревожнее. Он, кажется, стал входить в роль лидера, всех поучать и одергивать. По раскованной манере говорить чувствовалось, что майор Собин вновь что-то затевает при поддержке своего друга, майора Саротина, но что? Я пока не знал.

– Любой человек, живущий на Земле, хороший или плохой, знаменитый или не знаменитый, все равно когда-то должен умереть и его закопают в сырую землю – в России или в Афганистане, какая разница, так не лучше ли, командир, снять страх перед смертью путем пренебрежения к ней, будучи в состоянии алкогольного опьянения. Не случайно, по-видимому, в годы Великой Отечественной войны солдатам и офицерам перед атакой давали по сто граммов водки для храбрости духа! – заявил майор Собин в каком-то безрассудном порыве, внимательно поглядывая на мою реакцию на его слова, но я молчал, полагал, пусть выговорится человек, тогда его проще будет понять.

От призыва майора Собина «снять страх перед смертью путем пренебрежения к ней» возник шум, споры, настоящий галдеж. Каждый желал что-то сказать, и никто не хотел никого слушать, Собин ратовал снять страх путем употребления водки, переводчики Ахмет и Хаким, а также Микаладзе с Сашей Григорьевым были против алкоголя. Все ждали, что скажу я.

– Салтыков-Щедрин увековечил фамилию Микаладзе, которую носит наш общий друг, шифровальщик Микаладзе. Но главное в творчестве Салтыкова-Щедрина – не градоначальник Микаладзе, а пороки общества, которые великий сатирик высмеивал, – сказал я с долей юмора, улыбаясь, когда майор Собин заявил, что испуг нужно снимать путем пренебрежения к смерти, погрузившись в пьянство. Я вспомнил классика Салтыкова-Щедрина, его градоначальник, как известно со слов автора, предлагал снять испуг с глуповцев путем просвещения и отмены экзекуции. Что из этого вышло? Не прошло и месяца, как

шерсть, которой обросли глуповцы, вылиняла без остатка, и глуповцы начали стыдиться наготы, спустя еще месяц они перестали сосать лапу, а через полгода в Глупове после многих лет безмолвия состоялся первый хоровод.

Смеялись все.

Пожалуй, больше всех смеялся прапорщик Микаладзе.

– Ну, как теперь, после слов командира, ты, Собин, остался при своем мнении или при мнении начальника? – спросил прапорщик.

– Ты, прапорщик Микаладзе, оскандалился перед командиром, – сказал Собин с сарказмом, – тебе надлежало сказать то, что сказал командир. Кто Микаладзе? Ты или командир? Естественно, ты, а он о творчестве Салтыкова-Щедрина знает больше, чем ты, хотя Салтыков-Щедрин увековечил твою фамилию, а не Тоболяка.

– Не обращайтесь, командир, внимания на слова Собина, – сказал мне Микаладзе. – Он все делает, чтобы кого-то с кем-то рассорить. Своим поведением Собин еще не раз заставит вас усомниться в искренности своих слов и намерений. Я знаю одно, что дорога из города Глупова в город Умнов лежит через город Буянов, как пишет классик, а не через Собина и Саротина. Эти двое, как сказал Глинка, «упившись злобой и грехом, не видят истинных видений».

– Засиделись допоздна! – сказал я вставая. – Пора отдыхать. Завтра будет трудный день. План работы объявлю завтра утром на завтраке в 8.00. Всем быть за столом без опозданий. Спокойной ночи, а я еще немного поработаю.

Все стали расходиться. Переводчик Ахмет подошел ко мне и тихо сказал, чтобы никто не мог его услышать:

– Командир! Обратите внимание на рядового Григорьева. Он в курилке рассказывал солдатам охраны «Мусомяки» анекдоты, как мне кажется, порочащие наш строй, а солдаты смеялись. У Григорьева упрямый характер и коварный ум.

– Поясните, пожалуйста, о чем идет речь.

– Григорьев говорил солдатам, что в СССР введена новая система измерения – андроп, равный десяти годам тюрьмы. Я, конечно, понимаю, что одно дело, если шутят офицеры, совсем другое дело, если такие анекдоты рассказывают солдаты, жди больших неприятностей. Это пахнет нестабильностью в государстве.

– Запомните, Ахмет, что анекдот, рассказанный кем-то для настроения, особенно теперь, когда обстановка в Кандагаре очень сложная, но вызывает смех, это к добру. Среди анекдотов есть немало очень любопытных для познания, например, этот, про «андроп», вы не находите?

Переводчик Ахмет, кажется, остался при своем мнении, ушел отдыхать. Я направился в свою тесную и неуютную каморку, которую с самого начала невзлюбил. По соседству со мной размещался прапорщик Микаладзе с громоздкой аппаратурой для шифрования. Было слышно, как он напевал старинную народную песню:

*Против солнца, на востоке,
Стоит келья, монастырь.
Как во том монастыре
Стрелец спасается —
По три раза в день
До пьяна напивается.*

В каморке я зажег свечу. Сел на кровать. Вдруг в дверь постучали:

– Входите, не заперто.

– Телеграмма из Центра! – сказал шифровальщик Микаладзе.

– Что там сказано?

– Полковник Шамиль, начальник Кабульского центра, сообщает, что в наш адрес направлен груз со статуэтками Ленина для раздачи афганцам. Всего 350 штук.

Я подумал про себя: «Куда деть это барахло?» Мне было известно, что статуэтками Ленина, выполненными очень неудачно в легком жанре «девушка с веслом», завалили Афганистан.

– Утром передай мое распоряжение рядовому Григорьеву, чтобы съездил в аэропорт и привез статуэтки в «Мусомьяки», а там посмотрим, что с ними делать и кому их подарить?

Шифровальщик ушел.

Я стал знакомиться с имеющимися документами на лиц, завербованных оперативными офицерами, Собиным и Саротиным, в разное время. Среди агентуры были растратчики казенных денег, торговцы, лавочники, служащие кандагарской таможни, лица неопределенного занятия, а попросту – жулики и воры.

Агентура была большая. Чувствовалось, что Саротин и Собины вербовали всех подряд, кто подвернулся под руку. Вербовка происходила поспешно, без должной проверки завербованных, о чем меня предупредили в Кабульском разведцентре, и требовали в срочном порядке разобраться с надежностью агентуры, чтобы исключить всякий провал по вине агентов спецгруппы.

Фотографии агентуры хранились без должного контроля, где попало. На меня смотрели с фотографий суровые, грязные и неухоженные лица, словно разбойники с большой дороги. Все, как правило, бородатые, похожие на одно лицо – лицо злодея. Такие же фотографии печатались в газетах и в милицеских сводках лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления и разыскиваемых правоохранительными органами.

Отложил фотографии в сторону. Стало как-то не по себе находиться в окружении бородачей, с которыми предстояло работать. Я никого из них не знал. Они меня тоже не могли знать. Кто они?

Хмурые, суровые лица разглядывали меня, словно через прицел автомата Калашникова, намереваясь пристрелить, недоуменно спрашивали друг друга, для чего я достал их фотографии и что после этого последует?

От дневной усталости и недосыпания кружилась голова, собрал в кучу все фотографии и положил в стол. Подошел к окну.

Стояла ночь. Небо было хмурое и темное. К непогоде. Слышались в отдалении глухие раскаты грома. Видать, пророк Илья катается по небу в своей колеснице. Быть грозе.

Неожиданно мои мысли были прерваны странными звуками, идущими со стороны улицы. Взял в руки автомат Калашникова, приготовился к худшему. Отчетливо слышались осторожные шаги за окном рядом с моей комнатой. Кто-то осторожно крался и наступил на сухую палку. Она треснула, и в ночной тишине раздался звук, похожий на выстрел из пистолета с глушителем. Я погасил свечу. Увидел в окно часового. Он тоже насторожился, протер глаза.

– А, это ты, сержант? – не то спросил, не то подтвердил приход сменщика. – Напугал меня до смерти, – хмуро сказал часовой, вставая с чурбана, на котором дремал.

– Ты не спи, тогда и не напугаешься! – заметил сержант. – Меня нечего бояться, бойся басмачей. Будешь спать – голову в миг отрежут, как Володьке Мишину. Мы с ним земляки, из одной деревни. Командир приказал мне сопровождать «груз-200». Прямо беда. Не знаю, что и сказать матери Владимира, где его голова. Как вспомню, что случилось с земляком, не нахожу себе места, чувствую тоску. Стал во сне видеть Володю Мишина. Сны так просто не приснятся, видать, что-то должно случиться со мной. Ведь мы с Володей-то стояли на одном посту. Он сменил меня, а через два часа прихожу его менять – а Володя-то... без головы.

– Жутко-то как! – сказал солдат. – Я тоже знал рядового Мишина. Мировой был парень. Ему крупно не повезло. А когда поедешь отвозить «груз-200»?

– Завтра.

– Поезжай, успокой старуху-мать. В смерти Володи ты не виноват. Виновата война.

Оба помолчали, перекрестились.

– Да вот еще что, – сказал солдат, – ты не очень-то шуми, чтобы не разбудить полковника Тоболяка. Это новый командир разведчиков.

– Какой он из себя?

– Сашка Григорьев говорит, что мировой мужик, бывал в таких переделках, что не дай бог оказаться там, где живыми оставались только боги. Я видел его мельком, когда он пешком пришел из аэропорта в «Мусомяки» без охраны, на это не каждый решится. Так что мужик, что надо, не то что те двое, Саротин и Собин – не офицеры, а пьяницы.

Солдат помолчал.

– Ну, ладно, заступай сержант на пост, твоя очередь, а я схожу к своей зазнобе. Она, видать, меня заждалась.

– Не тебя заждалась, а твоих денег.

– Расценки в бардаке остались старые или опять поменялись?

– Как будто те же, двадцать чеков за прием. Так, по крайней мере, с меня взяла Машка, а сколько возьмет твоя зазноба, не знаю.

Солдат поправил взлохмаченные волосы, высморкался и направился в сторону борделя – женского общежития, где проживали официантки, технички, медсестры, словом, «боевые подружки».

Сержант принял дежурство, облокотился на рядом стоящий чурбан, стал устраиваться поудобнее на ночлег и наконец заснул. Однако сон был короткий. Послышались одиночные выстрелы. Сержант проснулся, стал всматриваться в темноту, где только что стреляли. Выстрелы приближались к «Мусомяки», и это насторожило сержанта. Он передвинул затвор автомата Калашникова, послал патрон в патронник, залег у мешка с песком, замер. Стрельба, так неожиданно возникшая, так же неожиданно прекратилась, и сержант снова заснул. Я стоял у окна в темной комнате, меня не было видно с улицы, а я видел все и мог контролировать обстановку у дороги.

Ветки кустарника, растущего рядом с моим окном, тоскливо и беспокойно ударяли по стеклу, лениво сгибались под напором усилившегося ветра, цеплялись за ставни и с любопытством заглядывали в окно, чтобы что-то увидеть, но от нового порыва ветра отклонялись в другую сторону и затем вновь яростно стучали по стеклу, со скрежетом и болью, словно жаловались на свое житье-бытье, стонали и плакали, отбрасывая при свете луны зловещие, горбатые тени, похожие на вечных скитальцев или разбойников с большой дороги.

Под окном храпел сержант. Он рассчитывал в случае опасности на нашу помощь, а мы рассчитывали на него и все спали. У ног сержанта примостился маленький щенок, тихо и жалобно повизгивал не то от холода, не то от дивных собачьих снов. Я посмотрел на спящего сержанта и вспомнил слова Дмитриева: «И мой последний взор на друга устремился!», вышел в коридор, приоткрыл дверь переводчиков. Они лежали на кроватях и мирно переговаривались:

– В соседней с Кандагаром провинции Гильменд с центром Лашкаргах, говорят, очень не спокойно! – сказал переводчик Хаким. – Там на днях басмачи повесили на телеграфных столбах и деревьях всех чиновников кармалевской администрации. По реке Гильменд течет не вода, а кровавая масса, липкая и густая, как кровь. Многочисленные трупы сочувствующих народной власти валяются вдоль реки, многие без голов, рук, ног. Картина ужасная.

– Ты, Хаким, не пугай меня! – вполголоса сказал Ахмет. – Я скоро уеду из Афганистана, а ты останешься, и тебе с новым командиром придется разгребать эти завалы трупов.

– Есть подозрение, – продолжал переводчик, – что басмаческая активность перекинется на Кандагар, тогда народной власти в городе и провинции не сдобровать.

– Да, все можно ожидать от басмачей! – согласился переводчик Ахмед. – Ужасы Сатаны подкарауливают нас на каждом шагу. Народ Афганистана забыл Аллаха и Коран. Большая беда ждет афганцев.

Переводчики таджики и узбеки, направленные в штат разведцентра, были одной веры с басмачами, признавались наедине сами с собой, что симпатизируют басмаческому движению в Афганистане, хотя нередко переводчики были членами КПСС.

Я тихо прикрыл дверь, пошел к себе в комнату. Протер лицо мокрой тряпкой. Сел за стол, предварительно плотно занавесил шторы, зажег маленький огрызок свечи, стал снова заниматься агентурой разведывательной группы.

За моим окном стонал и выл ветер, гнулись вековые деревья, но дождя не было. Не давали покоя слова Хакима: «Есть подозрение, что басмаческая активность перекинется на Кандагар, тогда народной власти в городе и провинции не сдобровать». Услышанный разговор двух переводчиков сильно обеспокоил меня. Я не знал язык страны пребывания. Это было впервые со мной. Знание французского, испанского, португальского языков было плохим утешением в предстоящей работе, поскольку рабочим языком в Афганистане был язык пушту, а никакой другой. Я знал, что переводчики переводят при встречах с иностранцами только то, что считают нужным, выпускают зачастую детали, а иногда и суть разговора, но если не знаешь языка страны пребывания, трудно переводчиков хоть в чем-то упрекнуть. «Какой же напрашивается вывод, – думал я, – надо изучать язык, иначе пропаду в Афганистане не за грош, принесенный в жертву случая».

Бросил взгляд на карту, висевшую на стене. Провинция Гильменд была рядом с Кандагаром и граничила с его территорией. Подумал, здесь в Кандагаре трудно, а там, в Гильменде, сплошной ад и террор басмачей. Вспомнил, как мой дед, Баев Илья Васильевич, рассказывал о Гражданской войне в России, ее ужасах, о многочисленной безвинной крови, пролитой простыми людьми. То же самое теперь происходит в Афганистане. История повторяется в виде фарса. Басмачи убивают наших солдат только потому, что они русские. Когда же такое еще было? Пожалуй, никогда. Все происходит впервые. Зло правит миром. Кто же ему бросит вызов, как это сделал Державин, сказав: «Я злобу твердостью сотру!» А как изменился террор! Он стал беспощаден. Известен пример с террористом Каляевым. Он бросился навстречу карете, намереваясь бросить бомбу, но увидел, что кроме великого князя Сергея там находятся еще великая княгиня Елизавета и дети великого князя Павла – Мария и Дмитрий, не бросил бомбу, сказал:

«Думаю, что поступил правильно, разве можно убивать детей?»

Глава 5

Если это не ложь, то правда

Упейся, меч, в крови...

Мерзляков

Я тщательно готовил оперативную группу к большой и напряженной работе, чтобы несколькими сильными, спланированными ударами парализовать и уничтожить кандагарское басмаческое подполье, считавшееся самым агрессивным и устойчивым в Афганистане, глубоко законспирированным и боееспособным.

Фанатизм басмачей, их идейная преданность исламу заставили нас, русских, уважительно относиться к басмаческому движению, отличавшемуся свирепостью к русским, жестокостью к тем, кто нас поддерживает, и беспощадностью к предателям.

Среди самих басмачей была особая группа людей, называющая себя «камикадзе», бесстрашная и неуловимая, хорошо владеющая как ножом, так и автоматом. Члены группы «камикадзе», не прицеливаясь, могли попасть из пистолета голубю прямо в глаз, а ножом – в сердце на расстоянии 10–15 метров.

«Камикадзе», как правило, боролись с народной властью не за деньги, как это делали большинство басмачей, а на идейной основе, и это делало группу «камикадзе» особенно жестокой, дерзкой, вероломной.

В группу «камикадзе» входили как мужчины, так и женщины, они могли часами, сутками выслеживать свою жертву террора в жару и холод, сидели, притаившись, безмолвно, с синими от холода лицами или с иссохшими от жары губами, ждали своего часа мщения, и этот час наступал. Жертва «камикадзе» появлялась – и исполнитель «воли Аллаха» становился деятельным. Вмиг спадала прочь азиатская лень, отлетала в сторону паранжа, под которой мог прятаться до поры до времени «камикадзе», сонливости как не бывало. Террорист или группа террористов действовала быстро, как ртуть, решительно, как раскат молнии, раздавались приглушенные выстрелы или удар ножом в сердце выбранной жертвы, она корчилась в предсмертных судорогах, в крови и грязи, и все через миг исчезали, словно привидения. Рядом с жертвой уже нет никого и не у кого спросить, кто убил и за что? Только ветер и азиатская тишина, и больше нет ничего, чтобы хоть кто-то мог сказать, что здесь произошло минуту назад. Нет свидетелей, а прохожий, может быть, появившийся здесь случайно, отвечает, как всегда: «Ничего не видел, ничего не знаю, ничего не скажу!» Такова в Афганистане гранитная поддержка террора со стороны местного населения.

Я как командир группы разведчиков был не из последних в Афганистане, кто активно использовал в борьбе с «камикадзе» и басмаческим подпольем дезинформацию, чтобы спутать планы басмаческого подполья и направить по ложному следу. Японцы, как известно, были мастерами дезинформации. Японские бомбы, сделанные из американского металла, предназначенные для удара по России, были использованы японцами в годы Второй мировой войны против США. Благодаря дезинформации японцы в считанные часы уничтожили Перл-Харбор, мощную американскую военную базу в Тихом океане, доведя личный состав армии США до паники и страха перед Японией.

Спустя много лет после Перл-Харбора я делал в Афганистане то же самое, что делали японцы против США, намереваясь победить врага, грозного и коварного, не числом, а умением, малой кровью.

Не скрою, обмануть противника было непросто и не всегда получалось, он тоже был начеку. Готовил, со своей стороны, превентивные меры, и нередко большая, напряженная работа уходила, как говорится, в песок, не давала планируемого результата. Приходилось учиться у противника в ходе войны, изучать его приемы и методы, просчитывать, как шахматисту, как свои, так и ходы противника. Петлять, запутывать следы, заставлять поверить нашей дезинформации и загонять его в расставленные силки и капканы, чтобы уничтожить.

Стояла ночь. Первая ночь в Кандагаре.

Бесшумно вошел ко мне шифровальщик, тихо напевая песню:

*И там, где зданья величавы,
И башни древние царей,
Свидетели протекшей славы, —
Лишь груды тел...*

— Где ты, Микаладзе, находишь такие грустные и душевные слова для песен?

— Как «где»? — недоуменно сказал Микаладзе. — У Батюшкова. Незаслуженно забытого.

Шифровальщик протянул телеграмму, сказал: «Командир, распишитесь. Центр требует от вас активизировать борьбу с басмачами, что явится ответом на заботу партии и правительства и станет хорошим вкладом в работу партийного съезда КПСС!»

Я расписался.

— Чудеса в решете, да и только, — возмущенно сказал шифровальщик, — будто нельзя дать такую телеграмму утром, а не ночью. Центр словно предупреждает нас: поторопитесь, иначе управимся с басмачами без вас. Чувствуется большевистский почерк — все делать тайно и только ночью. А ночью, как известно, надо спать!

Шифровальщик по привычке поворчал, ушел.

Я продолжил работу по выявлению в агентурной сети провокатора. Настораживало, что данные кандагарской «точки» не совпадали с данными разведотдела 40-й армии. Кто-то сознательно или неосознанно вводил Центр в заблуждение. Нужно было во всем разобраться и выяснить, в чем дело? Кто виноват и кто провокатор? А может, их несколько? Тогда провал неизбежен.

От начальника разведцентра Шамиля я уже знал, что имеются большие сомнения в правдивости информации, полученной от «Фараха», «Сысоа», «Кадыра» и других агентов кандагарской разведгруппы. Как узнать, кто из них враг? Может, все дело не в них, а в способе доставки информации?

Эти люди, о которых я только что сказал, были погонщиками и проводниками караванов из Пакистана в Афганистан. Они ходили тайными тропами в Иран, Саудовскую Аравию, Ирак, добывали ценную информацию о бандформированиях и лагерях беженцев, наличии там иностранных специалистов из США, Великобритании, ФРГ, Китая... но пока, следуя с караваном верблюдов, эта информация устаревала, становилась ненужной макулатурой, ее направляли в Центр, а там разводили руками, удивлялись, откуда появилась такая информация?

— Необходимо снабдить ценных источников информации современной разведывательной техникой, — делал я вывод о подозрении Центра к ряду агентов в их нелояльности к нам, — иначе информация будет постоянно устаревать и подозрение в двойной игре агентов будет усиливаться, хотя, естественно, не исключено, что какая-то часть агентов может быть перевербована спецслужбами Запада, и они работают против нас. Такие случаи уже были и не исключено, что они есть, включая агентуру кандагарской

разведгруппы, которая притаилась и готовит удар в спину.

Кто этот человек, готовящий удар, я пока не знал, вступил в должность командира разведгруппы два дня назад.

Но я решил для себя, что обязательно узнаю, хотя не считал себя ясновидцем Краузе, стоит лишь внимательно разобраться с агентурой и проанализировать работу каждого, причем следует это сделать как можно быстрее, иначе разведгруппу ждет провал и смерть под мрачные звуки реквиема. День гнева, тот день.

Определив перед собой задачи, я стал сортировать агентуру по степени надежности. В первый список внес лиц, которые, несмотря на запреты Центра, были хоть раз в помещении «Мусомяки», знают расположение комнат, кто где отдыхает и в случае предательства этих людей они могут представлять главную опасность живучести разведгруппы. Во второй список внес лиц, постоянно опаздывающих на встречи с оперативными работниками, или если к ним есть кое-какие нарекания, косвенно бросающие тень на их лояльность к нам.

В третий список внес агентов, к которым пока не было претензий по работе. И наконец, в четвертый, итоговый список попали лица, чаще других встречающиеся в первых двух списках и требующие к себе повышенного внимания и контроля.

Изнурительная работа заняла много времени. Забрел рассвет. Уставший, но удовлетворенный проделанной работой, я вышел в ограду «Мусомяки», чтобы подышать свежим воздухом, продолжая думать, насколько эффективно распорядился своим временем. Вспомнил легендарного революционера Робеспьера, лидера Французской революции. Он происходил из простой семьи. Учился в королевском коллеже Людовика Великого на королевскую стипендию. Встречал короля при появлении в коллеже стихами на латыни, тот благодарил Робеспьера, награждал его деньгами, ценными подарками за отличную учебу в коллеже. Однако это не помешало Робеспьеру, который выучился на деньги короля, изменить своему благодетелю, стать во главе революции и отрубить голову королю. Имя Робеспьера и по сей день вспоминают во Франции, одни – с омерзением и ненавистью, другие – с любовью. Куда бы я включил Робеспьера, в какой список? Он из простой семьи. Имел небольшой достаток. Вроде бы должен быть благодарен королю Людовику за заботу о нем в период учебы в коллеже, а он оказался революционером, возмутителем спокойствия, врагом короля. Серьезный вопрос я себе задал. Так куда все-таки я включил бы Робеспьера, в какой список, будь он нашим агентом?

Естественно, оправдывал я себя, итоговый список агентов, подозреваемых в предательстве, является чисто условным и о его существовании не должен знать никто, включая оперативных офицеров, которые вербовали агентуру. Они могут заявить протест, сказать, что я им не доверяю, несмотря на их профессионализм. Поэтому решил спрятать этот список подальше от любопытных глаз, в сейф.

Всего в итоговом списке оказались 12 человек.

«Если мне не изменили прежний мой опыт и интуиция, то Кай Юний Брут должен находиться в итоговом списке», – подумал я.

В ограде «Мусомяки» было свежо. Туман покрывал кусты роз серым ковром. Капли предрассветной росы, как драгоценные алмазы, сверкали на листьях. Было хорошо и уютно, но не было времени для отдыха.

Вернулся к себе в комнату. Взял отчет Собина с «Фарахом», стал читать: «У меня дети растут быстрее, чем стены моего дома, – сказал «Фарах», – нет денег на строительство дома. Стройка забуксовала, что делать, не знаю. Помогите мне, если можно, деньгами. Я их отработаю своим горбом, иначе быть беде!»

Я подумал, о какой беде говорит «Фарах», в отчете майор Собин ничего не пишет на этот счет. Стал читать отчет дальше: «Можно мне поехать на учебу в Узбекистан, спросил «Фарах», майор Собин промолчал, на вопрос не ответил». Не отчет, а галиматья.

Подошел к окну, размышляя о предстоящей работе в Кандагаре:

«В России у меня не было настоящего, поэтому я сражаюсь в Афганистане за свое будущее и за будущее России. Я был молод и не унывал, работал, когда, кажется, уже не было сил, тащил на себе груз афганской войны, тогда как правительство России саботировало поставки оружия, боеприпасов, продовольствия, ждало, что 40-я армия будет разбита, чтобы лишний раз ткнуть пальцем в мертвое тело русского солдата и сказать – он убит, потому что не умел воевать».

Перед моим окном уютно падали на землю тени от деревьев при свете луны. Пахло весной, свежестью. Травка пробивалась вверх, издавая радостные звуки, идущие от земли, созвучные со звуками нового дня.

В душе зрело недовольство работой майора Собина, продиктованное просчетами и невниманием к конкретному человеку, его нуждам, запросам. Фарах поверил в торжество народной власти, рисковал головой, добывая информацию, и такое невнимание к нему со стороны Собина преступно.

Решил поговорить с Собиним отдельно ото всех утром и указать на недостатки в работе, а также узнать, почему Фарах ставит подпись за полученные деньги от майора Собина «Амнези» и что это может означать?

Вспомнил, что герой Н. В. Гоголя тоже чудил, ставил подпись «Обмокни», но у Гоголя это литературный герой, ему все позволено, Фарах – агент разведгруппы, ему нельзя допускать разные вольности, а если он их допускает, то Собин должен знать, почему? Чем это вызвано?

Все же решил не дожидаться утра, поднял с постели майора Собина, спросил, почему «Фарах» ставит подпись «Амнези» и что это означает?

Собин тряс головой, не понимал, что происходит, и почему его будят среди ночи и спрашивают о какой-то подписи?

– Майор Собин, проснитесь! – говорил я ему. – Скажите мне, почему «Фарах» ставит подпись за полученные деньги – «Амнези» и что это значит?

– Не кричите, я не сплю, говорите тише, иначе нас могут подслушать! – Настала пора удивляться мне:

– А кто нас может подслушать? – спросил я.

– Как кто, враги! – сказал Собин, переходя на шепот. – Враги кругом, даже здесь. – Майор Собин повернулся на другой бок, и из-под подушки выкатилась порожняя бутылка из-под водки, упала на пол. Собин был пьян.

– Придет время – и жизнь отомстит тебе, Собин. Не человек, а оборотень, – только и нашелся что сказать.

– А Саротина нет в «Мусомяки»? – сказал шифровальщик Микаладзе, показывая на кровать майора. – Опять ушел ночевать к проститутке Саре в общежитие.

Кровать майора была заправлена одеялом, поверх одеяла лежала подушка, набитая шерстью барана. Чувствовалось, что Саротин этой ночью не ночевал в «Мусомяки».

– Да вы, командир, не переживайте, – чуть слышно сказал Микаладзе, – таких негодяев, как эти двое, не перевоспитаешь. Никакого здоровья не хватит. Они родились уже солитерами, таковыми были уже в утробе матери и теперь намерены жить за счет других, как мы с вами.

Я тяжело переживал, что в моем подчинении оказались такие невоспитанные офицеры, находящиеся не в ладах с дисциплиной и с совестью.

– Идемте, товарищ полковник, из этой комнаты, – сказал прапорщик Микаладзе, – она на вас плохо влияет.

Он взял меня под руку и повел в коридор.

– Что с них взять, – говорил Микаладзе, – они алкоголики. Пропили все, включая совесть. Оба не крестят лба. Никого не любят. Всех презирают и ненавидят. Им плохо в условиях войны, но они забыли, что и другим плохо. Будучи трезвыми, боятся собственной тени, а пьяные бравируют своей храбростью, готовы уничтожить все живое на афганской земле.

Микаладзе помолчал. Ткнул в спину спящего Собина, сказал:

– Теперь этот герой будет дрыхнуть до самого утра. С ним не о чем говорить, пока не проспится. А его коллега, майор Саротин, через час-другой припрется от своей Сары, напевая, как всегда, песню «Моя Сарочка, моя куколка», скажет вам, что из-за бессонницы гулял вокруг дачи. Саротину соврать – что ботинки описать, врет и не краснеет. Вам еще к этому типу людей придется привыкнуть, а я уже привык. Знаю их нутро. Не люди, а твари, каких мало на белом свете.

Микаладзе было около 40 лет, и с годами выделялось типичное грузинское выражение лица и добродушие ребенка не по возрасту.

Прапорщик Микаладзе шел сзади меня и тихо напевал песню из репертуара Петра Лещенко «Моя Марусечка», чтобы отвлечь меня от грустных мыслей и чуточку развеселить.

– У меня, товарищ полковник, была в Москве красивая дивчина, ее звали Маруся. Я чуть было на ней не женился. Теперь не знаю, как вышло, что не женился, даже сожалею, что все так вышло, пожалуй, это была моя роковая ошибка.

*Моя Марусечка,
Танцуют все кругом,
Моя Марусечка,
Попляшем мы с тобой.
Моя Марусечка,
А все так кружится,
И как приятно, хорошо
Мне танцевать с тобой одной.*

Я был благодарен Михаилу Николаевичу Микаладзе, что он хорошо относился ко мне, поддерживал меня в трудные минуты жизни, без его поддержки мне было бы трудно работать в таком непростом коллективе.

Я пожал Микаладзе руку, он улыбнулся своей обворожительной улыбкой, сказал:

– Все перемелется, мука будет!

Я зашел в свою комнату. Не стал зажигать свечу. Сел на кровать, задумался. Как дальше работать? С одной стороны – активизировались басмаческие банды, а с другой – нет элементарного порядка в разведгруппе, предназначенной командованием 40-й армии стать главным звеном в активизации борьбы с басмачами.

«Какие же нервы надо иметь, чтобы выдержать такие испытания!» – подумал я и нашел ответ на поставленный вопрос. – Нужно иметь бычьи нервы. Это посоветовал Сталин нарком Байбакову. Только с такими «бычьими нервами» можно успешно решать поставленные задачи и раньше времени не

расстраиваться, а разгильдяи и дураки всегда были и будут. У того же Салтыкова-Щедрина юродивый Парамоша был инспектором глуповских училищ, а другой юродивый – Яшенька, возглавлял кафедру философии, которую срочно для него создали.

От экскурсии к Салтыкову-Щедрину немного успокоился. Извращенцы были во все времена. Собин и Саротин тосковали не по России, а по богатым трофеям. Все пальцы оперативных офицеров были украшены золотыми кольцами с бриллиантами стоимостью, равной национальному доходу маленькой Эстонии, и никто из руководителей Кабульского разведывательного центра, включая его начальника – полковника Шамиля, не спросил у офицеров Саротина и Собина, откуда у бедных офицеров разведки, вышедших из рабоче-крестьянской среды, богатые кольца и украшения? Неужели все досталось им от богатых родителей?

Полковник Шамиль все прекрасно видел и молчал с выгодой для себя, и от молчания ему перепало многое – и все от чистого сердца: подарки в виде дорогого чайного сервиза китайской работы или норковой шубы для шамилевой старухи, с плеча какой-то афганской красавицы, убитой террористами в пылу выполнения интернационального долга в Афганистане.

Шамиль все брал, что ему давали, никого никогда не благодарил за подарки, преподнесенные ко дню рождения начальника Центра или по другому поводу. «Дарят, значит уважают!» – думал он, а как же иначе, его подчиненные любят, ценят, как отца родного.

Шамиль привык к подаркам и развязывал руки для грабежа подчиненным, давал им молчаливое согласие на грабеж богатых купцов и торговых людей Афганистана.

Рядом, за перегородкой, слышались шаги прапорщика Микаладзе. Он не спал. Ходил из угла в угол, мурлыкал, как всегда, какую-нибудь песенку себе под нос. На этот раз Микаладзе пел романс «Жалобно стонет ветер осенний».

«Очень хорошо, что в коллективе разведчиков есть такой порядочный человек, как прапорщик Микаладзе, – подумал я. – Моя опора и сила».

*Медленно кружатся листья осенние,
Ветер в окошко стучит...
Память о тех счастливых мгновеньях
Душу мою бережит.*

Снова я зажег небольшой огрызок свечи, стал изучать по отчетам оперативных офицеров и переводчиков военно-политическую обстановку в Кандагаре и пригороде.

Кандагар сильно разрушен. Голод наступает на город. Об этом говорили доверенные лица и агенты, с которыми была установлена связь. О том, что Кандагар сильно разрушен, в этом я лично убедился, когда подлетал к Кандагару на самолете. Сверху были видны обугленные дома, громадные воронки от бомб и снарядов, однако, по данным агентов, Кандагар продолжал жить прежней размеренной жизнью, зная себе цену второй столицы Афганистана. Правоверные мусульмане по ночам жгли ритуальные костры и несмотря на войну хранили древние обряды предков. Патриархальный уклад жизни населения Кандагара пострадал от войны, и это вызвало гнев религиозных фанатиков, они выводили на улицы и площади Кандагара тысячи людей, словно по ночам репетировали захват власти в городе.

Ночной Кандагар, по докладам доверенных лиц, был даже чуточку веселее от большого скопления людей у мечетей, молитвенных домов и на площадях, куда устремлялись правоверные мусульмане по призыву религиозных деятелей, чтобы узнать новости, услышать советы мулл о том, как пережить разруху и голод. Общение многочисленных людей с муллами действовало как бальзам на растерзанные войной

души верующих, с рассветом они расходились по домам с высоко поднятой головой и с наркотическим весельем за будущее Афганистана.

– Народ, кажется, затосковал по королю! – заявил на встрече наш агент. – Затосковал по сытой жизни, и этот огонек надежды разгорается все сильнее и сильнее, усилиями мулл и оппозиции Бабраку Кармалю. Протест нарастал, как бы помягче выразиться, – говорил агент, – к советским угнетателям и все поняли, что пора браться за оружие и наводить в своей стране порядок.

«Все предельно ясно, – подумал я, – лучше не скажешь!»

Я встал из-за стола, прошелся по узкой комнате, чтобы размять ноги, прислушался, что происходит за стенами «Мусомяки», присел на кровать.

Тонкие стены дачи улавливали доносившиеся с улицы автоматные очереди со стороны аэродрома города Кандагара.

Там постоянно что-то происходило. Аэродром был стратегическим объектом и хорошо охранялся десантной бригадой. Басмачи не раз пытались захватить его и уничтожить военную технику и вооружение, но всякий раз были отбиты.

Легкий, едва заметный ветерок подул сильнее и кусты, расположенные под моим окном, стали стучать по стеклу, громко и настойчиво, словно просились ко мне в гости или, возможно, предупреждали о таящейся опасности, подстерегающей меня в ночи.

Вспомнил разговор на борту самолета со старшим лейтенантом Собакиным Михаилом Семеновичем. Он угощал меня тушенкой и говорил: «Кто через кровь пройдет, в ней замазает руки, тот кровью сам и умоется!» Правильные слова. Все в жизни так и случается, как сказал старший лейтенант Собакин, примеров тому много, взять хотя бы Саротина и Собина.

Невеселые размышления наполнили мою душу холодом и скорбью, что за ошибки кремлевских мечтателей во главе с Брежневым приходится расплачиваться солдатам и офицерам из рабоче-крестьянских семей.

Мое сердце никогда не было закрыто к чужой беде. Я искренне уважал тяжелый труд солдата и ценил его как офицер-профессионал военного дела и воспринимал любую несправедливость к простым людям как личное оскорбление, поскольку сам был из низов общества.

Характер каждого человека индивидуален, – размышлял я о сложившихся проблемах в коллективе разведчиков, – у одного человека в крови бахвальство, у другого – лень и жестокость. Плохо бывает в тех коллективах, в которых начальник коллектива, разного по характеру и темпераменту, теряет вкус к реальным делам, потворствует своим поведением развитию низменных качеств подчиненных, тогда жди беды или скандала.

«Почему все-таки нет проблем в коллективах, где наведен порядок в дисциплине, где уважительное отношение начальника и подчиненных? – размышлял я. – Все дело в начальнике. Какой начальник, таковы и подчиненные. Стало быть, все дело во мне, а не в людях, какой бы они ни были национальности, расы». Однако это очень сложный вопрос для понимания в многонациональном российском государстве. Чтобы убедиться в этом, послушаем, что сказала на этот счет Новелла Матвеева:

«Чуть намекни на царствие Христово – уж вопли: «Русь многонациональна! Чай, здесь не только русские живут!» Но если разговор пойдет о грязи, крысиных свалках, подстреканиях, смутах. «Я ни при чем! – чужак вопит в экстазе, – в России только русские живут». Стало быть, я, русский, в ответе за все.

Умиравший свет от догорающей свечи вновь заставил меня приняться за работу, чтобы закончить ее к утру. По отчетам я знал, что террор и разруха в Кандагаре стали хорошей школой воспитания подростков

жуликами-ворами, а отсутствие твердой власти создало условия к насилию и грабежу.

Агент «Табунщик» говорил оперативному офицеру:

– Пока я был в городе, мою квартиру обокрали и самое забавное, что я сам помогал себя обворовывать. Из дома выносили вещи, один из воров, как потом оказалось, попросил меня помочь ему загрузить в кузов машины тяжелый ковер. Я помог ему, подумал: «У меня в квартире такой же, как этот ковер!» Когда я поднялся в свою квартиру, открыл дверь, сразу понял, что стал жертвой грабителей. Бросился их догонять, но тщетно, их след простыл!

Под утро вернулся Саротин от Сары. Зашел ко мне, сказал, что его мучает бессонница и он прогуливался вдоль забора у дороги. Я ничего не сказал, что знаю, где он был, промолчал, лишь спросил:

– Цены в бордель старые или изменились?

Саротин открыл рот от неожиданности, процедил сквозь зубы:

– Стало быть, вы все знаете! Чувствую руку Микаладзе!

Майор постоял минуту-другую, сказал:

– А вам, командир, пора отдохнуть. Нельзя так себя истязать по пустякам!

– К сожалению, Лев Яковлевич, отдыхать не пора. «Не один Стерн был рабом пера своего», – как заметил Н. М. Карамзин в повести «Наталья, боярская дочь».

Похоже, что майор Саротин ничего не понял из того, что я сказал, лишь покачал головой, поспешно вышел из комнаты.

Я стал разбирать документы, привезенные из Кабула, неожиданно из папки бумаг выпало письмо из дома. Я поднял его. Прочел первые строчки. Все остальное помнил наизусть.

– Здравствуй, милый и дорогой Генашенька! – писала жена, Лидия Иосифовна, из Москвы в Кабул, где я какое-то время находился...

Задумался. Перед глазами появились ласковые, родные лица жены и дочерей: Марины и Елены. О них я постоянно скучал, тосковал, знал, что нес скоро смогу увидеть семью, причиной тому – война, в которой я участвовал и нес свой нелегкий крест. Свеча погасла. Сидел в темноте.

«Что ждет меня здесь, в незнакомой и враждебной стране? – подумал я. – Судьбе было угодно загнать меня в Афганистан, а все потому, что я разведчик, очень нужный инструмент при всех режимах и конфликтах. Порой я даже ненавидел свою профессию разведчика, как раб-каменотес свое занятие, но, будучи в отпуске без дела, скучал по работе, ловил себя на мысли, что служба Отечеству и есть мое призвание».

Открыл форточку, раздвинул шторы. Светло. Свежий ветерок с запахами весны проник в комнату. На улице было тихо и спокойно. Никто не стрелял, лишь раздавался слабый шелест листьев, разнося аромат свежести и тепла приближающегося лета.

Город Кандагар спал. Ночная власть оппозиции Бабрака Кармаля заканчивалась с наступлением дня и переходила в руки народной власти. Вспомнил слова полковника Шамиля, начальника Кабульского разведывательного центра: «Тебе, Геннадий, придется тяжело в Кандагаре. Это я знаю. Но я знаю и другое – что ты выполнишь поставленные перед тобой задачи, иначе грош нам с тобой цена, если один из лучших и опытных офицеров Центра не справится с поставленной задачей!»

– Не сомневайся, Шамиль, – сказал я сам себе, – я выполню поставленную задачу. Иначе действительно грош мне цена!

Всю ночь я провел на ногах. У меня созрел план работы по борьбе с басмаческим движением в Кандагаре, но все еще оставалось какое-то внутреннее беспокойство, доносящееся из итогового, четвертого списка, как холодное дыхание секретного врага, действующего скрытно, незаметно, тайно, прицеливающегося мне прямо в сердце из своего укрытия, тайком подсматривающего, чем я теперь занимаюсь.

Свеча давно погасла. Я оставался на прежнем месте, стараясь обрести покой и уверенность, что моя миссия в Кандагаре принесет свои плоды и закончится удачно. Незаметно заснул.

– Попался наконец-то, Тоболяк! – услышал чей-то незнакомый голос. Вздрыгнул всем телом. Открыл глаза, огляделся – никого. Понял, что спал недолго и беспокойно. Хотел лечь в кровать и отдохнуть хотя бы часок, как вдруг услышал разговор часового с кем-то посторонним.

– Срочно буди полковника Тоболяка! – сказал чей-то строгий голос. – Я – прапорщик Михайлов, посыльный из бригады Шатина. Тоболяку секретный пакет.

Я не стал ждать, когда часовой начнет стучать в дверь «Мусомяки» и разбудит всех, поспешно вышел из комнаты, чтобы узнать, в чем дело.

Посыльный, прапорщик Михайлов, оказался молодым, красивым человеком, с колючими серыми глазами. Голос посыльного зычный, как иерихонская труба, и никак не соответствовал красивой внешности и интеллигентности прапорщика, способного не только разбудить спящих, но и разрушить стены «Мусомяки».

– Что случилось, молодой человек? – спросил я, выходя навстречу прапорщику. – Я полковник Тоболяк!

Глава 6

Тайны «Медузы»

*Где меч царил в былые времена,
видна рука гражданского порядка.*

Н. Бараташвили

Прапорщик Михайлов протянул мне пакет, коротко сказал:

– Комбриг Шатин на словах сказал, чтобы вы немедленно ехали в штаб бригады по срочному делу, и незамедлительно вместе со мной. Дело касается вас и ваших подчиненных. На ночь дорога в штаб бригады минируется, как проехать в штаб по незаминированному участку, знают немногие в бригаде, включая меня. Поэтому, товарищ полковник, садитесь, пожалуйста, в мою машину, а ваша пойдет следом.

Я отошел чуть в сторону от автомашины прапорщика Михайлова, раскрыл пакет, стал читать. Шатин сообщал, что при прочесывании военным патрулем кандагарского рынка была задержана группа людей. Все они были при оружии и лишь один успел оказать сопротивление и был застрелен. Трое других – арестованы. Личность одного из них представляет интерес. Прошу прибыть вместе с переводчиком Хакимом. Как говорил еще в детстве мой отчим, Казанцев Петр Алексеевич, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, солдату собраться в дорогу что гражданскому подпоясаться, раз-два – и готово!

– Срочно буди переводчика Хакима! – сказал я водителю автомашины – Саше Григорьеву. – Вы оба поедете в штаб бригады.

Оперативные офицеры тоже были на ногах, стали расспрашивать прапорщика Михайлова, в чем дело, почему полковника Тоболяка комбриг срочно приглашает в штаб бригады. Михайлов молчал, лишь разводил руками, делал вид, что не в курсе дел, связанных с вызовом Тоболяка в штаб. Не получив от прапорщика Михайлова ответа на поставленный вопрос, офицеры засобирались ехать вместе со мной, однако я остановил их намерение:

– Вы, товарищи офицеры, оставайтесь в «Мусомяки» и ждите моего возвращения. Старшим в группе до моего возвращения из штаба назначаю майора Саротина!

– Есть! – по-военному ответил майор. – Можете не беспокоиться, товарищ полковник, я справлюсь, и все будет в порядке.

Майор Собин, привыкший быть на «точке» вторым человеком после командира, не ожидал такого поворота событий. Даже растерялся, не знал что сказать. Побелел от злости, но промолчал. Я сел в машину прапорщика Михайлова, следом за нами, стараясь двигаться колесо в колесо, поехал Саша Григорьев с Хакимом. Ехали медленно, чтобы не напороться на мину. У ворот бригады была большая очередь людей, стоящих, как солдаты, затылок в затылок. Все плохо одеты, с котелками и мисками, ждали, когда начнут давать пищу, то, что оставалось от завтрака десантников.

– Это нищие и обездоленные люди, – сказал прапорщик Михайлов, – за таких, по крайней мере, они выдают себя. Мы их по приказу комбрига постоянно подкармливаем из солдатской кухни, – говорил прапорщик и внимательно следил за дорогой. – Эти люди сюда приходят каждый божий день, порой в день по несколько раз. Кто они на самом деле? Никто точно не знает. Возможно, что среди них есть басмачи и их осведомители. Мы за ними внимательно следим. В целом-то это нищие и отверженные. Они

с войной потеряли работу, имущество, кормильцев. Известно, что у афганцев большие семьи, их надо кормить, вот и идут к нам на поклон. Просят хлеб, кашу, муку, соль... Конечно, на всех голодных этого не хватит, но мы все же кое-что даем. Афганцы знают, что для всех хлеба может не хватить, занимают очередь с самого утра, чтобы хоть что-то принести домой из того, что дадут, и накормить голодных детей.

Прапорщик помолчал, потом добавил к сказанному:

– Куда деваться, товарищ полковник, приходится подкармливать голодных, кто бы они ни были, чтобы избежать в Кандагаре голодных бунтов населения, тогда всем не сдобровать от их мести.

– Молодец! Правильно мыслишь, – похвалил я прапорщика. – Мыслишь по-государственному, а это уже хорошо, что у Шатина такие толковые помощники.

Автомашины проскочили шлагбаум. Часовые посторонились, пропуская машины на территорию бригады.

– Все, товарищ полковник, приехали, – сказал прапорщик Михайлов, – комбриг ждет вас в своем кабинете. Просил вас зайти только одного.

Было раннее утро, однако на территории штаба бригады кипела армейская жизнь. Все находилось в каком-то движении. Никто не стоял. Все двигалось, перемешалось. Солдаты и офицеры бригады куда-то спешили, шли размашистой походкой и исчезали в чреве здания штаба. Штабные писари уже сидели на своих местах, чинили карандаши и оттачивали перья, оттирали чернила с измазанных пальцев рук, ждали указаний. У таблички с надписью «Комбриг Шатин» стоял автоматчик.

– Вы к кому?

– Полковник Тоболяк к комбригу Шатину!

Часовой посторонился, пропуская меня к двери. Я вошел в кабинет комбрига.

Шатин вышел из-за стола, вид сосредоточенный, строгий, без улыбки. Протянул для рукопожатия руку, как грозный архангел Гавриил, сказал: «Комбриг Шатин».

– Я узнал о вашем прибытии в Кандагар от начальника штаба 43-й армии генерала Тер-Газаряна. Он хорошо отзывался о вас, ссылаясь на характеристику Шамиля. С вашим предшественником мы были на «ты», так было проще и удобнее для обоих. Это сближало, становилось больше доверия друг к другу...

– Прошу прощения, что перебил тебя, Михаил Иванович, – сказал я. – Я уже перешел на «ты», дело за тобой.

– Вот и отлично! – сказал Шатин и еще раз пожал мне руку, улыбнулся.

– Ну, а теперь о деле! – сказал Михаил Иванович. – Вчера в вечернее время наш патруль случайно задержал на кандагарском рынке несколько подозрительных человек. При проверке документов один попытался скрыться и оказал сопротивление, ранил солдата патруля, был убит, трое других задержаны, разоружены, не успели применить оружие. Теперь эти трое сидят в местной тюрьме, ее солдаты называют «Медузой». Туда помещаем всех задержанных до выяснения личностей, при необходимости их передаем в ХАД – службу безопасности провинции или отпускаем. Михаил Шатин закурил.

– Главного я пока не сказал, – продолжал Шатин, – у задержанных были обнаружены чистые бланки документов на несколько сот человек с соответствующими подписями и печатями, остается лишь поставить фамилию – и такого человека никто не вправе задерживать. Видать, придется повозиться и узнать, кто снабжает кандагарское подполье официальными документами? Но нас с тобой, Геннадий, интересует один человек, которого я как-то встречал с переводчиком Хакимом. Они летали на авиаудар по басмаческим целям вместе с майором Собиным. Летчики мне докладывали после проведенного авиаудара, что слетали

вхолостую. Били по площади, а майор Собин был другого мнения, что якобы была уничтожена группа басмачей до 150 человек, склад с боеприпасами и несколько бензозаправщиков.

Подполковник Шатин выбросил окурок сигареты, достал из пачки новую сигарету, стал курить, вопросительно посматривая на меня.

– Скажи, Геннадий, кому верить? Летчикам или майору Собину? – Я молчал, ничего не говорил.

– Этому майору Собину я не верю. Он производит на меня отрицательное впечатление. Летает на авиаудары в пьяном состоянии. Пьяным лезет на глаза моим офицерам и плохо влияет на них. Я ему запретил в пьяном состоянии появляться в расположении десантной бригады. Кроме всего прочего, он ненадежный человек и плут. Занял у одного офицера крупную сумму денег и не отдает. После авиаударов постоянно выгораживает наводчиков, которых, по-видимому, вербовал. С такими мыслями в голове нечего и думать об эффективной борьбе с басмачами, – заключил Шатин. – В общем, сейчас сам во всем убедишься. Переводчик Хаким приехал с тобой?

– Приехал!

Зазвонил телефон. Комбриг снял трубку:

– Шатин слушает!

Дежурный по бригаде докладывал Шатину, как прошла ночь. Комбриг недовольно хмурился. Слушал, молчал. Сказал в трубку:

– Передайте моему замполиту бригады, пусть тщательно разберется в причине самострела на посту и доложит к 12.00.

Шатин положил телефонную трубку. Долго молчал. Обдумывал происшествие в бригаде и что предпринять, строго сказал, обращаясь ко мне:

– Опять самострел. Прямо беда. Стреляются на посту молодые ребята в возрасте 18–20 лет. Это ли не горе родителям? А каково мне? Я себе места не нахожу. Я, в первую очередь, в ответе за этих ребят, своих сыновей.

Я молчал. Ничего не говорил. Молчал и Михаил Шатин.

– Ну, ладно. Теперь о деле. Сейчас пойдем в «Медузу», так солдаты называют местную тюрьму. Она небольшая, но хорошо прочищает мозги.

Из штаба бригады мы направились к «Медузе», невысокому строению, стоящему рядом с солдатской баней. Впереди шел Шатин своей привычной, ныряющей походкой, следом – я с переводчиком Хакимом. Подходя к «Медузе», вспомнил, что на месте тюрьмы Бастилии, громадной и зловещей, французы в 1789 году поставили надпись: «Здесь танцуют». «Может быть, со временем комбриг Шатин последует примеру французов, и на месте «Медузы», будет такая же надпись!» – подумал я.

Около «Медузы» к комбригу подскочил высокий, красивый лейтенант:

– Товарищ комбриг! За время моего дежурства никаких происшествий не произошло! – доложил лейтенант Соломатин.

– Быстро открывай, Соломатин, «Медузу», посмотрим, что ты там прячешь! – приказал комбриг.

Громадный замок, висевший на дверях «Медузы», был ржавый, не открывался. Лейтенант старался быстро открыть замок, никак не мог, как того требовал комбриг, что не понравилось Шатину.

– Чего ты так долго копаешься?! – возмутился он. – Дай-ка сюда ключ.

Лейтенант, вспотевший от нервного напряжения, протянул комбригу ключ. Шатин вставил ключ в

замок, потряс его из стороны в сторону, повернул ключ – и замок открылся.

– Учись, лейтенант Соломатин, как надо открывать замки, учись, пока я жив. Научу не только этому ремеслу, но и храбро воевать, бить басмачей в хвост и в гриву!

– Лихо у вас это получается, товарищ комбриг! – сказал лейтенант, весело улыбаясь, глядя на комбрига влюбленными глазами.

Массивная дверь «Медузы» с таинственным скрипом и скрежетом отворилась, и в нос ударил запах гнили, сырости и человеческого пота, и я почувствовал легкое подташнивание. Идти внутрь «Медузы» не хотелось, но усилием воли заставил себя спуститься вниз по ступенькам и оказался внутри тюрьмы, стал ждать, какой сюрприз приготовил мне комбриг Шатин.

Комбриг легкой походкой сбегал вниз по ступенькам внутрь «Медузы», чувствовалось, что он здесь уже не первый раз. Остановился в центре «Медузы», осмотрелся, привыкая к тусклому свету лампочки, подвешенной под самый потолок. Лампочка была обвита колючей проволокой, и от этого свет в «Медузе» состоял из маленьких квадратиков, не больше по размеру спичечного коробка. Тюрьма больше походила на погреб, где никогда нет дневного света, всегда стоит полумрак, даже в солнечный день.

– Нужно чуть-чуть постоять и привыкнуть к темноте, – сказал мне лейтенант Соломатин, – лампочка Ильича слабая и ее свет лишь пугает людей, делает их злодеями, впрочем, злодеи здесь и сидят!

– Правильно мыслишь, лейтенант Соломатин, – похвалил офицера комбриг. – Подними с нар задержанных. Слишком они заспались, однако.

– Подъем, господа бандиты! – громко скомандовал лейтенант. – Подъем, вы не на курорте, а в тюрьме. Понимать надо и быстро выполнять команды. Отсыпаться будете на том свете. Ваш путь на свободу – только через чистосердечное признание своей вины и раскаяние. Надеюсь, вам это понятно.

Переводчик Хаким собирался перевести слова лейтенанта, но комбриг Шатин жестом руки остановил его.

– Не надо переводить! – хмуро заметил Шатин. – Здесь все «свои», и мы друг друга хорошо понимаем.

Я остановился возле деревянного стола, обитого железом и вкопанного глубоко в землю. Слева от меня были деревянные нары, которые я не сразу заметил из-за слабого освещения. Нары появились, как по-щучьему велению из темноты, к которой я постепенно стал привыкать. На них валялись трое, спали или делали вид, что спят крепким сном. По команде «подъем!» стали потягиваться, лениво, безразлично к тому, что происходит вокруг них, делая вид, что недолго здесь пробудут, еле слышно переговаривались между собой.

– Разговоры прекратить, господа бандиты! Это приказ. А приказ должен выполняться точно, быстро и в срок. Кто его нарушит, будет расстрелян по законам военного времени! – сказал лейтенант Соломатин.

Все задержанные слезли с нар, встали рядом со столом. У всех руки за спиной, как того требует инструкция для задержанных, содержащихся в «Медузе».

– Господин Шатин! – обратился к комбригу рослый, под два метра, молодой афганец. – Вы меня знаете, я член провинциального комитета партии, и мы с вами встречались у губернатора Кандагара. Мой арест – это недоразумение, и я вас прощаю за эту оплошность. Виноваты не вы, а подчиненные, но и их прощаю, прошу не наказывать, а впрочем, посмотрим, что будет дальше с нами.

– Я освободил бы вас с большой радостью, но не могу, – сказал Шатин. – Вы нарушили комендантский час. Вы были при оружии и оказали вооруженное сопротивление патрулю. У вас были найдены бланки

документов, не подлежащие выносу из государственного учреждения. Вы смертельно ранили солдата патруля. Всех вас передам в местный ХАД, там будут решать, как поступить с вами.

Сомкнув непокорные уста, афганцы молчали.

Было тихо и тревожно. Глаза громадного ростом афганца горели бешеным, неестественным огнем наркомана. Он молчал. Лишь сверлил нас колючим взглядом, готовый всех испепелить огнем ненависти, как вулкан Везувий. Это, пожалуй, все, на что еще он был способен.

Рядом с рослым афганцем был маленький, щуплый, как воробей, молодой человек лет двадцати. Он часто моргал, смотрел на комбрига с испугом, то и дело протирал рукой гноящиеся глаза. Он единственный был не в наручниках. Любопытство, с которым я разглядывал молодого афганца, отвлекло меня от чего-то важного, что я не сразу заметил. Вдруг третий арестованный повалился к ногам переводчика Хакима:

– Хаким-ага, спасите меня и защитите! Я погибаю. Пусть меня больше не бьют и не пытаются. Я сам все вам скажу, что будет вас интересовать!

Я повернулся к человеку, стоящему на коленях перед Хакимом, и в этот момент громадного роста афганец сильно пнул его ногой, затем еще и еще. «Предатель! – шипел нападавший. – Запомни, негодяй, что тебя покарает Аллах, если ты предашь всех нас и наше святое дело в борьбе с неверными!»

Лейтенант выхватил пистолет и со всей силой ударил рослого афганца по голове.

– Предупреждаю всех и каждого! – громко по-юношески крикнул лейтенант Соломатин. – Шаг влево, шаг вправо – это рассматриваю как побег и пристрелю каждого прямо в «Медузе», здесь поблизости и закопаю. Всем не двигаться, стоять на месте.

– Молодец, лейтенант Соломатин, – снова похвалил лейтенанта комбриг Шатин, – далеко пойдешь, если уцелеешь в этой грязной войне. Этих двух увести из «Медузы», – приказал Шатин лейтенанту. – Каждого из них содержать в отдельной камере и в наручниках. Не давать ни еды, ни воды, пока не заговорят по делу. А этого, – комбриг ткнул ногой в сторону третьего задержанного, готового дать показания, – оставить здесь, в «Медузе». Наручники с него снять. Потом решу, что с ним делать дальше, возможно, смиренное кладбище, могила поджидает его вскорости.

Лейтенант помог встать огромному афганцу, которого только что сильно ударил рукояткой пистолета по голове. Афганец с трудом поднялся. Он был упитанный и такой толстый, что его с трудом можно было обхватить двумя парами рук. Выглядел хотя и по-прежнему грозно, но подавленно. Наконец он встал во весь рост и сказал, ни к кому не обращаясь: – Скоро вам всем, шакалы, придет конец!

– Уведи, лейтенант, этих двух бандитов! – приказал Шатин, – иначе они меня рассердят до безрассудства, и я их лично расстреляю, даже не расстреляю, а повешу прямо здесь, в «Медузе», и Аллах их никогда не примет к себе в рай. Так с вами произойдет, если вы будете мне дерзить. Запомните хорошенько мои слова.

– Из «Медузы», господа бандиты, выходить по одному! – приказал лейтенант Соломатин. – И без шуток. Я стреляю с обеих рук без промаха.

Задержанных увели.

– Ну, вот и конец комедии! – сказал комбриг Шатин.

– Перед тобой, Хаким, стоит человек, которого ты с майором Собиным завербовал. Его, кажется, кличка «Зурап»? Так или не так?

– Так точно, «Зурап», – ответил переводчик Хаким, побледнев, как полотно.

– А ты, «Зурап», вставай с колен, – сказал Шатин. – Правильно я говорю, Хаким?

– Правильно! – еле слышно промямлил переводчик. Он был сильно перепуган предательством «Зурапа», не знал, как себя вести в создавшейся ситуации и что говорить. Наконец нашелся. Еле слышно сказал: – Я вам, товарищ комбриг, все объясню по порядку, как все вышло...

– Объясняться будешь не здесь и не мне, а в зале суда! – грозно остановил переводчика Шатин. – А пока отвечай быстро на мои вопросы. Ты знал или нет, что этот тип – предатель?

– Да что вы такое говорите, товарищ комбриг? – возмутился переводчик.

– Отвечай без лишних, слов: да или нет. Ты понял меня? Сейчас решается твоя судьба, а ты многословишь. Повторяю вопрос: – Ты, переводчик Хаким, знал или не знал о предательстве «Зурапа»?

– Нет, не знал!

– Кто вербовал «Зурапа» в разведывательную сеть?

– Майор Собин.

– Ну, что я тебе говорил, Геннадий, – сказал комбриг, обращаясь ко мне. – Эти пьяницы и развратники Саротин и Собин поставили под пресс твоего предшественника, подполковника Пронина. Ему грозят крупные неприятности, а с них как с гуся вода. Хорошо, что я запомнил в лицо этого «Зурапа», когда он с майором Собиным летал на авиационный удар по басмачам. Можешь представить, кого они били? Неслучайно, по докладу летчиков, они утюжили бомбами афганский песок, и больше ничего. А теперь, «Зурап», давай разберемся в твоей секретной миссии и в чем она состоит?

Переводчик Хаким стоял бледный, напуганный, готовый разрыдаться и броситься Шатину в ноги, и наверняка сделал бы это, если бы не было «Зурапа».

Только теперь я стал осознавать, что мои усилия по выявлению предателей в агентурной сети и составлению списка из 12 человек, подозреваемых в связи с басмаческим подпольем Кандагара, оправдались. Когда в течение ночи я составил список неблагонадежных лиц, сказал себе: «Если есть предатель или предатели, то Кай Юний Брут находится в этом списке!» Как оказалось, не ошибся. Так и случилось, интуиция не подвела. «Зурап» тоже попал в мой список, но от этого мне стало не легче, скорее наоборот – тяжелее. Вряд ли я смог бы в скором времени разоблачить «перевертышей», не подвернись этот случай.

– Какие планы ты, «Зурап», вынашивал, оказавшись агентом советской разведки? – спросил комбриг Шатин.

«Зурап» стал отвечать на поставленный вопрос вяло, пытался сказать, что он в кандагарском подполье – второстепенный человек, является рядовым исполнителем и не представляет большой опасности для советской разведки. Мало что знает о подполье Кандагара.

Было очевидно, что «Зурап» тянет время. Не хочет говорить, на что-то рассчитывает, чего-то ждет. Тогда Шатин пригрозил ему виселицей.

– Вот что, «Зурап», говори прямо, с кем ты – с нами или с басмачами? В последний раз я тебя спрашиваю! – строго сказал Шатин.

– Все скажу, если вы расстреляете тех двоих, что только что увели из «Медузы»! – решительно заявил «Зурап». – Пока они живы и пока я чувствую их дыхание, говорить с вами не буду.

Шатин какое-то время колебался: «Как поступить?» Отвел меня в сторону. – Что ты сам-то думаешь? – спросил он.

– Полагаю, что следует сделать так, как того хочет «Зурап», но расстреливать тех двоих будет он сам, а не кто-то другой!

– Трудную задачу предложил нам с тобой «Зурап»! – сказал Шатин. – Впрочем, из двух бед – один ответ!

Комбриг вплотную подошел к «Зурапу» и объяснил наше предложение. Помедлив, «Зурап» согласился.

– Хорошо, я расстреляю их и расстреливать буду не где-то на стороне, а прямо здесь, чтобы избежать огласки, кто уничтожал террористов кандагарского подполья.

– Часовой! – крикнул Шатин солдату, стоящему на охране «Медузы». – Срочно передай лейтенанту Соломатину, чтобы он доставил в «Медузу» тех двоих задержанных. Понял или повторить?

– Так точно, понял, товарищ комбриг!

– Выполняй!

Через несколько минут появился лейтенант Соломатин и привел задержанных террористов в «Медузу». Их поставили рядом с нарами на колени. Шатин вынул пистолет из кобуры, оставил в обойме два патрона, пистолет передал «Зурапу». Риск был большой. Сзади «Зурапа» встал лейтенант Соломатин, готовый выстрелить в «Зурапа», если тот поведет себя неадекватно договоренности.

– Стреляй, «Зурап», не тяни! – приказал комбриг Шатин. «Зурап» выстрелил в рослого афганца, вторым патроном в другого террориста. Оба еще подавали признаки жизни, тогда лейтенант Соломатин сделал два контрольных выстрела в головы афганцам и добил их. Все было кончено в считанные минуты. «Зурап» передал пистолет комбригу. Его руки тряслись, как в лихорадке.

– Это ничего! – сказал комбриг. – Не каждый же день приходится уничтожать своих сподвижников. Привыкай.

Так в Афганистане стала создаваться новая порода людей-перевертышей, обреченных на бесславие и позор, призванных служить интересам Саурской революции.

«Медуза» сразу же после расстрела стала напоминать тюрьму, в которой только что казнили террористов и привели приговор в исполнение.

«Зурап» взял из рук лейтенанта Соломатина фонарь, поднес его ближе к лицу огромного афганца и только теперь заметил, что у него глаза не серые, а карие, они глядели на «Зурапа» с укором, тоской и печалью.

– А глаза-то у Абдуль Кахора, оказывается, карие! – сказал «Зурап» и захохотал. Было заметно, что «Зурап» не в своем уме.

– Этого гиганта, – сказал «Зурап» об Абдуль Кахоре, – я всегда боялся. Был он очень ловок и коварен. В кандагарском подполье его звали «Боевым слоном» за громадную физическую силу. Теперь с ним покончено. Он мертв. Конечно, жаль, что так все вышло. Он был хорошим террористом, исполнительным и пунктуальным. Если говорил, что сорвет голову с русского начальника Генади, то наверняка бы сорвал. – И «Зурап» внимательно посмотрел в мою сторону. – Я говорю только то, что хорошо знаю, – продолжал «Зурап». – Абдуль Кахора был идейным борцом и от этого был очень опасен, – признался «Зурап» в глубокой растерянности.

У меня были все основания не верить на слово «Зурапу», презирать его как перевертыша, но никак не восхищаться им. Он был загнан в капкан, и ему ничего не оставалось, как волку, перегрызть лапу и вырваться из капкана, что он и сделал.

– Всякая букашка хочет жить! – сказал «Зурап», обращаясь к комбригу. – Что будет со мной?! Меня тоже расстреляете?

– Нет, «Зурап», этого с тобой не произойдет, если ты будешь вести себя достойно, – ответил на реплику «Зурапа» комбриг Шатин.

– Я верю вам, – сказал «Зурап», – и буду вести себя достойно!

«Зурап» присел на нары, задумался. Лейтанант Соломатин принес ему стакан воды, сказал:

– Успокойся! Теперь все в прошлом! В настоящем только ты!

Комбриг вызвал санитаров, они подхватили убитых на носилки и вынесли из «Медузы». Постепенно «Зурап» стал приходить в себя.

– Я понял так, что вы и есть полковник Генади? – спросил меня «Зурап».

– На этот раз ты, «Зурап», не ошибся. Я действительно новый командир разведчиков, полковник Тоболяк. Мы должны, «Зурап», поладить, найти общий язык и работать вместе, и я гарантирую тебе свободу. Можешь с семьей уехать в Россию или в Кабул под другим паспортом. Найдем тебе работу, и живи спокойно.

– Приятно слышать такие слова, продиктованные заботой. Я сообщу вам все о басмаческом подполье, что знаю! – решительно заявил «Зурап». – Моя новая жизнь началась со встречи с вами. Вера в идею меня спасет, а вера в факты – погубит.

Так началась большая и кропотливая работа с «Зурапом». Он заговорил. Благодаря ему был раскрыт гигантский по масштабу заговор против народной власти, ведущий в Кабул, Пакистан, Иран, Китай. В заговор были втянуты еще несколько наших агентов, завербованных Собиным и Саротиним. Приходилось спешить, чтобы локализовать преступные планы террористов. В Кандагар я только что прибыл, но, как оказалось, был уже приговорен к расстрелу.

Тела террористов, расстрелянных «Зурапом», были вывезены ночью в заброшенный яблоневый сад и там нашли свое земное пристанище. Их тайна гибели была надежно спрятана в яблоневом саду, но так нам только казалось, что тайна смерти террористов умерла вместе с ними... Нищий видел, как что-то закапывают русские, раскопал могилы и сообщил в ХАД. Невидимый след вел к «Зурапу»...

Оперативные офицеры Саротин и Собин, узнав о предательстве «Зурапа», запаниковали, перестали не только пить водку, но и есть. Постоянно обращались ко мне с вопросом: «Что с ними будет?»

– «Спешите медленно», – говорили древние греки. Время покажет, что будет с вами, – отвечал я, уклоняясь от ответа на прямой вопрос.

Саротину и Собину было чего бояться. «Зурап» мог разоблачить их в преступной связи с ним. Он летал на авиационные удары с Саротиним и Собиным, летчики утюжили пустоту и сообщали об этом своему командованию, а Саротин и Собин, вместо того чтобы разоблачить «Зурапа», всячески покрывали его действия, что было на руку «Зурапу», и он творил зло при поддержке Саротина и Собина.

«Зурап» никого не щадил. Были приведены в действие исполнители теракта – лица, перевербованные «Зурапом», – «Фарах» и «Акрам». Установлена сама дата взрыва «Мусомяки», где размещались оперативные офицеры и переводчики, так бывает при отсутствии дисциплины и порядка на «точке» в крупной игре без правил, и, чтобы остановить машину террора и насилия, приходилось действовать на пределе своих сил и возможностей, чтобы своевременно обесточить рубильник, приводящий приговор в исполнение.

Я с головой окунулся в материалы расследования дела «Зурапа», стараясь не употребить во зло его добровольные показания, и получил жесткий отпор со стороны советника ХАДа, привлеченного к этой работе.

– Вы, полковник, допускаете мягкотелость к преступнику, – сказал чекист из Москвы. – Эта мягкотелость неуместна, когда дело идет о судьбе Саурской революции!

Чекист из Москвы, привыкший все делать нахрапом и грубостью, как это дозволялось в СССР, с прищуром смотрел на меня, лицо светилось хищной улыбкой. Он привык командовать и полагал, что преподал мне предметный урок наглости, прикрываясь интересами Саурской революции, которая в опасности, и поэтому – не стоит проявлять к врагам мягкотелость. «Всякая революция чего-то стоит, – процитировал он Ленина, – если она умеет защищаться!»

Чекист в присутствии «Зурапа» унизил меня, показал ему, кто тут главный и от кого зависит судьба «Зурапа».

– Вот что, уважаемый капитан, – сказал я чекисту, – вы оказались здесь потому, что этого хотел я, полковник Генерального штаба, чтобы вы помогли в работе, а не саботировали ее, как это вы делаете. Строгость нужна к врагам революции, а не к людям, раскаявшимся в своих деяниях и перешедшим на нашу сторону. А цитировать ленинские фразы легче всего, тяжелее – рисковать своей жизнью, ходить на лезвии ножа и не ошибиться.

Вскоре капитан был отозван от расследования дела «Зурапа», и взамен капитану прибыл другой офицер из КГБ, тоже с претензиями на величие своего положения из «конторы» Андропова.

«Зурап» много сделал в борьбе с басмаческим подпольем в Кандагаре, город превратился в пыточный застенек оппозиционных сил Бабрака Кармая. Пахло жареным человеческим мясом и кровью, врагов режима хоронили, как собак. Закапывали где попало, чтобы трупы не разлагались и не было в Кандагаре эпидемии. Службы ХАДа, Царандоя терзали лиц, попавших под подозрение в связи с басмаческим подпольем. Они не выдерживали пыток, доносили на ближних, родных, лгали, изворачивались, чтобы сохранить себе жизнь, и клубок насилия катился по Кандагару, увеличиваясь в размере, вовлекая в свою орбиту невинных людей, оклеветанных понапрасну, но никому до этого не было дела. Лес рубят, щепки летят.

В эти напряженные дни мне приходилось летать на авиаудары по три-четыре раза в сутки по выявленным басмаческим бандам, участвовать в организации и проведении наземных операций силами Кандагарской бригады десантников. Я похудел от жары и напряженной работы более чем на десять килограммов. Одежда на мне болталась, как на вешалке, не успевал бриться, оброс щетиной, как Робинзон Крузо, стал неузнаваем.

Оперативная группа разведчиков сражалась за идеалы Саурской революции, а сама была не защищена от гибели. Дамоклов меч висел над нашими головами, готовый нанести решительный удар по разведгруппе и уничтожить ее.

Чтобы представить всю сложность нашего положения в Кандагаре, следует хотя бы на минуту представить готовность «Фараха» и «Акрама», агентов спецгруппы, взорвать «Мусомяки», облить здание бензином, поджечь. И если кто-то из уцелевших попытается выбраться из горящего здания – забросать гранатами. Такая участь ждала оперативную группу разведчиков при попустительстве Саротина и Собина, главных виновников приближающейся беды. И лишь случайность спасла нас от гибели. Стоило патрулю не обнаружить группу террористов на кандагарском рынке, для всех наступило бы безрадостное похмелье и смерть, включая меня, только что назначенного командиром группы разведчиков и прибывшего в Кандагар, попавшего как кура во щи, ничего еще не сделавшего – ни плохого, ни хорошего.

Саротин и Собин то и дело приставали ко мне с вопросами: «Что с ними будет?» в связи с предательством «Зурапа». Они пока еще не знали, что «Фарах» и «Акрам», которых вербовали эти офицеры, тоже предатели.

– Я готов, как японский самурай, сделать харакири, чтобы доказать, командир, преданность вам, – уверил майор Собин. – Прошу мне поверить и не ломать мне характеристику, а значит, и жизнь.

Майор Саротин пустил слезу, сказал: – Пожалейте, командир, меня. Я вам буду за это благодарен, иначе, как Собину, мне остается сделать харакири!

– Вот еще что надумали, только инвалидов нам не доставало в разведке. Начальник Кабульского разведывательного центра полковник Шамиль в курсе ваших дел, ждите приказа, возможно, что он сам приедет сюда, в Кандагар.

По вечерам шифровальщик знакомил меня с телеграммами Центра, ворчал по привычке: «Шамиль только и требует активизировать борьбу с басмачами. Но если убить последнего басмача, кто тогда будет пахать землю, убирать урожай, кормить страну, того же Бабрака Кармаля? Как этого не понимает Шамиль. Басмачи – это те же крестьяне. Они кормят страну, одевают, отстаивают ее интересы на поле брани».

– Не ворчи! – говорил я шифровальщику. – Все тебе не нравится, но если мы не будем бороться с басмачами, они сотрут нас в порошок. Это ты понимаешь или нет?

– Так-то оно так, – примирительно сказал Микаладзе, – но нельзя забывать, что мы находимся в Афганистане как гости. А мы афганцев травим собаками, расстреливаем, сжигаем посеvy. Разве это правильно?

Микаладзе говорил отрешенно, глядя в угол, где у него была иконка, подаренная его бабушкой.

– Вы, командир, – продолжал ворчать прапорщик, – расшевелили кандагарский злой улей, жди беды. «Камикадзе ислама» не дремлют, дело свое знают. Надо нам повесить бдительность!

– Вот тут ты – молодец, Микаладзе, хвалю! Наконец-то сказал по делу.

Каждый прожитый день приносил что-то новое. Удалось установить лагеря подготовки террористов в Кветте, Миран-Шахе, Чамане, Читрале, Кохате... Террористов там обучали инструкторы из Китая, США, Ирана, Пакистана, имена многих из них мы знаем, включая места проживания, что важно для последующей перевербовки или ликвидации силами агентуры.

По свежим следам нам удалось внедрить в Кохату и Чаман своих агентов. Это было большой удачей, оставалось ждать эффективной работы засланных агентов, и в этом была большая заслуга «Зурапа». Он также помог установить контроль за доставкой оружия из Пакистана и Ирана, по тропам, известным небольшому числу подполья. Однако основная борьба с басмачами была впереди.

Глава 7

Ночь над Кандагаром

Ору, а доказать ничего не умею.

В. Маяковский

Перемены в афганском обществе, которые несла 40-я армия, были вредны и бесполезны для самих афганцев, и они не скрывая говорили об этом.

– Если соль исчерпала себя, ее нельзя употреблять в пищу! – говорил «Зурап». – Кандагарское подполье состоит из преступников – это убийцы с душой младенца, кто их уничтожит, попадет в рай.

Честь почина уничтожить кандагарское басмаческое подполье принадлежит, конечно, не «Зурапу», а оперативной группе в Кандагаре, работающей здесь с 1980 года.

Жизнь простых людей в Кандагаре ухудшалась с каждым днем, зато красных флагов на улицах становилось все больше и транспарантов с призывом поддержать Саурскую революцию.

– Когда только закончится это подлое и смрадное время? – ворчал шифровальщик Микаладзе.

– Оно только началось! – вторили ему переводчики Ахмет и Хаким. – Афганцы еще не в состоянии понять глубину своего падения в результате гражданской войны.

Только муллы и религиозные деятели Афганистана призывали народ стойко переносить трудности, копить силы для решающего удара по советским оккупантам, захватившим власть в стране.

Бабрак Кармаль видел в лице религии опытного и беспощадного врага народной власти и призывал уничтожать мулл, как бешеных собак.

В Афганистане повторились события 1937 года в России.

Губернатор Кандагара вторил Бабраку Кармалю: «Вешать на телеграфных столбах мулл, басмачей, как бешеных собак. Без этого нельзя победить!»

Сторонникам ислама была уготовлена мучительная смерть, настоящая Голгофа, но дорога к ней у каждого была своя.

Дни напряженной работы в Кандагаре позволили лучше понять механизм насилия и войны, идущий от сильного к слабому, сопровождающийся лишениями и кровью, оплакиванием убитых и рабским преклонением перед Аллахом как слепой истиной в последней инстанции.

Афганистан подтверждал, что всякий бунт порождает зло, насилие, кровь. Рушится старое и ничего не создается вновь.

В афганской глубинке по-прежнему радовались Саурской революции в нищенских домах без труб, где обогревались дымом с портретами Бабрака Кармаля, закопченными, в саже. Жили в нищете и голоде, но по-прежнему жили иллюзиями, обманом о светлом будущем, забыли уроки истории, что на всех бунтарей не хватит дворцов и замков, а тюрем – хоть отбавляй, хватит на всех.

Казалось, в мире столько радости и счастья, а люди живут в нищете и голоде, рано умирают от болезней, влачат жалкое существование, а все потому, что Бога забыли, кричат: «Долой!» и получают от бунта рваные раны, ушибы и ссадины. Чаще всего пинок в зад! От чего ушли, к тому пришли.

Лозунги на злобу дня: «Даешь мировую революцию!» звучали чаще всего в бедных кварталах

Кандагара, их озвучивали афганские коммунисты, связавшие свою судьбу с нами. Но афганское общество в целом не было беременно марксизмом и его никак коммунистам не удавалось перекрестить на русский манер из-за не востребоваемости колхозов, совхозов, субботников, пятилеток, трудодней в деревне.

Чтобы привлечь внимание крестьян к опыту строительства социализма в СССР, из Москвы в Кандагар прибыли специалисты в области колхозного строительства, животноводства, роста поголовья рогатого скота.

К этому времени вернулся с партийного актива первый секретарь провинциального комитета партии Кандагара, злой, озабоченный. Его при всем активе ругал Кармаль за отсутствие инициативы в колхозном строительстве по советскому образцу. Приезд из Москвы специалистов в области колхозного строительства был весьма кстати, и первый секретарь НДПА Кандагара с головой ушел в проблему создания колхозов на громадной по протяженности территории Кандагара. Незаменимую помощь ему оказали советники из Москвы. Хотя многие из них коров и быков видели только на картинке, но советы давали грамотные и актуальные. Предлагали согнать весь скот, имеющийся у дехкан, в единый колхоз в добровольно-принудительном порядке, как это было в 1930-е годы в России. По совету специалистов из Москвы, коров при случке стали валить на спину, но быкам это новшество не понравилось, и все осталось, как было при монархе.

Бешенство дури безгранично и не имеет начала и конца.

Вскоре первый секретарь провинциального комитета партии Кандагара из отстающего превратился в передовика. Его стали хвалить на каждом совещании в Кабуле, обобщать имеющийся опыт работы. Передовой колхоз называли именем В. И. Ленина. Крестьяне Кандагара просили его приехать и порадоваться на их жизнь в колхозе, носящем его имя. Пришло письмо из Кабула с ответом, разъяснили, что В. И. Ленин давно умер и, естественно, приехать не может, что разочаровало колхозников, которым чуть ли не ежедневно говорили, что Ленин жив и он живет всех живых.

– Странное дело, – заявили колхозники, – когда властям надо, то они в один голос заявляют, что Ленин жив, а когда это надо простым крестьянам, так оказывается, что он умер!

Колхоз имени Ленина в Кандагаре просуществовал недолго, около двух лет, и то благодаря инициативе первого секретаря. В нем проснулся крестьянский ум. Коров, коз, быков он ласково называл именами, придуманными им самим. Бык-производитель получил имя Брежнев; корову – рекордистку по надою молока назвали Крупской, а козла-драчуна – Устиновым.

Первые опыты колхозного строительства в Кандагаре не имели успеха без шолоховских энтузиастов, завяли без Нагульновых, Давыдовых, Разметновых. Колхозники разбежались после голодной жизни на трудодни, колхоз распался. А был ли колхоз?

Умом афганцев не понять, можно понять лишь животом.

Безграмотные афганские крестьяне и понятия не имели, что представляют из себя колхозы, обращались за разъяснением к муллам, и те грамотно объясняли, что колхоз – это одна большая семья, «где все работают от мала до велика», стар и мал за трудодни. По окончании уборки урожая колхозники получают на трудодни хлеб, зерно, картофель... Хлеба не всем хватает, зато навозу много, хватает всем.

Разъяснение мулл действовало на дехкан отрезвляюще, в колхоз вступали лишь коммунисты и комсомольцы Афганистана. Они кричали: «Даешь колхозы!», знали, что революция все спишет, включая ущербность их наличия, Россия за все заплатит.

Афганскую глубинку в 1980-е годы можно было изучать по местам боев, а экономику – по очередям за хлебом.

Марксизм-ленинизм громадным удавом вползал в Афганистан. Хотелось знать, как он будет выползть? Однако об этом пока никто не думал. А присланные из Москвы статуэтки, изображающие вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, должны были, по замыслу из Кремля, укрепить наше влияние в Афганистане.

– Кто это? – спросил меня первый секретарь НДПА Кандагара, когда я вручил ему деревянную статуэтку.

– Это Ленин.

– Жаль, что не Брежнев. Ленина никто в Кандагаре не знает, нам бы Брежневых, да побольше. А Ленин какой-то не красивый, как эскимос. Ну, раз у вас нет Брежнева, оставьте этого... Ленина, пусть постоит на пьедестале, где раньше был монарх, может, люди к нему и привыкнут.

Ленин, как полицей, с поднятой рукой вверх, встречал людей, входящих в провинциальный комитет партии, наводя на всех печаль и страх одновременно.

Посетителями провинциального комитета партии, как правило, были простые люди, они приходили по своим крестьянским делам, о чем-то просили чиновников, и прежде чем попасть в здание, низко кланялись Ленину, просили его помочь, по-видимому, с кем-то путали, и вскоре Ленин стал неотъемлемой частью провинциального комитета партии. К Ленину приходили толпы дехкан, чтобы помолиться.

– Ты знаешь, кто это? – спрашивали крестьяне друг друга. Никто не знал.

– Может, мой сын Махмут знает, – сказал другой крестьянин, – надо спросить у него. Он самый грамотный в кишлаке, закончил два класса, умеет читать и писать.

Но и Махмут ничего не мог сказать, лишь предположил:

– Это уж точно не Бабрак Кармаль, а кто-то другой. Кармаля я как-то видел со стороны. – Так и порешили, что это Рафик Брежнев. Изваяние В. И. Ленина недолго простояло у входа в провинциальный комитет партии, пока ему гранатой не оторвало голову.

– Без головы жить можно, – размышляли вслух посетители провинциального комитета партии, а вот без живота и дня не проживешь.

Вскоре безголового вождя международного пролетариата В. Л. Ленина убрали и, говорят, зарыли в яму, и поток посетителей резко упал. Главный безбожник России В. И. Ленин стал символом ислама, вдохновителем борьбы с нашими войсками.

Гражданская война полыхала. Народ больше думал о жизни, а не о смерти. Луч надежды, проникая в сознание людей, побеждал притворство в преданности к новой власти, в преддверии грядущих испытаний, освещая скорбные сердца и лица светом радости и надежды на лучшую долю.

Весна в Кандагаре вступила в свои права, и лучи весеннего солнца, ласковые и щадящие, освещали светом надежды человеческие лица, однако их взоры были печальны, отражали беспокойство и непредсказуемость средневековых нравов непокоренного войной народа Афганистана.

Глава 8

Цепкая смерть

Где народ, там и стон...

Н. Некрасов

Число убитых и раненых в кандагарской бригаде Шатина возросло. Бригада не выходила из боев, и военнослужащие гибли.

В конце февраля 1981 года мне позвонил комбриг Шатин, сказал: – Если у тебя, Геннадий, найдется немного свободного времени посетить раненых бойцов, приезжай в госпиталь. Я буду там!

Солдаты и офицеры, находящиеся на излечении в госпитале, меня уже знали. Солдатское радио работало быстро и бесперебойно, если кого солдаты любили, они готовы были носить на руках, кого не любили – им вряд ли можно было позавидовать. Их презирали, и очень часто таких офицеров отстраняли от должностей, переводили в другие части, чтобы избежать расправы, которые случались. Кто убил офицера? Одному богу известно. Шла война, и убитого списывали на войну.

Я подъехал к Кандагарскому военному госпиталю с Сашей Григорьевым, своим водителем. У штаба бригады солдаты пели песни и ходили по плацу строевым шагом:

*– Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жены?
– Наши жены – пушки заряжены,
Вот кто наши жены.*

– Молодцы. Хорошо поют! – сказал я. – Песня объединяет военнослужащих, согревает душу солдата, правильно я говорю, рядовой Александр Григорьев?

– Так точно, правильно!

Подъехали к госпиталю, комбриг был уже там.

На этот момент в госпитале было много тяжелораненых военнослужащих, от ран и испытываемой боли они громко кричали, не могли сдерживаться, ругали командиров и советскую власть за отсутствие лекарств, просили врачей дать им что-нибудь, чтобы добровольно уйти из жизни.

Комбриг, не говоря ни слова, молча поздоровался со мной за руку, повел к солдатам и офицерам, которых хорошо знал даже по имени и отчеству.

– Стыдно признаться, но факт: в госпитале процветает мародерство. С убитых солдат снимают сапоги и новое обмундирование, надевают старое в морге, а новое обмундирование продают на рынке или меняют на водку, – сказал комбриг.

– Кто этим занимается?

– Санитары. Это те же солдаты-сверхсрочники, им помогают служащие персонала госпиталя. Я намерен разорвать этот порочный круг круговой поруки и вывести на чистую воду преступников.

Комбриг, помолчав, тихо сказал:

– Когда я слышу сигналы точного времени из Москвы, мне становится страшно, кажется, что в Афганистане настал 1937 год.

Варварство с раздеванием военнослужащих, умерших от ран в госпитале, воспринималось как норма поведения в условиях войны, и к этому, кажется, все привыкли. Солдаты обнищали, обмундирование на них было старое, в заплатах, грязное, и солдаты приглядывались друг к другу на предмет, чем поживиться от своего товарища, если он не вынесет ран и умрет. Все это воспринималось как солдатское братство, а не криминал. Не закапывать же добро в землю вместе с мертвецом, тогда как живые разуты и раздеты! Так думали все и поступали по справедливости. Каждому – свое. Мертвому – земля пухом, а живым – возвращение домой, в семью, к молодой жене, так и хотелось тряхнуть стариной, удивить и порадовать своим бодрым видом своих стариков-родителей.

– Мертвые сраму не имеют! – философски рассуждали командиры и начальники, кому по должности предписывалось заниматься воспитательной работой с подчиненными, но они делали вид, что не замечают мародерства и варварства, пустили воспитательную работу на самотек, что порождало дедовщину и прочие негативные явления в армии.

Костяк 40-й армии, воюющей в Афганистане, составляли коммунисты и комсомольцы, и никто не был заинтересован выносить сор из избы, даже были попытки отрицать все факты негативного проявления в армии. Скрывались преступления, факты самострелов на постах, занижалось число убитых и раненых в ходе боевых операций и умерших в госпиталях.

Нередко военнослужащий был тяжело ранен и поступал в госпиталь, а там умер от ран и отправлен домой как «груз-200», оплакан родными и близкими, а он считался живым. Таких случаев было немало. Однако коррективы в итоговые сводки сознательно не вносились, чтобы не портить общую картину войны и скрыть истинные потери солдат и офицеров.

«Афганскую войну нужно как можно скорее забыть и вычеркнуть из памяти, – говорили начальники, – незачем ворошить все негативное, дурное, плохо пахнущее, то, что было. На то и война, что там всякое бывает».

Действительно, на войне бывает всякое, но ворошить негативное надо не во имя убитых солдат и офицеров, а во имя живых. Чтобы впредь не было слез матерей, «грузов-200», заполонивших все русские села и деревни, погибших не известно во имя чего и за чьи интересы, естественно, только не за интересы России, защищая не Родину-мать, а престарелых кремлевских политиков, партийных князьков, тупых и ограниченных, как Брежнев с компанией. Они, подобно скотнице Хавронье, обучающей Митрофанушку разным глупостям, выдавали, тем не менее, свои уроки за истину в последней инстанции.

Мой внутренний голос говорил, что афганская война, насквозь подлая и несправедливая, должна скоро закончиться победой афганского народа, а я двигаюсь в неправильном направлении, смирившись со своей судьбой, полагая, что может сделать одиночка в море лжи, дикости и разбоя? Ничего. Моя роль была ролью маленького человека, без которого можно обойтись на войне, и, кажется, стал свыкаться с этой ролью.

Мне многократно приходилось бывать в Кандагарском военном госпитале, даже самому проходить лечение после тяжелой контузии, и всякий раз в госпитале мне нездоровилось, болел от вида крови, стога и проклятий солдат в адрес советской власти, сотни раз умирал вместе с бойцами, в ужасе содрогаясь от того, что чье-то сердце перестало биться и наступила смерть.

Вместе с комбригом Шатиным я подходил к раненым военнослужащим, спрашивал их о самочувствии и ждал ответа.

Некоторые ничего не отвечали, не могли говорить, другие, чувствуя близкую смерть, отворачивались к стене больничной палаты и молчали. Чего говорить, если и так все ясно! Смерть – и конец всему, всем мучениям и печалям. Кругом чужая земля и некому протянуть руку и пожаловаться на свою тяжелую

судьбу и горе. Я приходил в военный госпиталь и чувствовал, что делаю правильно, встречаясь с ранеными солдатами и офицерами, они словно ждали меня, подходили ко мне, здоровались, о чем-то спрашивали, получали от меня небольшие подарки в виде конфет или набора фруктов, я старался выслушать каждого, ободрить, но реально мало чем мог помочь. В госпитале не хватало лекарств, было нищенское питание, кормили в основном кашей да ржаными сухарями. Не было специального оборудования для осуществления стационарных операций. Тяжелораненых везли в Ташкент, они не выдерживали трудностей перелета, умирали в полете, так и не получив долгожданную помощь.

Смертельно раненный комбат говорил с трудом о своем ранении. Подолгу молчал, словно накапливал силы, чтобы продолжить разговор. По движению его ресниц и глаз я чувствовал, что он слышит и понимает меня, но сказать не может. Нет сил. Я долго находился у его постели, узнал, что он целый месяц не выходил из боев, был ранен в грудь и голову, часто терял сознание, приходил в себя, медленно говорил о своем несчастье.

– У меня, товарищ полковник, – говорил комбат, – стали сдавать нервы. Кричу по ночам от страшных видений во сне, зову на помощь, чтобы хоть кто-то подошел ко мне, дал воды напиться. В госпитале я потерял веру в людей и в себя. Стал трусить от мрачных сновидений, вижу себя, как правило, лежащим в гробу. От таких снов дрожь пробегает по всему телу. Не стало уверенности, что выживу и вернусь домой. А так хочется жить. Я ведь, товарищ полковник, еще не женат. Мне недавно исполнилось 25 лет.

Рядом с комбатом лежал старший лейтенант с выбитым в бою левым глазом, а чуть выше над ним висел плакат, призывающий воевать в Афганистане и бить басмачей жестоко и беспощадно, как в годы Великой Отечественной войны наши солдаты били фашистов. Я познакомился со старшим лейтенантом, его звали Степаном Чумаковым. Он был из Ачинска. Там жили его родители, отец и мать. Степан мужественно переносил ранение, но иногда впадал в истерику, говорил:

– Кому я нужен теперь, одноглазый? Какая девушка пойдет за меня замуж? Теперь все кончено, хоть давись на ремне в больничной палате или стреляйся. Как дальше жить, не знаю. Только об этом все время думаю.

Раненые военнослужащие в Кандагарском военном госпитале вели себя каждый по-своему. Одни замкнулись в себе, о чем-то думали, молчали. Другие смогли справиться со своим несчастьем, обрушившимся на них, на людях были даже веселыми, но, оставаясь один на один со своей бедой, нервничали, паниковали, хотели с кем-то поговорить, поделиться своими мыслями, чтобы их по-матерински утешили, ободрили, нашли нужные слова, успокоили растерзанную войной душу.

Раненный в руку сержант улыбался, рассказывал своему товарищу с забинтованной головой анекдот о Василии Ивановиче Чапаеве:

«– Слышь-ка, Василий Иванович, – обратился к Чапаеву Петька, – ты слышал, что Гольфстрим-то замерз?»

– Слышал, Петька, слышал! – отвечал Василий Иванович. – Но сколько раз тебе надо говорить, чтобы в разведку евреев не назначать».

Раненые военнослужащие весело смеялись, забыв о своем ранении. Они все были молодые, некоторым было всего 19–20 лет, они только начинали жизнь и, как молодые птенцы, попадали в расставленные силки и гибли, становились жертвами чьих-то коварных планов.

Я ходил по палатам раненых военнослужащих, знакомился с ними, узнавал их фамилии, откуда они родом, кто их родители, и военнослужащие охотно отвечали на мои вопросы, конечно, не все, но большинство. Я чувствовал, что такие беседы у кроватей раненых военнослужащих, идущие от сердца к сердцу, давали каждому из нас эмоциональный настрой, и мне казалось, что они быстрее шли на поправку.

Около кровати молодого солдата с забинтованной грудью я остановился, его лицо мне показалось знакомым, но я ошибся. Солдат был из Иркутска и вряд ли с ним мы могли где-то встречаться. На меня смотрели мутные и невзрачные глаза молодого человека, полные скорби и печали. Он то и дело оглядывался по сторонам, словно кого-то ждал или опасался, поманил меня к себе пальцем и сказал шепотом:

– Здесь, в палате, водятся колдуны и черти, они приходят ко мне по ночам в бараньих шубах с козьими воротниками и в валенках. Я уже говорил медсестре о них, чтобы она мне помогла их поймать, но она надо мной смеется, говорит, что у меня жар в голове, я не здоров, с этим я не согласен. Я здоров и вижу этих тварей всякую ночь напролет. Хотя бы вы помогите мне их поймать. Они кровожадные, у каждого за пазухой торчит нож, за поясом пучок травы. Черти заклиняют меня взять у них нож и разрезать себе живот и выкинуть из живота кишки, вместо них положить пучок травы, чтобы не мучиться на белом свете и тихо умереть. Я давно бы поступил, как черти предлагают, но ужасно боюсь крови. Как мне быть?

– Не обращайтесь на него внимание, товарищ полковник, – сказал о солдате врач, – у него действительно высокая температура после операции, и, когда она спадет, он пойдет на поправку.

Там же в Кандагарском военном госпитале мне встретился молодой и очень красивый десантник из бригады Михаила Шатина Василий Гриб. Он был сибиряк. В ходе ожесточенного боя с превосходящими силами басмачей Василий Гриб был тяжело ранен в грудь, позвоночник и в правую ногу. Бедро ноги было сильно раздроблено. Врачи и война приговорили его к смерти, но он не хотел умирать, хотел жить, всячески цеплялся за жизнь, просил поскорее сделать ему операцию, чтобы выздороветь, но в Кандагарском военном госпитале операции на позвоночнике не делали, его нужно было везти в Ташкент, но Василий Гриб был нетранспортабельный. От малейшего движения он сильно страдал, плакал, как дитя, но никто не подходил к нему. Врачи ждали его смерти, чтобы на освободившееся место положить других раненых, лежащих в коридорах и в проходах госпиталя.

Еще не зная о том, что в Кандагарском госпитале не делают такие операции на позвоночнике, я спросил начальника госпиталя, как он намерен помочь Василию Грибу? Начальник спокойно ответил:

– Да никак! До Ташкента Василий явно не дотянет. Умрет в самолете в страшных муках. Пусть уж лучше умрет здесь, в Кандагаре, тихо и спокойно, а не в муках адовых и судорогах.

Я испытывал к Василию отцовские чувства, видел в его глазах переживание и боль, желал ему, как и себе, легкой смерти, что я еще мог сказать или сделать?

В редкие минуты ослабления боли в позвоночнике и раздробленной ноге Василий Гриб чувствовал некоторое облегчение, открывал глаза, улыбался слабо, по-детски, одними глазами и чуть слышно говорил:

– Побудьте со мной, ради бога, товарищ полковник, побудьте хоть еще минуточку-другую, с вами мне так хорошо, как было в детстве с моей старой бабушкой. Она гладила меня по голове и всегда что-то рассказывала. Она была для меня, как Арина Родионовна для Александра Сергеевича Пушкина. Теперь ее нет, и я тоскую по ней. Один я не справлюсь с болезнью, помру.

По щекам Василия катились крупные слезы. Он очень тяжело переживал ранение и отчужденность врачей к себе. Его беда была в том, что никто не мог ему помочь и облегчить страдания. Василий плакал, и я вместе с ним, стараясь не смотреть ему в глаза, тихо гладил его по волосам, полным песка и крови, успокаивал:

– Не плачь, сынок, не плачь! Не расстраивайся раньше времени. Бог даст, и все будет хорошо, ты пойдешь на поправку и обретишь в себе силы...

– Нет! Нет! Этого не будет уже никогда! – со слезами на глазах говорил Василий, с трудом сдерживая рыдание. – Но все равно, дорогой мой товарищ полковник, спасибо вам за добрые слова и отцовскую ласку. Я ведь детдомовский. Ничего не видел в жизни хорошего, только голод, нищету, унижения и побои. Знаю, что скоро помру. Ничего не поделаешь, не повезло. Смерть приходит за мной уже вторую ночь в нарядной одежде невесты в красном платье и с кровавыми глазами, говорит мне: «Ты мой на веки вечные!» Я стараюсь оттолкнуть ее в сторону, тогда она начинает злиться, изо рта вырывается яркое пламя и своим огненным дыханием поражает мои внутренности, и я теряю сознание. У меня нет сил сопротивляться, сопротивляться...

Василий громко застучал зубами, словно от холода, на его лице выступили капельки пота, судорога вступила в свои права, исказила его рот, начался припадок. Он яростно кричал, кого-то звал на помощь, было трудно разобрать, что Василий говорит в бреду, наконец я четко услышал его слова: «Бабушка! Родная моя! Это я, твой внук, Василий! Неужели ты не узнаешь меня. Ну, протяни ко мне руки, вытащи меня из беды, иначе я умру!»

Дальше нельзя было понять, что говорил Василий Гриб и с кем он разговаривал в бреду, но чаще других были слышны слова: «Бабушка, родная моя бабушка, ну, почему ты не узнаешь меня, своего внука?»

Я стоял и плакал. Василия трясло, как в лихорадке, ко мне подошел врач, взял меня под руку, отвел в сторону, сказал: – Ну зачем вы себя так истязаете? В госпитале всякий день умирает по несколько человек, и если бы я так реагировал на смерть военнослужащих, давно бы сам умер. Товарищ полковник, идемте отсюда, прошу вас, Василию уже никто не поможет. Он умирает!

Дежурный врач шел со мной рядом и что-то говорил мне, рассказывая о большой смертности и проблемах с лекарствами, я его практически не слушал, думал о Василии Грибе.

Было около 23 часов, когда я вышел из госпиталя. Прощаясь со мной, дежурный врач сказал: – Я знаю от комбрига Шатина, что вы, товарищ полковник, уже несколько ночей не спите, проводите все время на ногах. Так нельзя. Вам нужен отдых. Поберегите себя.

Врач чуточку помедлил, потом добавил: – А раненые военнослужащие очень уважают вас и комбрига Шатина. Ждут вашего появления в госпитале, как праздника!

Врач ушел к больным, я остался один. Шумел ветер. На душе было тревожно от пережитых за день впечатлений. В темноте кандагарской ночи вокруг старого здания госпиталя шныряли летучие мыши и наводили шумом своих крыльев неописуемый страх. Их было так много, что казалось, они были предвестниками всех многочисленных бед в госпитале, большой смертности военнослужащих, нехватки лекарств, плохого питания. Летучие мыши пикировали надо мной, словно хотели меня напугать своим безобразным видом, и быстро исчезали в складках старого здания госпиталя и в многочисленных кустах, как враждебные человеку вампиры, быстрые, ловкие, непредсказуемые.

Я сел в машину и уехал в «Мусомяки», а утром следующего дня уже был в госпитале, чтобы узнать что-либо о Василии Грибе.

– Василий умер! – спокойно ответил врач. – Сейчас он уже в морге, ждем погоды, будем отправлять всех мертвецов по домам.

Смерть молодого десантника произвела на меня сильное впечатление. Весь день я провел под впечатлением смерти Василия Гриба, которого знал мало, но успел полюбить, как сына.

Среди персонала военного госпиталя были два высоких и сильных хохла, постриженных наголо, как они говорили, под Котовского. Эти солдаты не хотели возвращаться в часть и участвовать в боевых

действиях, они давно поправились от ранений, но хитрили, тайком пили мочу больных гепатитом, чтобы подольше не выходить из госпиталя. Помогали персоналу госпиталя, убирали палаты, выносили на носилках в морг умерших военнослужащих, пока вдруг сами не слегли, заразившись гепатитом, пригвоздив свою молодость к позорному столбу и смерти.

К сожалению, в Афганистане случалось и такое, когда военнослужащие искали выход из войны, чтобы в ней не участвовать, делали ошибочные ходы и погибали во цвете лет по своей наивной халатности и глупости.

Насквозь продуваемый всеми ветрами зимой и летом, Кандагарский военный госпиталь находился рядом с аэродромом. Здесь то и дело взлетали и садились самолеты. От сильных ветров и сквозняков в госпитале всегда было холодно и неуютно, как зимой, весной и летом, особенно в ненастную погоду. От непогоды страдали не только раненые военнослужащие, но и многочисленные воробьи, которых раньше, до того, как здесь не было госпиталя, никто не видал, кроме голубей. Но вот старые здания приспособили под военный госпиталь, этого момента словно ждали полевые воробьи, они стали обживать многочисленные щели и потайные места здания и вместе с ранеными военнослужащими переносить тяготы военной службы. Солдатам и воробушкам было холодно на ветру, но сытно. В ожидании солдатского завтрака, нахохлившись, они сидели на сквозняке и с любопытством разглядывали своих любимцев, которых уже знали по имени, и живо откликались на их приглашение к завтраку, частенько залетали в больничные палаты без всякого приглашения и доставляли неописуемые радости страдальцам земли Русской, оказавшимся на чужбине.

В госпитале я познакомился при очередном посещении с капитаном Ибрагимовым, узбеком по национальности, бесшабашной храбрости летчиком, награжденным двумя орденами Красного Знамени за участие в боевых операциях против басмачей на территории Герата и Кандагара.

– Аллах покарал меня за мои грехи, отнял обе ноги за разбой и насилие, – признался капитан в ходе знакомства с ним. – Будучи физически сильным и отважным по натуре, я ничего не боялся, разрушал мусульманские погосты, где прятались басмачи, сравнивал погосты с землей. Только теперь понял свой грех и боюсь гнева Аллаха, как великий злодей рода человеческого, нарушивший покой умерших мусульман, выворачивал бомбами и снарядами их скелеты и кости из земли, обнажая мертвых, разрушая надгробные камни. За свои «подвиги» я получал ордена и медали, представлен к Звезде Героя, но теперь мне ничего не надо. Я стыжусь своих деяний. Я грешник, и Аллах приговорил меня к смерти.

Ибрагимов горько плакал и каялся в своих преступлениях, обливался слезами.

С высоты полета самолета он видел на земле вспышки огня и плохо представлял то зло, которое он нес людям, проживающим на земле. Горели кишлаки, города, а он даже не задумывался, что кто-то так же безнаказанно, как он, мог бомбить могилы его предков, нарушал их могильный покой. Только теперь, в Кандагарском военном госпитале, капитан Ибрагимов понял, что чужое горе – это не чужая боль, а своя собственная.

Аллах не простил капитана Ибрагимова, и он угасал на глазах со злобой в сердце и ненавистью к людям в белых халатах, приговоривших его к смерти при ясном уме и полном сознании, что умирает.

Последний раз я видел капитана Ибрагимова за день до смерти. Его самочувствие вроде бы улучшалось, он стал даже подумывать о протезах и как легендарный летчик Маресьев летать, жить полноценной жизнью, строил планы на будущее, но, как оказалось, будущего у него так и не стало. Отняла смерть. Капитан умер на больничной койке Кандагарского военного госпиталя. Без ног он казался совсем маленьким, как ребенок, его санитары на руках отнесли в морг, а когда я пришел в очередной раз в госпиталь, на его кровати уже лежал молодой танкист, раздавленный гусеницами танка.

Как могло случиться такое несчастье? Почему опытный сержант – водитель танка – раздавил своего командира – лейтенанта, так и осталось для меня тайной.

Раздавленное тело офицера, еще живого, издавало мерзкую вонь, и тяжелые запахи заполнили всю палату. С этими отвратительными запахами еще как-то мирились раненые военнослужащие, пока лейтенант был жив и лежал в палате, но когда его отнесли мертвого в морг, запахи гнили и смрада продолжали оставаться в палате. Их никак не удавалось выветрить, они напоминали раненым, что с ними может случиться то же самое, что случилось с лейтенантом – смерть, и они примирились со своей судьбой и отвратительными запахами в палате, знали, что отсюда лишь два выхода: или в морг, или снова в часть.

Командир роты старший лейтенант Виктор Гаврилов признался:

– По-видимому, моя судьба, товарищ полковник, на этом заканчивается. Дальше ее ступеньками станет глубокая могила.

– Откуда ты родом, – спросил я офицера, – где проживают твои родители?

– Родителей не помню. Смутно помню свою мать и бабушку Арину. Мне постоянно кажется, что советская власть отняла у меня память о предках, превратив в ивана, не помнящего родства. Ленин – оборвал мои корни. Партия – оторвала ветви старинного рода, КГБ – лишила меня мечты. Я стал рабом и заложником этой власти, а не свободным человеком.

– Почему к старшему лейтенанту Гаврилову никто из врачей не подходит? – спросил я начальника госпиталя.

– Он обречен на смерть и спасти его уже нельзя, а убить и облегчить его страдания мы не имеем права. Пусть еще немного помучается, чтобы умереть знаменосцем хулы на советскую власть, что для нас не новость.

Глава 9

Жажда жизни

Там человек сгорел.

А. Фет

Афганская война зашла в тупик, и это не могло не сказаться на настроении военнослужащих, их поведении, взболтнуло со дна всю солдатскую муть, они стали раскованнее, смелее, агрессивнее, полезли в политику, предметом их недовольства и политического уклона были вши. Они кусали хуже собак. Солдаты заговорили. У них, кажется, прорезался голос.

– Хватит, повоевали. Пора и по домам! – раздавались голоса в казармах. – Дома, в России, и солома съедобна, что может быть лучше?

40-я армия терпела одно поражение за другим. Тысячи солдат и офицеров сгорали в кочегарке войны, как порох, под фальшивыми звездами Саурской революции и исчезали в небытие.

Невыносимо трудно быть солдатом в условиях войны, грязной, ненужной, поганой, как афганская война, которую навязали политики во главе с Брежневым. Не дай бог солдату быть раненым или убитым где-то в горах или болотистой местности, его тело будет валяться там, где застала смерть или ранение, подобраться к солдату трудно или невозможно в условиях постоянного обстрела местности или дежурства снайпера. Пока солдат истекает кровью или валяется убитый, стаи хищных птиц творят самосуд, а голодные волки растаскивают по своим логовам куски мяса на пиршество. Что остается от солдата, когда удастся до него добраться? Практически ничего: рожки да ножки. Гроб запаивают и везут родителям или женам, а в гробу – ничего, лишь фрагменты человеческого тела.

Кажется, все было учтено кремлевскими мечтателями при развязывании афганской войны: богатые трофеи, жизненное пространство, полезные ископаемые, людские ресурсы, но никто из кремлевских старцев не подумал о простом русском солдате из рабоче-крестьянской семьи. Он был забыт при жизни и погибнет без славы на войне, без чести и без правил.

Солдаты поистрепались, износились, разложились изнутри. Война им надоела, но они не знали, как из нее выйти живыми. Некоторые надежды связывали с командующим 40-й армией Громовым, но он не годился для роли спасителя России – ни Минина, ни Пожарского.

Афганистан тем временем был завален трупами наших солдат и офицеров. Это было время белой горячки.

Вшивые, обездоленные, голодные и рассерженные, солдаты, доведенные до отчаяния, совершали самострелы, пили мочу больных гепатитом, заражались и умирали в песках и болотах, в окружении раскаленных докрасна камней от изнурительного солнца и ветра, обжигающего глотку. Эта была та реальность, в которую солдаты попали.

Росло омерзение к войне, но пока оно не выливалось в протест.

«Трудно воевать, не зная, за что воюет солдат, голодный, оборванный, злой, потерявший веру в жизнь, среди песков и барханов. Голова кружилась от пьянящего запаха пролитой крови, своей и чужой, а в ясном небе ни единого облачка, лишь кружат стервятники – и зорко следят за каждым шагом солдат, продвигающихся вперед по сыпучим пескам». – Так рассказывал командир десантного взвода лейтенант Лев Ядвиго, бывший прапорщик, дослужившийся до лейтенанта. Будучи близоруким и лысым смолоду,

потерявший передние зубы не то от гнилой воды, не то от драки, Лев Ядвиго в свои 35 лет выглядел древним стариком, словно его нашли и раскопали где-то здесь, в Афганистане, на горе солдатам.

Не обладая внешностью Геракла, Лев Аркадьевич Ядвиго, обладая большой силой, мог без видимых усилий разорвать колоду игральных карт, а потом еще две половинки напополам. Своей физической силой Ядвиго заставлял уважать себя. Солдаты говорили о нем сдержанно, с опаской:

– Попробуй, скажи Ядвиге что-нибудь не так, глазом не успеешь моргнуть, как получишь удар по шее.

Однако солдаты уважали своего командира за хорошее знание военного дела, умение хорошо стрелять, читать карту местности и выходить из сложной обстановки без потерь. Но если потери случались, лейтенант Ядвиго тяжело переживал. Его рот начинал безобразно кривиться, походить на безразмерную емкость, как глубокую яму, куда он сваливал все подряд: хлеб, тушенку, кашу, знал, что вряд ли скоро придется перекусить. Ел и пил много, как верблюд, с запасом на несколько суток, этому учил и подчиненных солдат, чтобы выжить и остаться, как он говорил, на плаву.

Оказавшись со своим командиром в экстремально трудных условиях, солдаты стали уважать Ядвиго, не теряющего бодрости духа, жались ближе к нему, чтобы не отстать, как бараны к вожаку стада, чего-то ждали от него, готовые пойти вперед не за правым, а за сильным.

Лейтенант Ядвиго был одним из героев Афганской войны. Ему удавалось без труда поддерживать в подразделении уставной порядок даже тогда, когда солдаты падали от усталости на раскаленный песок, зарывались в глубь песка, теряя рассудок, готовые погибнуть и умереть, не подвергаясь впредь адским мучениям от раскаленного солнца, хуже которого может быть только раскаленная докрасна сковорода.

– Сынки, – говорил Ядвиго, – наше дело правое, мы победим!

Силы возвращались вновь к солдатам, они верили в командира, вставали и шли за ним. Он никого не уговаривал, на уговоры не было времени, старослужащие знали свое дело, помогали молодым подняться, приводили в чувство, и взвод шел вперед, добивался результата, настигал банду и уничтожал.

Раненых солдат в бою, как правило, несли на носилках пленные басмачи, несли до расположения части, потом их расстреливали, чтобы не обременять себя дополнительными обязанностями и не возиться с ними. Нет пленных, нет и проблем.

Солдаты в афганской войне были приучены забывать свои фамилии, жить в солдатском коллективе такими безликими канарейками, одним словом – интернационалистами, а не гражданами России.

Солдаты 40-й армии болели больше всего чужими болезнями, а только потом своими, от чего и гибли, пополняли православные погосты.

Мне, командиру оперативной группы разведчиков, постоянно приходилось принимать участие в разработке военных операций силами десантной бригады. И я практически знал многих солдат и офицеров в лицо, часто навещал их в госпитале, приносил овощи, фрукты, сладости и своим посещением снимал грех со своей души, что я в какой-то степени был первопричиной их ранений и гибели, поскольку военные операции проходили по данным, добытым разведгруппой.

Однажды, посещая в очередной раз госпиталь, я встретил там знакомого генерала из Кабула. «Я полагал, – признался он, – что в госпитале меньше раненых, а он, оказывается, полон под завязку. Куда деваться, война!» Генерал притворно вздохнул, торопился с отъездом в Кабул, говорил раненым одно и то же, как попугай, совал под подушку шоколадку и шел дальше, повторяя: «Потерпите, дети мои, дальше будет лучше!»

В Афганистане шла не война, а грабеж, в этом и состоит вся правда афганской войны, ее позор и кровь, слезы и смерть, предвестники распада и крушения Советского Союза. Свидетелем всех солдатских

несчастий на Афганской войне был я и Бог. Он мой единственный судья.

Я прошагал по дорогам Афганистана вдоль и поперек от Кабула до Герата, от Гильменда до Фарьяба, от Кандагара до Шинданта и Мазари-Шарифа, видел ужасы войны не только наяву, но и на лицах простых дехкан, вылавливающих из реки трупы с обезглавленными головами своих родственников и детей. А сколько убито невинных людей? Никто не считал, сколько истерзано душ и тел при пытках с целью признания вины, которой никто не совершал.

Саурская революция ничего не дала простым людям, кроме ссадин, ушибов, нищеты и голода. В провинциях, где мне пришлось бывать, оставались одни старики, и, когда они умирали, афганская земля издавала протяжный стон, сопоставимый с гибелью могикан Афганистана, главных сеятелей и пахарей, кормильцев и воспитателей разоренной войной страны.

Возвращаясь в «Мусомьяки» из госпиталя, я никак не ожидал услышать русскую песню из дома афганца. «Сиреневый туман», как волшебство, прервал мои мысли, полные грусти и тревоги, напомнив мне, что я русский:

*Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит полночная звезда...
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда.*

Песня кончилась, а житейские проблемы остались, гнет, насилие, нищета, бесправие.

Оказавшись на войне не по своей воле, я, как и мои товарищи по оружию, защищали не кремлевских должностных, а Россию, старались исправить ошибки политиков, не дать России в обиду, на которую обрушились все страны НАТО, стараясь глубже втянуть Россию в афганский конфликт, чтобы таким путем обескровить.

Поначалу мне, командиру кандагарской разведывательной группы, показалось, что страны НАТО, включая США, вряд ли станут поставлять басмачам новейшее оружие, скорее всего они дадут басмачам оружие времен Второй мировой войны, которого у них в избытке, однако я ошибся. Поставка устаревшего оружия басмачам не входила в планы американского командования, они не собирались позабавиться шутловством Дон-Кихота, были настроены решительно, и басмачи получили новейшие образцы оружия и вооружения, которое американцы хотели испытать на практике, чего оно стоит. Развязка афганской войны, кажется, близилась к концу. 40-я армия в одночасье могла быть уничтожена по причине вооружения солдат устаревшим оружием, в то время как басмачи были вооружены гораздо лучше, чем наша армия.

В эти трагические для 40-й армии дни, когда она была беспомощной, стояла практически на коленях, военная разведка сумела вбить клин в оппозицию Бабрака Кармаля, раздробила ее на части, басмачи стали бить не кулаком, а растопыренными пальцами, сила ударов ослабла, это сыграло свою роль. Армия была спасена, что напомнило забытые страницы из истории войны мавританского царя Аграманта при осаде Парижа, когда нападавшие перессорились между собой и были сильно ослаблены.

Однако в 1981 году было невозможно что-либо сказать, сколько продлится эта война и кто победит. США тащили в Афганистан все, чтобы испытать в войне «с Советами», как они говорили, используя Афганистан как свой полигон, включая массу всякой литературы, словно забывав, что имеют дело с безграмотным народом, не умеющим читать и писать, живущим при феодально-крепостническом строе.

Названия некоторых брошюр и книг, попавших в мои руки, вызывали явное недоумение, например, брошюры на английском языке «Как вести себя при аресте», «Методы маскировки на местности», «Уроки партизанской войны», «Как поссорить начальника со служащим» и т. д.

Американцы во всеуслышание заявили о расценках: за убитого солдата – сто американских долларов, за убитого офицера – 500 американских долларов, за убитого полковника или генерала – 2 тысячи американских долларов. За подбитый танк или бронетранспортер – тоже две тысячи долларов.

Идейным вдохновителем реализации американских планов выступило афганское духовенство. Лидер оппозиции Гульбуддин заявил: «Клянусь Аллахом, что не расчешу своей бороды и не расстанусь с винтовкой, пока на нашей земле будет хоть один русский солдат!» Лидер и вождь Саурской революции Бабрак Кармаль в противовес Гульбуддину сказал по Радио нации: «Все, что делают наши русские братья в Афганистане, идет на пользу нашему народу. Кто думает иначе, тот враг Афганистана и афганского народа!»

Окрыленные такой поддержкой Бабрака Кармаля, солдаты пели строем, прославляя Кармаля:

*Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.
С Бабраком Кармалем
Не приходится тужить!*

После «охранных» слов Бабрака Кармаля в адрес военнослужащих 40-й армии им было нечего опасаться за свои действия на территории Афганистана, и кровавый след войны, идущий от солдатских сапог, разрастался с каждым днем, его уже нельзя было не заметить. Террор с обеих сторон набирал силу. Дружбе двух народов пришел конец. Было, как говорится, чему подивиться.

Стоял стон и плач повсеместно. С одной стороны жгли, пытали, вешали басмачи, с другой стороны – мы, русские, мало чем отличались от басмачей. Солдаты в Афганистане убивали и не несли ответственности. Оказавшись в России, бывшие афганцы уже не могли отвыкнуть от насилия и террора, шли к соседу и убивали его по привычке, чтобы не утратить профессиональных качеств убийц. К этому их звал запах человеческой крови, однажды изведанный. Так, в России мальчишки стали не мужиками, а убийцами, попадали в тюрьмы, из которых обратной дороги нет. В родном Отечестве, куда стремились воины-афганцы, им ничего не осталось:

*Отец твой давно уж в могиле.
Землей призасыпан лежит,
А брат твой давно во Сибири,
Давно кандалами гремит...*

– Жизнь наша – копейка! – говорили афганцы и гибли не за грош.

Сравнивая послевоенную жизнь воинов-афганцев с раскольниками, я находил много с ними общего. «Хованщина» Мусоргского восхищала меня цельностью натуры раскольников, их преданностью своей вере. Они были готовы скорее принять мученическую смерть из собственных рук, чем нарушить законы православия.

Воинов-афганцев объединила с раскольниками верность дружбе и преданность воинскому братству. Как бы ни складывалась судьба каждого воина-афганца, солдаты помогали друг другу выжить.

Война – тяжелое испытание для всех. Кто воевал, тот это знает.

Теперь, спустя годы, трудно сказать, кто больше виноват в том, что воины-афганцы ожесточились на войне. Причин много. Нехватка продовольствия, медикаментов, слабое руководство войсками со стороны начальства, безжалостный террор со стороны басмачей. И на террор врага военнослужащие отвечали «красным» террором – кровь за кровь, смерть за смерть!

Как остановить жестокость с обеих сторон, никто не знал, как удержать солдата от мести, когда его

товарищ оказался без головы? Ее сорвали вместе с шапкой басмачи.

Насилие и террор больно ударили по психике, начинали кровоточить раны войны, словно наступали дни страстей христианских и незаживающие раны кровоточили в тех местах, куда Иисусу Христу были вбиты гвозди. При виде крови солдаты теряли рассудок, словно сатанели и давали волю страстям, в такие минуты солдатского гнева не жди пощады.

Офицеры нередко подогревали солдатские страсти, давали солдатам разрядку, отдавали пленных басмачей, отмеченных жестокостью, на «перевоспитание» солдатам.

– Робята! – говорил кто-то из офицеров. – Эти басмачи отказались с нами разговаривать. Может, вы разговорите их. Они у нас в гостях, а задирают носы, молчат, как рыба, не хотят отвечать на наши простые вопросы. Поговорите с ними, попытка – не пытка.

Солдаты, кажется, только этого и ждали. «Перевоспитание» превращалось в веселый и «потешный» аттракцион, напоминающий крутящиеся карусели. Басмачей сильно раскручивали под солдатский хохот до тех пор, пока они не теряли сознание, затем их отвязывали от доски, на которой крутили, и тех басмачей, кто не мог стоять и падал, тут же затапывали солдатскими сапогами в грязь. Развлечение «очень смешное» и не для слабонервных, но такие развлечения вносили свежую струю в солдатский быт, и слабая тропинка, ведущая к храму покаяния, затапывалась, вновь возобладал дух насилия и жестокости, порожденных войной.

В Афганистане была весна во всем разгаре. Звуки весенней капели и свежести наполняли воздух. Заговорили многочисленные ручейки, спускающиеся с гор, голосами людей с грустью и тоской, словно передавали беспокойный настрой людей, их боль и страдания.

Русские и афганцы слушали песни ручейков, узнавали себя, стыдились своей жестокости, порой недоумевали, почему нет мира на афганской земле и почему в природе все хорошо и весело, а в человеческой жизни скупо и плохо.

Часть II

Глава 1

Времена не выбирают

Злоба, грустная злоба

Кипит в груди.

А. Блок

В начале марта 1981 года я находился во второй афганской столице, Кандагаре, и руководил работой разведгруппы по борьбе с басмачеством. Обстановка в Кандагаре была взрывоопасная, басмачи наседали, не проходило суток, чтобы кого-то из наших советников не убили или кому-то не отрезали голову. Население Кандагара бедствовало, жило в постоянной нужде и голоде.

Всякий раз, проезжая по «Дороге жизни», названной так из-за постоянных диверсий и террористических актов на пути от Кандагарского аэропорта до центра города Кандагара, я наблюдал одну и ту же картину из кабины машины. На дороге ползали дети и нищие в поисках зерен пшеницы или ячменя, выпавших из дырявых мешков торговцев, везущих свой товар на продажу в город.

Дети, как муравьи, ползали по земле, отыскивая зерна, и, отыскав их, скорее совали в рот или складывали в ладошку для матерей, находящихся тут же, на обочине дороги с грудными детьми, прося подаяние.

– Не строй семь церквей, а накорми семь детей! – говорил мой дед, Баев Илья Васильевич, однако жизнь в Афганистане распорядилась иначе, никто из богатых купцов даже не помышлял накормить детей. С войной возобладала тяга к наживе, стяжательству, и не стало на афганской земле ни покоя, ни счастливых людей. Бедняки злобно поглядывали на богатых, чтобы зарезать в темную ночь, а богатые ненавидели нищих, голодных, больных, плотно закрывали ставни своих домов, держали сторожевых собак, чтобы спать спокойно до утра.

В Кандагаре наступил голод, он не щадил никого – ни детей, ни взрослых. Город погружался в траур. Улицы пустели, поля зарастали полынью, Кандагар становился мертвым городом.

Проезжая по «Дороге жизни», я бросал монеты детям, чтобы они на эти деньги могли купить что-то съестное, но голод был всеобщий и такими ничтожными подачками положение не исправить.

Женщины Афганистана рожали детей по 10–15 человек, а семьи не росли, к 12–14 годам в семьях оставалось по 2–3 ребенка, и того меньше. Дети не успевали вырасти и встать на ноги, умирали от голода, болезней, увечий. Смерть безжалостно косила своей косой всех подряд, и Кандагар стал одним большим погостом.

Первые дни весны я встретил в приподнятом настроении, полагал, что с наступлением весны люди станут лучше, терпимее, добрее, но, к сожалению, этого не произошло, и главной причиной была война.

Возвращаясь из города Кандагара в «Мусомяки» с ответственного задания, я как-то остановил машину на «Дороге жизни» рядом с тремя маленькими девочками-нищенками, стоящими у обочины вместе с матерью. Когда матери детей что-то подавали из проезжих автомашин, она низко кланялась и благодарила за помощь.

– Командир! Что вы делаете? Вас же убьют, – всполошился переводчик Ахмет. – Этот участок дороги находится под контролем басмачей.

Несмотря на протесты переводчика, я вышел из машины, Ахмет последовал за мной, Ему ничего другого не оставалось. Ко мне подбежала девочка, протянула свою грязную ладошку, стала что-то говорить быстро-быстро. Я протянул ей несколько афгани. Она взяла и сказала: «Господин! Дай и маме несколько монет!» Я выполнил ее просьбу. Ко мне подошла очень красивая молодая женщина лет 23, без чадры, с открытым лицом, стала что-то говорить, переводчик перевел: «Она благодарит вас, командир, желает хорошего здоровья и всяческих успехов!» Женщина попыталась поцеловать мне руку, я отдернул ее, сказал: «Не унижайся, красавица! В том, что тебе живется плохо, есть и моя вина!» – переводчик перевел мои слова.

– Ты, стало быть, русский? – спросила она.

– Да, я русский.

– Никогда я не думала, что русские люди такие храбрые и добрые. Теперь я стану относиться к русским по-другому, по-доброму.

Дети окружили меня, говорили о своих бедах, не детским языком забав, а языком нищеты и правды. Еще не шагнув из детства во взрослую жизнь, они вдоволь настрадались, стали нищими, больными, никому не нужными людьми. Но узнав, что я русский, стали угрожать мне палкой, несмотря на любезные слова своей матери, сразу забыли, что я только что дал им денег на питание, разглядывали меня враждебно, как нечто любопытное и необычное. Внутренний мой голос говорил: «Дети не виноваты в их враждебности, виноваты мы».

– Ну, что, командир, – укоризненно сказал Ахмет, – теперь надеюсь, вы поняли, что нельзя общаться с голодными и бедными людьми Афганистана, будучи русским. Это еще дети, а не взрослые люди, которые давно бы посадили в вас сноп свинца и не стали бы разговаривать, а их потом ищи, как ветра в поле.

– Ничего понять нельзя, где найдешь, а где потеряешь! – сказал я, садясь в машину. Забытый Аллахом Кандагар, лукавый и подлый, с каждым днем становится избранныком смерти.

Всю дорогу пенял мне переводчик Ахмет, как он говорил, «за безрассудство», а я молчал, чувствовал, что он прав. А лишь только у ворот «Мусомяки», когда мы уже приехали к дому, сказал, улыбаясь: «Все же, вы командир – молодец! Так мог поступить лишь безумно храбрый человек, как вы!»

В «Мусомяки» переводчики Ахмет и Хаким пригласили меня к себе и сказали:

– Мы, командир, решили, что в последующем – будем вас маскировать под духовного деятеля Афганистана, для этого у нас все имеется в наличии: борода, чалма, халат, четки... Ваша борода растет слишком медленно, придется позаимствовать другую. Словом, станем вас оберегать. Мы боимся, если с вами что-то случится, не дай бог, то нам житья не будет от Собина и Саротина. Они сживут нас с белого света, опять загонят под кровать, а нам этого уже не хочется.

– Вот и хорошо, что вам не хочется жить по-старому, стало быть, я сумел пробудить в каждом из вас чувство человеческой гордости и это уже хорошо.

– А нашим врагам пора заплатить за их козни по счету! Правильно я говорю? – сказал переводчик Ахмет.

– Правильно! – ответил я, улыбаясь. – Посадим их на цепь!

Мне нравилось, что переводчики верили в меня и относились как к старшему брату, нередко в разговорах переходили на «ты», и я не возражал, что делало наши отношения более искренними и

доверительными, чем прежде.

– Басмачам не поздоровится в их пренебрежительном отношении к нам, русским, – сказал Ахмет, – теперь с вами мы им покажем кузькину мать, как говорил Никита Хрущев.

Переводчики часто говорили со мной о том, что нас, русских, в Афганистане не очень-то чтут и уважают. Они оба были узбеки по национальности, но считали себя русскими, и это удваивало доверие к ним. Шла ожесточенная война, и мы – разведчики, были в ней не зрители, а активные участники. Без нашего участия не проходила ни одна военная операция. Мы рисковали своей головой больше, чем кто-либо из солдат и офицеров кандагарской бригады.

Я хорошо понимал, что война в Афганистане продлится долго, и разведчики копали окопы, вгрызались в землю, лишь она пока была нашей союзницей, больше никто.

Разведчики добывали нужную информацию о бандформированиях и участвовали в реализации этих данных. Наша повседневная работа была связана с риском, для многих казалась безумием, подвигом, но мы не считали себя героями, были обыкновенными солдатами невидимого фронта. Нас предавали, пытались уничтожить, но всякий раз мы опережали врагов на шаг, полшага, но опережали и выходили победителями из сложных ситуаций.

На этот раз предстояло разобраться с «Зурапом», кто сотрудничает с ним из нашей агентуры и что это за новая сила, появившаяся недавно в окрестности Кандагара, которая вознамерилась атаковать Кандагар и захватить город. Полученная информация от «Зурапа» поначалу показалась мне бредовой. В Кандагаре стоит бригада десантников, вертолетный полк, вряд ли басмачи что-либо смогут сделать, но факты захвата Кандагара подтверждались из других источников.

Басмачи объединенными силами оппозиции планировали захватить Кандагар, удерживать город какое-то время, чтобы привлечь к этому факту внимание ООН о признании Кандагара суверенным государством и ввести в город Кандагар свои войска в открытую с черного хода дверь.

Получив такую информацию, заслуживающую доверия, я проинформировал разведцентр и штаб 40-й армии о возможной агрессии басмачей в ближайшие дни, однако Центр никак не прореагировал на информацию, проявив безразличие. Шамиль, как коронованный Гамлет, будучи в тени начальства, бездействовал, боялся проявить инициативу. Ожидание реакции Центра затягивалось, а действия басмачей внушали страх. Пришлось мне действовать самостоятельно, на свой страх и риск, приводя в состояние полной боевой готовности имеющиеся под рукой части, включая десантников и авиаторов. Комбриг Шатин полностью поддержал мою инициативу, и мы стали действовать сообща. Уже было известно, что из Пакистана выдвинулась в район Кандагара басмаческая группа численностью до десяти тысяч человек, выдавая себя за кочевников белуджи, к которым официальные власти были настроены лояльно. Мнимые кочевники расположились вокруг Кандагара в черных палатках, ими командовал одноглазый Хасан, или «бешеный» Хасан, как его звали басмачи за храбрость и отвагу. В молодые годы Хасан дрался на дуэли, защищая свою честь, будучи студентом Кабульского университета, потерял глаз и пользовался среди молодежи большой популярностью.

– С «бешеным» Хасаном будет трудно сладить, – сказал на встрече наш агент, – Хасан вероломен и хитер. Он ведет тайные переговоры с руководством кандагарского подполья о времени нападения на город. Этот вопрос практически уже решен, обговаривались лишь детали нападения и последующие действия оппозиции с привлечением сил международных организаций, в частности ООН.

Напряженность нарастала. Агентура, разведка бригады десантников и вертолетного полка сообщали, что число черных палаток вокруг Кандагара увеличилось вдвое по сравнению с первыми днями их появления.

– Реальность такова, – сказал я комбригу Шатину на собрании командиров частей и подразделений кандагарского гарнизона, – что нам следует опередить действия басмачей по захвату города и первыми нанести удар.

Со мной были согласны все. Стали обсуждать план действия.

– Вчера ночью у ворот бригады был задержан басмач, – сказал комбриг Шатин. – Этот басмач, – продолжал комбриг, – пытался подбросить голову солдата бригады, выкраденного во время ночного дежурства. Солдат заснул – и, как говорится, поплатился головой. С задержанным басмачом проводит профилактическую работу особый отдел. Басмач ведет себя дерзко, чувствует, что за ним кто-то стоит. Кричит, кусается, плюется прямо в лицо, как верблюд. Но, к счастью, у меня в бригаде есть свой Малюта Скуратов из азиатов, способный выбить любое признание вины. Приведите сюда этого басмача, – приказал комбриг. – Не сомневаюсь, что басмач связан с «бешеным» Хасаном.

Молодой лейтенант Назарбаев, из казахов, привел басмача в наручниках, избитого до крови. Басмач с трудом держался на ногах, выплевывал кровь вместе с остатками зубов, на нагловатом лице следы крови, синяки.

– Ну, говори, что ты только что мне сказал! – приказал басмачу лейтенант Назарбаев. – Как только все чистосердечно расскажешь, дам тебе порцию наркотика, чтобы ты поправил свое пошатнувшееся здоровье. Говори, не молчи.

– Рано утром 4 марта 1981 года, – сказал басмач, поминутно оглядываясь на лейтенанта Назарбаева, – отряды объединенной афганской оппозиции во главе с одноглазым Хасаном нападут на город Кандагар с трех сторон, изнутри будут действовать силы кандагарского подполья, начнут взрывать официальные учреждения народной власти, часть этих сил намерены тайно просочиться в аэропорт и из гранатометов сжечь вертолеты и самолеты и другую технику, находящуюся в порту. Это станет сигналом к действию Хасана. Он ворвется в город и главный удар нанесет по бригаде Шатина.

– Ты ничего не напутал? – строго спросил басмача комбриг Шатин. – Если сдуру и с испугу наговорил лишнего, разрешаю поправить свои показания, иначе тебя ждет суровая смерть, ты будешь повешен и в рай уж точно не попадешь.

– Не сомневайтесь, я сказал правду, а там сами решайте, как со мной поступить. Но запомните, что месть Хасана будет жестокой. У него неделю назад погибла вся семья, и он не может видеть живыми русских солдат. Так он говорил мне, и я верю его фанатизму и ненависти к вам, русским. Берегитесь. Это тоже правда. Ее я сказал не по принуждению, а по собственной воле. Пусть только лейтенант больше не бьет меня и не терзает железом, даст дозу наркотика, иначе я помру.

Басмач вытер рукавом набегавшие слезы. Силы его покидали, воля исчезла. В словах басмача был крик боли и безумия.

– А почему Хасан послал именно тебя к воротам бригады, чтобы подбросить голову нашего солдата? – спросил я.

– Во-первых, я знаю русский язык и часто был у ворот бригады под видом нищего, чтобы получить миску солдатских щей. Во-вторых, Хасан – подозрительный человек и мало кому доверяет. Он послал меня, чтобы запугать солдат и офицеров перед началом крупномасштабной операции. Я должен был подбросить голову солдата в момент раздачи пищи нищим и голодным афганцам, но не удалось, меня схватили. Однако и на этот случай кривой Хасан предусмотрел, как я должен вести себя, сказать, что подобрал мешок на дороге, когда шел к воротам бригады. Я даже не предполагал, что у вас есть такой специалист, как этот лейтенант. Таких ребят нет у Хасана.

– Этот террорист, пойманный нами, – сказал лейтенант Назарбаев, – отличается большой жестокостью. Поначалу он ничего не говорил, лишь плевался, ругался матом и плакал, скрывал знание русского языка. Я долго возился с ним, чтобы он заговорил, и только после применения силы он заговорил. Теперь стал кроток, как ягненок.

Только сейчас я заметил, что кожа на спине басмача содрана в нескольких местах. Он с трудом держался на ногах, сдерживал слезы, чтобы не разрыдаться.

– Что ты еще можешь добавить к сказанному? – спросил я.

– Пожалуй, больше нечего сказать. Я все сказал.

– А что делать с этим басмачом? – спросил лейтенант Назарбаев Шатина.

– Передай его в ХАД, пусть там решают, что с ним делать, но после 4 марта.

Совещание командиров частей и подразделений закончилось. Каждый знал, что делать. Операция по уничтожению Хасана была назначена на 3 марта 1981 года.

Мы с комбригом Шатиным вышли из прокуренной комнаты, где было совещание и шел допрос пленного басмача, стали прогуливаться по территории штаба бригады. Луна спряталась за деревья, все небо черное, как большая дыра.

Стояла ночь. Вокруг ни души. Десантники спали в казармах. На посту бдительные часовые, по территории штаба бригады ночной патруль на джипе.

– Стой! Кто идет! – послышалась команда, и автомашина осветила нас светом фар. Шатин назвал себя.

– Извините, товарищ комбриг, – ответил тот же голос, – не сразу узнал вас.

Автомашина рванулась с места и исчезла за поворотом.

После дневной жары было приятно оказаться в тиши ночной прохлады. Дул небольшой ветерок, ласково заглядывал в лицо, освежал душу от пыли и жары. Комбриг молчал, о чем-то думал, шел, не проронив ни слова, вдруг остановился и сказал:

– Ты, Геннадий, сибиряк. Расскажи, как охотники выгоняют медведя из берлоги?

– Как правило, громко кричат, чтобы разбудить косолапого и напугать криком, потом начинают совать ему палку в качестве раздражителя. Медведь начинает злиться, хватать палку и потихоньку выбираться из берлоги. Тут-то его и ждут охотники. Меткий выстрел – и дело сделано, медведь убит.

– Я намерен выманить кривого Хасана из его берлоги примерно так же, как выманивают охотники медведя, но только не криком и шумом, а хитростью. Раздражителем кривого Хасана станет не палка, а я сам. Надо употребить с пользой для дела показания пленного басмача.

– Что-то не пойму тебя, Михаил. Ты шутишь.

– Для шуток нет времени, а 4 марта приближается. Это тот день, когда басмачи намерены захватить город. Конечно, это им не удастся, но будет много жертв. Пойманный басмач – это только счастливая случайность, но его показания надо правильно использовать. Лейтенант Назарбаев – жестокий человек, в его руки я бы не хотел попасть. Он хватает жертву в тиски и давит до тех пор, пока крик не сходит на нет. Так же нам надо поступать с басмачами «бешеного» Хасана. Они придут за нашими головами, а потеряют свои.

– Басмачи хотят показать, – продолжал комбриг, – что американцы не зря тратят на них деньги, и замышляют захватить Кандагар. Может быть много невинных жертв, как их избежать? У меня возник план действий. Следует распустить слух, что комбриг Шатин второго марта убывает в очередной отпуск, с

выездом на родину. По этому случаю он устраивает банкет на территории штаба бригады, куда приглашает руководство города, влиятельных чиновников администрации и губернатора Кандагара. В качестве проявления доброй воли и примирения с оппозицией комбриг приглашает кривого Хасана, с гарантией безопасности. По слухам, Хасан отважный и рискованный человек, полагаю, что он откликнется на мое приглашение, чтобы усыпить нашу бдительность. По моим данным, губернатор Кандагара ведет двойную игру, чтобы не прогадать, сидит, как говорится, на двух стульях, но пока веских доказательств этого у меня нет, но косвенных улик больше, чем надо.

– Поверит ли Хасан в эту хитрость, а если поверит, придет ли на банкет? – усомнился я. – Если не придет, то все усилия пойдут в песок!

– Да, это верно! – согласился Шатин. – А вдруг поверит? Приглашением на банкет мы показываем, что нам ничего не известно о планах Хасана напасть на Кандагар. Это во-первых, а во-вторых, мы на банкете действительно никого не тронем и не арестуем, скорее всего наградим того же Хасана. Усыпим его бдительность, а рано утром 3 марта 1981 года нанесем по басмачам мощный удар авиацией, силами бригады и надолго остудим басмаческий пыл.

– Успеет ли с организацией банкета? До второго марта осталось меньше суток.

– Успеет! – заверил меня комбриг. – А теперь надо немного отдохнуть часок-другой – и снова за работу. Время не ждет! – как ты говоришь, Геннадий.

Пригласить всех гостей успели вовремя, подключили к приглашению даже губернатора Кандагара и чиновников его администрации. Все выглядело правдиво, а то, что банкет был назначен на второе марта, объясняли отпуском Шатина. Ему приказали пойти в отпуск, дело военное, взял под козырек и поехал, наскоро собрав чемодан.

Ближе к вечеру второго марта гости стали съезжаться. Приехал губернатор, первый секретарь провинциального комитета партии, другие чиновники. Все поздравляли комбрига с отпуском, а он нервничал, ждал Хасана. Тайное, еще не разоблаченное скопище извергов и злодеев стало, как вороны, заполнять территорию штаба бригады, рассаживаться за столы, а одноглазого Хасана все не было.

– Видать, не приедет! – решил Шатин. – Зря старались. Жаль. Время потеряно и силы.

Не успел комбриг договорить, как к нему подскочил дежурный офицер бригады, доложил:

– Там какой-то Хасан приехал с вооруженной охраной человек десять, говорит, что приехал по приглашению комбрига Шатина. Что, всех пропустить или только Хасана?

– Пропусти всех, но глаз с них не спускай, понял?

– Так точно, понял!

– Ну, наконец-то, Геннадий, все вышло по-нашему! – сказал Шатин, потирая руки, и уверенной походкой пошел встречать «дорогого» гостя, я за ним. – Что это за пугало – «бешеный» Хасан, – сказал на ходу комбриг. – Теперь можно посмотреть, есть ли у него шерсть, уши, зубы? Может, он не съест нас, Геннадий?

Кривой Хасан вышел из автомашины мрачный, настороженный. Поглядывал тревожно по сторонам, выискивал своим единственным глазом кого-то из знакомых людей, увидел губернатора города, улыбнулся, вроде бы успокоился, трижды, как того требует обычай, расцеловались, коротко спросили друг друга о здоровье и направились к столу.

– Вы, комбриг Шатин, еще совсем молодой человек, а о вас уже ходят в Афганистане целые легенды, – сказал Хасан с некоторым акцентом по-русски. Единственный глаз Хасана оставался настороже

и был колючий, а на устах блуждала любезная улыбка, соответствующая общему настроению приглашенных. Кривой Хасан был одним из величайших актеров кандагарской драмы.

– Вы знаете, рафик, – сказал Хасан, – я очень люблю военных, людей, застегнутых на все пуговицы, – и улыбался, с кем-то обменивался кивком головы, с другими старался даже не разговаривать. Его посадили за стол почетных гостей рядом с губернатором Кандагара. Он был в хорошем настроении, говорил: «А мне все уши прожужжали – оставайся дома, не ходи к комбригу Шатину, он, дескать, что-то замышляет. Загонят за красные флажки, как матерого волка, и убьют. Но я не послушался трусов и вот я среди вас, друзья». Раздались аплодисменты.

Хасан обернулся назад к своему телохранителю, подмигнул единственным глазом, сопровождающие Хасана заулыбались. Они слышали, что сказал Хасан, знали план нападения на Кандагар, разработанный Хасаном, внимательно рассматривали территорию бригады на случай, если придется здесь воевать с русскими и рубить им головы, как баранам, и улыбались. Им было весело. Они налегали на ложки, хлебали щи...

Хасан говорил по-русски, но все-таки чаще старался говорить на пушту.

– Я среди друзей и этим все сказано! – заявил Хасан. Его слова перевели Шатину. Комбриг кивком головы поблагодарил Хасана, который был весел и разговорчив.

– Но я главного еще не сказал, грядущего с прошлым узлом не связал! – заявил Хасан, пьянеющий на глазах от выпитой водки.

– Да вы, Хасан, настоящий поэт! – сказал Шатин, и легкая улыбка окончательно успокоила Хасана. Комбриг Шатин улыбался всем, кто хотел с ним выпить за счастливое времяпрепровождение в России в отпуске. Гости хмелели, стало шумно и весело. Кто-то из афганцев затянул «Катюшу», не допел, но заслужил шквал аплодисментов. Банкет, кажется, удался.

Наше главное внимание было сосредоточено на Хасане. Он пил водку, ел щи деревянной ложкой. Они ему понравились. Когда подали баранину, сам пододвинул к себе графин с водкой и предложил выпить за дружбу России и Афганистана.

Все выпили стоя.

Хасан по-хозяйски сгреб хлебные крошки со стола и высыпал их из ладони в рот. Сказал по-русски:

– Видел комбрига Шатина, теперь можно умереть!

– Зачем, Хасан, умирать, – сказал Шатин, улыбаясь, – мне тоже приятно было увидеть тебя, легендарного человека, храброго воина. Таких людей мы ценим.

Хасан тоже улыбался.

– Эти слова, делают вам честь, Шатин! – сказал Хасан. Улыбка блуждала на его губах, а единственный глаз, как раскаленный уголь, горел и насквозь прожигал гостей.

Сегодня Хасан был деятелен, не хандрил, как случалось часто, гнев охлаждал бешеной отвагой. Мог с небольшой группой людей броситься в гущу всадников и обратить их в бегство. Сильно переживал поражения и неудачи в бою, особенно гибель своих соратников, в такие минуты единственный глаз Хасана гноился, он становился бешеным и мог любого из людей своего окружения повесить не моргнув глазом. Такой герой, как Хасан, очень бы подошел перу Вальтера Скотта, склонный к романтизму и всяческим авантюрам в песках и горах Афганистана.

Гости, собравшиеся по случаю отъезда комбрига Шатина в отпуск, вели себя непринужденно и весело. Всякая подозрительность и скованность отпали. Гости говорили разом и никто никого не хотел

слушать, чаще всего слышалось из уст гостей слова «Шатин» и «отпуск», они желали комбригу хорошо отдохнуть и поправить здоровье, снова вернуться в Кандагар, где его полюбили как офицера и гражданина.

Хасан был доволен собой, что не дал себя обмануть, пришел на прием, хотя друзья отсоветовали. Вокруг него кишмя кишела куча подозрительных людей, чудаковатых, храбрых и упрямых, как призраков прошлого, готовых участвовать в пляске смерти и победить врага.

Хасан был гостем комбрига Шатина и чувствовал к себе внимание и доброе отношение, говорил Шатину комплименты, улыбался, а сам проверял и перепроверял каждое сказанное слово, факты насчет отъезда Шатина в отпуск. Был осторожен, как хищный зверь, терпелив, как старый ворон, улыбчив и лишь наедине с собой задумчив, нервная судорога то и дело кривила его рот, по ее появлению можно было судить, какие страсти разгорались в сознании неистового Хасана. Он был как заряженный пистолет, готовый выстрелить в любую минуту и дать достойный отпор нападавшим, хотя понимал, что крепко выпил, но и здесь он не видел никакого подозрения, пил сам, его никто не подгонял и не заставлял пить.

– От такой хорошей и обильной пищи еда стоит столбом от горла до пят! – сказал, улыбаясь Хасан. – Так сытно я давно не ел. Спасибо комбригу Шатину и его друзьям.

Не в первый раз одноглазый Хасан обернулся назад к начальнику личной охраны, словно за поддержкой, но тот промолчал, ничего не сказал, только мотнул бычьей головой и что-то шепнул Хасану на ухо.

«Что мог шепнуть Хасану этот умный и скрытный старик? – подумал я, находясь за одним столом с Хасаном, внимательно наблюдая за ним и его спутниками. – Может, этот старик что-то подозревает в спаивании Хасана? Но в последнее время Хасан сам наливает себе водку, подвинув к себе графин. Что же конкретно могло насторожить начальника личной охраны Хасана?»

– А вы, кажется, новый человек в Кандагаре? – неожиданно обратился ко мне Хасан.

– Да! Это так.

– Не вы ли будете полковник Тоболяк?

– Вы угадали.

– Почему же «угадал». Я об этом знал с того дня, как вы прибыли в Кандагар, – сказал, улыбаясь Хасан. – Мы тоже неплохо работаем, впрочем, как и вы. Рад был с вами познакомиться. Вы не менее уважаемый человек в Кандагаре, как и комбриг Шатин. Тоже молодой, энергичный. У вас все впереди, а у нас – позади. Пора мне подумать о вечности. Я даже сочинил по этому случаю стишок:

*Да, время гонит нас вперед.
И торопиться мы должны.
Но скоро на часах моих
Две стрелки будут не нужны.*

Одноглазый Хасан, будучи пьяный, сказал то, что вряд ли сказал бы трезвый. Он проговорился, и мои подозрения подтвердились, что кто-то заслан в нашу агентуру, нужно было спешить, чтобы узнать предателя.

Комбриг Шатин под аплодисменты собравшихся вручил Хасану автомат Калашникова, Хасан долго разглядывал автомат, поблагодарил Шатина за ценный подарок, недовольно засопел, когда начальник личной охраны напомнил ему, что пора возвращаться домой, и так припозднились. Хасан чуть привстал со стула, строго посмотрел на старика, напомнившего ему о доме, скривил губы, лоб покрылся потом и мелкими морщинами, волосы поднялись дыбом, как у волка, глаза налились кровью. Кривой Хасан был

неузнаваем. Сказал зло, сквозь зубы:

– Пошел прочь, старый мерин! Знай свое место и помалкивай, пока тебя не спрашивают, иначе убью!

Услышав слова Хасана, я подумал, что с таким атаманом не поспоришь – убьет. Хасану, как никому другому, нужны потрясения, а не сильный Афганистан. Он, как все скупцы, больше боится не Шатина, а наследника, способного повернуть все его дело вспять. Слова Хасана вселяли страх дикой силы, его охрана дрожала от слов главаря, а седой старик услужливо склонил еще ниже свою голову, втянул ее в плечи и вмиг превратился в старого оборванца в грязном халате, из-под которого торчал ствол автомата Калашникова. Старик наблюдал исподлобья за присутствующими, увидел губернатора Кандагара, целующегося с Шатиным, успокоился. Стал взглядом отыскивать кого-то еще из гостей, нашел, помахал пальцем, стал шептаться со вторым секретарем провинциального комитета партии Кандагара, поглядывая то на Шатина, то на меня.

Устроенная комбригом Шатиным головомойка с отъездом в отпуск всем вскружила голову, особенно Хасану, радостью нашего падения.

– Не оскудеет рука дающего, – громко сказал кривой Хасан, обращаясь к Шатину, прижимая к груди автомат, подарок комбрига. – Автомат Калашникова – это для меня зонт в ненастную погоду. О нем вспоминают, когда его нет. Мои возможности куда скромнее, – признался Хасан. – Могу подарить лишь кинжал на память о нашей встрече.

Хасан привстал со стула и протянул Шатину кинжал, добавил к сказанному:

– Обещаю в следующий раз, если Аллах позволит, подарить каждому гостю барана на шашлык. Ждите, это будет!

Кривой Хасан снова повернулся к старику, начальнику личной охраны, тот что-то шепнул, Хасан улыбнулся и сказал многозначительно, ощерившись, как волк, перекошенным от злости и судороги ртом:

– Мой верный слуга и друг подсказал мне, что можно будет подарить не одного барана, а больше, например, от трех до пяти, и я с ним согласен.

Раздались аплодисменты. Старик улыбался вместе с Хасаном. Чувствовалось, что старик был не робкого десятка, но очень больной и дряхлый, обладающий сильным характером и опытом басмаческой борьбы. Соприкосновение двух сильных характеров старика и Хасана могло привести к взрыву, но этого не происходило, возобладал трезвый ум старика. Он с полуслова понимал Хасана, и на этот раз замечание старика понравилось Хасану. Оба знали, что язык без костей. Мели Емеля, твоя неделя. Другой встречи никогда не будет.

Разрядка драмы близилась. Хрупкий мир покатился в пропасть. Я вспомнил слова Виктора Гюго: «Это убьет то!», сказанные в романе «Собор Парижской Богоматери».

Стемнело, когда в сопровождении десантников кривого Хасана доставили за город. Пьяный, взволнованный приемом, он расчувствовался, стал обнимать десантников, самый маленький из них был ростом до двух метров, остальные – за два метра, а Хасан с шапкой был около метра шестидесяти сантиметров, ходил вокруг десантников, как в лесу.

– Лучше после смерти царствовать в аду, чем быть слугой в раю! – философствовал Хасан. – Многие считают меня национальным героем Афганистана, другие – бандитом, третьи – жертвой революции, я же считаю себя человеком с большой буквы, и этого достаточно, чтобы сохранить память о себе.

Последнюю фразу Хасан произнес сквозь зубы, почти по слогам, как школьник, и его лицо отразило сдержанную улыбку.

Десантники, пьяные от крови, молчали, сомкнув свои уста, их глаза горели пламенной ненавистью к кривому Хасану. Они знали, что в устах убийцы слова о дружбе и взаимной любви – это всего лишь слова, не больше.

Три ящика водки, подаренные Хасану, окончательно растопили лед недоверия, и Хасан продолжал гулять всю ночь в окружении слуг, рассказывал, как он обхитрил русских. А ранним утром, чуть свет, когда кривой Хасан не мог оторвать свою голову от подушки, налетела авиация и стала монотонно уничтожать басмаческое гнездо. Басмачи в панике стали отступать к городу Кандагару, чтобы там смешаться с толпой местных жителей, но этот маневр им не удался, десантники предвидели такую развязку событий и отрезали путь к отступлению. За считанные часы была уничтожена крупная басмаческая группировка, численностью до 12–15 тысяч человек. Кривой Хасан был убит, когда над Кандагаром стоял сиреневый туман, и никто не хотел умирать в это раннее утро.

Со стороны десантников потери были минимальные, в основном раненые. Что не успели сделать десантники, доделали органы госбезопасности Кандагара и Царандоя милиции. Они без суда и следствия расстреливали всех заподозренных в связи с басмаческим подпольем. Состоятельные граждане Кандагара лишились не только жизни, но и имеющихся материальных ценностей. Повод был найден, и восторжествовал грабеж, как в стихах Анны Ахматовой:

*Все расхищено,
Продано, продано.*

Мы поздравили с Шатиным друг друга. Дело было сделано. Угроза захвата Кандагара снята на ближайшие дни.

– Ты победил, Галилеянин! – сказал я комбригу Шатину, напомнив, что так сказал римский император Юлиан Отступник, боровшийся против христиан, и умер с этими словами.

Мы понимали, что этой победой басмаческие силы нельзя сломить. Кандагар запылал в крови и пожаре, жестокости сильного над слабым.

На время десантники кандагарской бригады имели возможность передохнуть, но новые басмаческие резервы надвигались из Пакистана, Ирана, Ирака в стремлении уничтожить 40-ю армию и выгнать из Афганистана оккупантов.

Первый секретарь провинциального комитета партии Кандагара какое-то время учился в Ташкентском университете и неплохо знал русский язык, поздравил Шатина песней. Поздравление было очень эмоциональным и соответствовало настроению комбрига. Первый секретарь пел под гитару:

*Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.*

Михаил Шатин любил эту песню. Сам был родом из Одессы и часто наедине с собой напевал ее, подражая Леониду Утесову:

*Широкие лиманы, сгоревшие каштаны,
И тихий скорбный шепот приспущенных знамен,
В глубокой тишине, без труб, без барабанов,
Одессу покидает последний батальон.*

Операция на опережение удалась. Авторитет комбрига вырос. Крупное басмаческое формирование

уничтожено и рассеяно. По Кандагару бродили люди, чье имущество разграблено, здоровье подорвано, просили подаяния, оказавшись в считанные минуты нищими. Следом за нищими, просящими милостыню, шли в тряпье подозрительные типы, ничего не просящие, а лишь что-то высматривающие. Это были уцелевшие от авиаударов басмачи из отряда кривого Хасана. Они заглядывали в дома, где проживали советники из СССР, и на домах ставили какие-то знаки, указывающие, что здесь проживают военные советники, подлежащие уничтожению кандагарским подпольем.

Кандагарское басмаческое подполье – это серьезная организация, хорошо законспирированная, так до конца и не уничтоженная в ходе гражданской войны в Кандагаре. Она активно действовала, несмотря на провалы и предательство отдельных ее членов, сохраняя свой костяк и структуру, нанося существенный урон народной власти и частям 40-й армии.

Прошло какое-то время после уничтожения басмаческой группировки кривого Хасана, я возвращался из города Кандагара, где была встреча с секретным агентом, работающим под прикрытием нотариуса, обратил внимание, что рядом с «Мусомьяки», на другой стороне дороги, облюбовал себе пристанище для ночлега древний на вид старик, закутанный в лохмотья. Он увидел автомашину, насторожился и пристально стал оглядывать меня и переводчика Хакима.

– Этот старик здесь находится давно? – спросил я переводчика.

– Какой старик? – недоуменно переспросил меня Хахим, не обративший внимания на появление рядом с «Мусомьяки» подозрительного типа в лохмотьях, выдававшего себя за нищего. – Впервые вижу этого типа.

– Григорьев, – я обратился к водителю, – проследи-ка, пожалуйста, за стариком, но незаметно, надо знать, что тут делает старик и с какой целью он расположился рядом с «Мусомьяки»?

– Есть! – по-военному ответил Саша, поставил автомашину в ограде, спрятался в кустах, стал наблюдать за стариком.

Старик прилег на траву, положил руку под голову, задремал. Его борода, серая от грязи и пыли, стояла торчком, как лопата. Саша Григорьев совсем уже было потерял всякий интерес к старику, как неожиданно пришли двое, стали разводить костер и греться у костра, о чем-то негромко разговаривать, поглядывать в сторону «Мусомьяки», где спрятался Саша, наблюдая за стариком и подошедшими к нему людьми. Неожиданно между стариком и двумя незнакомцами возник скандал. Старик оказался проворным и сильным, прогнал незваных гостей, остался один у догоравшего костра. Чуть погодя к старику на огонек подошли несколько стариков, таких же древних, как хозяин костра. Они со стариком ладили и остались до утра у костра. Не столько спали, сколько разговаривали всю ночь напролет.

Саша Григорьев тоже не спал, чего-то ждал необычного, наблюдая за людьми по другую сторону дороги, однако ничего подозрительного он не обнаружил в действиях людей, пожалуй, кроме того, что никто из них не спал. Они словно выбрали для себя девиз Пинкертона: «Мы никогда не спим!»

Утром ХАД арестовал всех стариков у костра. Один из них показал на допросе в службе государственной безопасности – ХАДе, что был приставлен следить за «Мусомьяки», больше ничего старик не сказал, так и умер в страшных пытках и истязаниях. Другие старики оказались случайными бродягами, их вскоре выпустили на свободу за неимением улик против них.

Мне так и казалось, что в ХАДе не совсем разобрались в ситуации, выпустив на свободу стариков, которых я стал часто видеть рядом с «Мусомьяки», и тревоги за судьбу своих товарищей не уменьшились.

Наш дом охраняли два солдата из бригады Шатина. Однако они так уставали за день, что, придя на дежурство, откровенно спали. Пришлось выставять на ночь дежурство из числа переводчиков и

оперативных офицеров. Обращаться к Шатину за помощью не стал, знал, что у него каждый десантник на учете. Разведчики сильно уставали, не высыпались систематически и в течение дня ходили, как осенние мухи, а работы было, как говорится, выше головы.

Комбриг Шатин случайно узнал, что разведчики дежурят по ночам, а днем спят на ходу. Какая после этого может быть продуктивная работа.

Выставил в ночное время у «Мусомяки» БТР с экипажем. Работать стало легче, но трудностей не убавилось. Увеличилось число полетов на авиаудары по басмачам при температуре в 40–50 градусов Цельсия. Плавился асфальт, бронезилет нагревался, как сковородка, и каждый чувствовал себя, как в сауне, однако ничего другого, чтобы защитить себя от басмаческих пуль, нельзя было предпринять. Басмачи постоянно обстреливали нас на земле и в воздухе. Выводили из строя авиационную технику, убивали летчиков, техников. Разведчики летали на авиаудары наравне с летчиками, но не получали за свой риск ничего, кроме ссадин, ранений и ушибов, а летчики – ордена и медали. Лишь горячее желание объединяло нас всех: поскорее закончить эту войну и уехать домой, в Россию. Мы не были гордыми, нам хватало того, что говорили о нас добрые слова, а награды пусть получают те, кому они нужнее в жизни. В постоянных тревогах и волнении время летит быстро, я стал замечать, что война сделала меня другим человеком, не как прежде. Понял, что в войне нельзя быть патриотом, не будучи русским, умеющим щадить поверженного противника и жестоко карать агрессора.

Для меня, командира группы разведчиков, главным было – не потерять голову, не впасть в крайности и не утратить инициативу в борьбе с басмачами. Обстановка вокруг нас менялась из-за предательства афганских чиновников высокого ранга. Они вели себя как перекаати-поле. Днем служили народной власти, а ночью сотрудились с басмачами, хотели заручиться их поддержкой и сохранить имущество и жизнь.

ХАД арестовал губернатора Кандагара и большую группу чиновников администрации за пособничество басмачам, но никто не мог гарантировать, что оставшаяся часть чиновников на стороне народной власти. Их политические взгляды были неизвестны.

Объятый войной Афганистан кипел нешуточными страстями, и европейцу разобраться в хитросплетенных интригах было практически нельзя, как и понять коренному жителю Афганистана, почему европейцы называют одногорбного верблюда лошадью и, увидев его, ужасаются, подумать только, до чего афганцы довели лошадей! На что она похожа! Прямо беда!

В течение весны 1981 года обстановка в Кандагаре менялась с поразительной быстротой – с плохой на очень плохую. И, чтобы не угодить под жернова басмаческой мельницы, водитель автомашины Саша Григорьев красил и перекрашивал нашу оперативную машину по моему приказу, подрисовывал лебедей, уток, русалок, замысловатых водяных. Такие автомашины имели дуканщики, религиозные деятели, но не военные. Их сразу выявляли в потоке машин и расстреливали без предупреждения. Ежедневно на дороге от аэропорта в сторону города Кандагара гибли десятки советников и военных штаба бригады, некоторым срезали головы, чтобы получить большие деньги, заработанные «честным» путем, и голова являлась вещественным доказательством, что убит советский офицер, обмана нет, все «честно».

Саурская революция закончилась гражданской войной. Это была кара за грехи, а не война. Всякий раз, когда я оказывался среди раненых солдат в Кандагарском военном госпитале, с большой горечью вспоминал слова развенчанного Ричарда Второго, обращенные к своей жене, в трагедии Шекспира, при расставании с ней перед ссылкой, куда его отправлял Боленбрук: «Скучными, зимними вечерами собирай стариков и заставь их рассказывать о давно минувших скорбях их. Но прежде, нежели ты простишься с ними, Расскажи, чтоб их утешить, о нашем печальном падении».

Террор в Кандагаре нарастал. Террористы своими действиями как бы доказывали, что террор вечен.

Гибли наши солдаты, они уносили с собой Россию горе и страдание на чужбине.

Не проходило суток, чтобы не взлетал на воздух склад с оружием и боеприпасами. Привыкнуть к этому зрелищу было нельзя. Я сердцем своим понимал горе плачущего прапорщика у гроба своего друга, убитого на «Дороге жизни», как все называли дорогу от аэропорта в город Кандагар. У убитого военнослужащего не было головы, и прапорщик, нагнувшись над гробом, причитал, как молитву: «Сгинул мой сердечный друг, сгинул на веки вечные. Ушел из жизни безвременно в мир иной. Что я скажу твоей жене Людмиле и сыну – Пете? Почему я жив, а он убит? Мы росли вместе, одноклассники. Как мне дальше жить? И где теперь твоя голова?»

Прапорщику было поручено сопровождать гроб с убитым до Ташкента. Там гроб запаивали, и он превращался в «груз-200», его надлежало вести в деревню под Челябинском, откуда был родом его товарищ.

– Еще вчера, – говорил мне прапорщик в кандагарском аэропорту, – мы мечтали о том времени, когда самолет доставит нас домой, и мы будем среди родных и близких людей. Мой покойный друг любил стихи Константина Симонова, посвященные Валентине Серовой, его жене:

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут
Позабыв вчера...*

И вот он в гробу. Кому он теперь нужен, разве что сырой земле, откуда вышел и куда снова вернется.

Прапорщик, награжденный орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», плакал. И холод от его слез пробегал по телу, так и казалось, кто будет следующий, возможно, что кто-то из нас, разведчиков, рискующих своей жизнью больше других. Прощальный поклон – и вертолет с телом прапорщика без головы поднялся в небо, и тень от вертолета легла на землю. Смерть – и всему конец.

Басмачи взяли за правило не расстреливать пленных, а срезать им головы. Кромсали руки, ноги, наводили панический страх на молодых солдат, только что прибывших в Афганистан.

Мы терпели поражение за поражением, и это было закономерно. Армия к войне не была готова, а слепая вера в победу приносила очередные жертвы.

От надежных источников стало известно, что за мной, как за матерым волком, началась охота. Приходилось напрягать весь свой опыт, накопленный ранее, чтобы избежать смерти, петлять, запутывать следы, действовать нестандартно и изобретательно, но не прекращать оперативную работу, опережая на шаг или полшага басмаческих осведомителей, оставляя их ни с чем.

Наступила весна, но напряженность борьбы не спадала. Басмачи успевали сбрасывать с себя басмаческую униформу и становились на время посева крестьянами, а по ночам взрывали военные объекты и убивали солдат. Было так много дел и забот, что прежняя наша жизнь в мирных условиях уже казалась раем и умещалась в сутки, проведенные на войне.

Шифровальщик Микаладзе постоянно был в работе, направлял полученную разведгруппой информацию в штаб 40-й армии для реализации силами бригады или авиационного полка, базирующегося в Кандагаре. От работы Микаладзе зависел успех всей оперативной группы, и мы его оберегали от всех забот и хлопот, чтобы не остаться без связи с Центром.

В минуты затишья Микаладзе любил поплавать в бассейне, сделанном им же. Вскрикивал, как ребенок, от восторга, когда ловил весенних жуков и вставлял в их брюшко соломинку и следил за полетом жуков, нежился в холодной воде, пока судорога не сводила ноги, повторяя: «Мой дом – моя крепость!»

В последнее время я не видел шифровальщика Микаладзе в плохом настроении. Он не сердился на меня, что я загрузил его работой, лишь по-стариковски ворчал незлобиво:

– Все куда-то торопятся, спешат, а если подумать хорошенько, то и спешить не надо, лучше пойти в бассейн и искупаться в холодной воде, снять усталость и напряженность в работе!

Микаладзе не спеша насухо протирал тело махровым полотенцем, шел в шифровальную комнату, чтобы отправить очередную телеграмму в Центр, напевая песенку:

*Мой миленок – шоференок,
А я – доярочка.
Он в мазуте, я в навозе —
Вот такая парочка.*

В Кандагаре я постоянно спешил, стремясь в сутки уместить как можно больше дел и приблизить окончание этой бессмысленной войны. Но как я ни старался это сделать, как ни спешил, существенных перемен к лучшему не было, или они были незначительны, поэтому и говорить о них не приходилось, как о каком-то достижении. Единственно, что успокаивало меня – придет время, народы позабудут распри и все образумятся. Жизнь пойдет по формуле Ф. М. Достоевского: «Красота спасет мир!» По вечерам оперативные офицеры и переводчики оказывались в «Мусомьяки», отчитывались о проделанной работе, и в разведцентр летела очередная информация. Прапорщик Микаладзе внимательно читал написанные мной телеграммы, возил своим колючим подбородком по бумаге, смешно и неуклюже, по-стариковски, выглядывал из-под очков, смотрел на меня и говорил:

– Только теперь, с вашим приходом, командир, началась настоящая работа на «точке». Я устаю, как собака, но чувствую, что живу и ничего со мной не случится, раз рядом со мной вы, командир!

– Полноте, Микаладзе, хвалить и льстить начальству! Почитайте-ка мне стихи Сергея Есенина «Русь уходящая».

*Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя...*

– А все-таки, командир, спасибо вам за науку побеждать! Вы научили нас, как надо работать по-настоящему, напряженно и ответственно, радоваться усталости и знать, что день прошел не зря, – говорил прапорщик Микаладзе, брал в руки гитару и пел песню «Над окошком месяц» на стихи Сергея Есенина, знал, что Есенин – мой любимый поэт:

*Над окошком месяц.
Под окошком ветер.
Облетевший тополь серебрист и светел.
Дальний плач тальянки, голос одинокий,
И такой родимый, и такой далекий.*

Глава 2

Прапорщик Микаладзе

*Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?*

С. Есенин

По мере того как я узнавал подчиненных в ходе работы, мне все больше нравился Микаладзе, своей надежностью, порядочностью, умением делать свое дело без суеты и шумихи, а главное – добротно.

В минуты тревог и раздумий он часто читал стихи Николая Рубцова:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи!
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.*

С Микаладзе происходило какое-то естественное погружение в стихию детства, кажется, вопреки его воле. «Нельзя молчать!» – говорил он себе, и он вопиет, не молчит.

– Точность – это вежливость королей! – говорил Микаладзе, принимаясь за работу. У меня никогда не было сомнений, что он может что-то напутать или сделать плохо.

– Михаил Николаевич, – спрашивал я прапорщика Микаладзе, – какие у тебя планы на будущее? Мне известно, что в скором времени тебе предстоит вернуться в Москву, командировка в Афганистан заканчивается.

– Нет у меня никаких планов. Наверное, повидая своего деда в Тбилиси и снова вернусь в свою московскую холостяцкую квартиру. Моя судьба непутевая. Живу один, как старый ворон. Ни к чему не стремлюсь. Одолела хандра.

– Разве можно жить без мечты и без планов на будущее?

– А почему нельзя? Идет война. Гибнут люди. Кругом кровь и ложь. Я разуверился в людях и чем больше живу, тем больше замечаю, что плохих людей больше, чем хороших! – Микаладзе говорил, не поднимая головы, разглядывая две огромных раковины, излучающих свет от полированной поверхности.

Михаил Микаладзе любил тишину, мерил ее своими шагами, порой часами ходил по комнате, молчал или бубнил себе под нос стихи:

*...Жалкий человек!
Чего он хочет? Небо ясно...
Под небом места много всем,
Но непрестанно и напрасно
Один враждует он! Зачем!..*

– Мне нравится творчество М. Ю. Лермонтова, – говорил мне прапорщик, когда я заходил к нему в комнату, чтобы ознакомиться с телеграммами из Центра или направить в Центр свои телеграммы, – а вам, товарищ полковник, я знаю, нравится творчество Сергея Есенина.

– Все верно. Так и есть. Сборник со стихами Есенина я вожу с собой по всему свету, где только мне

приходилось бывать по делам службы. Послушай, Михаил Николаевич, как Есенин чудно пишет, словно читает мои мысли:

*Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.*

– Вот и вы, товарищ полковник, кажется, заскучали по дому, – задумчиво сказал прапорщик, – только я не скучаю по ком-то, я до сих пор не женат и, по правде говоря, меня не тянет в Москву. Там меня никто не ждет.

– Жениться, Михаил Николаевич, никогда не поздно. Сорок лет – это прекрасный возраст для мужчины. Расцвет мужской красоты и таланта. Вот вернемся домой, тогда и поговорим о свадьбе.

По ночам электрический свет на станции выключали и «Мусомяки» погружалась в темноту. Микаладзе доставал старый, ржавый фонарь, доставшийся ему от прежнего хозяина дачи, зажигал фитиль, становилось таинственно и как-то по-особому необычно в комнате шифровальщика. Фонарь начинал мигать от сквозняков, не освещал лица людей, а лишь бросал тень на них, превращая хозяина комнаты в скупого рыцаря, колдующего за столом над своими бумагами, как над драгоценными бриллиантами.

В последнее время прапорщик явно хандрил.

– Жизнь проходит стороной, – говорил с грустью в голосе Микаладзе, – и в этой жизни так и не было ничего хорошего и радостного. Все одно и то же: нищета, голод, болезни, одиночество. И когда это кончится, одному богу известно, наверное – никогда. Человек, зачатый в невежестве и разврате, появляется на белый свет случайно, чтобы не радоваться жизни, а страдать и умереть в грязи и нищете, как жили его родители, удобряя собой бrenную землю.

Я молчал в такие минуты откровения прапорщика, давал возможность ему высказаться, чтобы лучше понять его духовный мир. Во всем облике Михаила Микаладзе сквозила внутренняя тревога и неустроенность в жизни. Он нервничал, переживал, внутри него бурлили страсти, но он старался их не показывать и лишь наедине со мной признавался в своих сомнениях и переживаниях, которые обуревали его душу и были готовы выплеснуться на поверхность. Оперативные офицеры считали себя особой кастой и были враждебно настроены к Микаладзе, считали его неуживчивым и неуравновешенным человеком. Он не таясь говорил, что думал, и это, естественно, не могло нравиться офицерам, любителям покутить и покрасоваться своей храбростью, будучи не на трезвую голову.

Сутуловатый, суровый на вид, Микаладзе был на самом деле доверчивым, как ребенок, ранимым человеком, добрым и отзывчивым, но не все знали об этом. Начальство ценило Микаладзе как хорошего специалиста, а не человека.

Я продолжал молчать, делал вид, что углубился в чтение документов из Центра, а сам внимательно слушал Микаладзе и следил за ходом его мысли, высказанной вслух, и за тем, что он хотел сказать, но так и не сказал, глубоко спрятав в своей душе. На этот раз Михаил Николаевич Микаладзе раскрылся передо мной не полностью, но я знал, что придет время, стоит только подождать – и он сам все расскажет, если доверие ко мне будет еще больше.

Микаладзе закурил. Стал ходить по своей маленькой комнате взад-вперед, задевая табуретки. Чувствовалась во всем его облике тревога и внутренний разлад.

– Я теперь, товарищ полковник, стал чаще смотреть в небо, – задумчиво сказал Михаил Микаладзе, – а почему? – спросите вы. Да потому, что жить стало безопаснее в каком-то роде, хотя и физически труднее.

Потянуло к звездам, на простор. До вашего прибытия в Кандагар все жили в каком-то страхе, ожидании беды. Стыдно сказать кому-то, что переводчики спали под кроватью, не когда-то давно, а неделю назад. Теперь все поменялось к лучшему и на душе стало спокойнее, что басмачи не прибьют и не прирежут ночью, как часто случается на других «точках». Однако мои раковины беспокойны, они издают звуки тревоги и приближающейся беды.

– Где ты взял эти раковины?

– На майдане в Кабуле. Обменял на газовую зажигалку у торговца краденного. – Микаладзе взял обе раковины, приложил их к ушам, стал слушать доносящиеся звуки изнутри раковин.

– Звуки, идущие от раковин, это звуки судьбы! – сказал Микаладзе, продолжая слушать эти звуки. – Судьба, кажется, намеревается преподнести нам много плохого, так говорят раковины. Что-то должно произойти вот-вот очень неприятное, тревожное. Возьмите, товарищ полковник, послушайте звуки судьбы, и вы убедитесь в правдивости моих слов. Только слушайте внимательно, раковины вам откроют свои тайны.

Я взял обе раковины, приложил к ушам, как это делал Микаладзе, стал внимательно слушать звуки судьбы, однако ничего не мог услышать, кроме странных шумов, они то усиливались, то ослабевали, но не исчезали, словно я находился на сквозняке, продуваемом со всех сторон.

– Ну, как? – спросил Микаладзе, когда я вернул ему раковины. – Что скажете насчет звуков судьбы?

– Что-то есть в этих звуках необычное, – сказал я, чтобы не разубеждать Микаладзе в таинстве звуков. Не стал говорить, что раковины издают шум, и больше ничего.

– То-то и оно, что есть в этих звуках что-то необычное и неземное! – сказал Микаладзе и улыбнулся своей обворожительной улыбкой первооткрывателя необычного и волшебного. Отшлифованная поверхность раковин отражала от старого фонаря свет, и яркие зайчики запрыгали по комнате шифровальщика, пустились в таинственный пляс, когда Микаладзе брал раковины в руки, они светили в глаза, заглядывали в разные закоулки комнаты, словно радовались своей свободе пошалить, как малые дети. И когда Микаладзе спрятал раковины в стол, они на прощанье сверкнули ярким светом, как драгоценные бриллианты, и погасили таинственность и красоту до следующего раза.

Микаладзе неожиданно переменял тему разговора, сказал, что в 40-й армии начались еле заметные пока распри по национальному признаку, между русскими и казахами, между узбеками и таджиками, эти недовольства войной имеют национальные и религиозные корни, создают угрозу боеготовности 40-й армии.

– Нет, это не лежащая идея! Как бы в ближайшее время не начались волнения в армии! – заключил прапорщик Микаладзе. – Религия – вещь устойчивая в умах людей, и у нее всегда имеются сторонники и последователи. Помните, командир, что я сказал. – Не пора ли направить в Центр телеграмму о взаимоотношениях в армии? Как вы думаете, командир?

– Конечно, можно направить в Центр телеграмму, но кто ее будет читать? Начальник центра – татарин, командующий армией – хохол, начальник штаба – грузин. Давай, Михаил Николаевич, повременим с телеграммой, тем более, что это не наш с тобой вопрос, а КГБ.

– Так-то оно так, но в армии много мусульман, выходцев из Средней Азии, как бы они не повернули штыки против нас, что тогда?

Прапорщик говорил и волновался, при этом говорил быстро, перескакивал с одной мысли на другую и, понимая, что говорит сбивчиво, малоубедительно, переходил на стихи, которых он знал великое множество, прочел стихи М. Волошина:

*А вслед героям
и вождам
Крадется хищник
стаей жадной,
Чтоб мощь России
неоглядной
Размыкать и продать
врагам!*

В комнате шифровальщика было душно, и он предложил искупаться перед сном. Взяв полотенце, мы пошли в бассейн, гордость Михаила Николаевича, сделанный его руками в прошлом году. Бассейн был небольшой по размеру, но глубокий, вода в нем постоянно циркулировала, была холодной и чистой, и в летнюю пору прапорщик Микаладзе свободное от работы время проводил в бассейне.

Стояла ночь. Мы медленно шли по весенней земле, ступая босыми ногами по прошлогодним опавшим листьям. Ноги утопали в их прохладе, а слабое покалывание ног от касания с сухими листьями доставляло удовольствие. Листья тут же рассыпались под тяжестью ног и, подхваченные порывами ветра, устремлялись прочь.

Бассейн был в радость, особенно в жару. К полудню беспощадное кандагарское солнце жгло немилосердно, – так и хотелось спрятаться в тень, но нельзя. Работа. Надо ехать на встречу с источниками информации по пыльной дороге или лететь на удар по басмаческим бандам.

В Кандагаре шла война не на жизнь, а на смерть.

Группа разведчиков находилась в эпицентре этой войны, которую вели против нас люди, скрывавшие свою принадлежность к басмачеству, и трудно было заподозрить в том или ином человеке басмача в гражданской одежде, что он – наш враг, как и нас, разведчиков, в одежде местных мулл и религиозных деятелей. При встрече с афганцами мы вежливо улыбались, показывая свою доброжелательность и добрые намерения, притупляя бдительность, порой зная через наших агентов, с кем конкретно имеем дело, трезво оценивая сильные и слабые стороны врага, иначе нельзя, любое пренебрежение противником чревато плохими последствиями. Палачи и их жертвы – это лики одного времени, и это я помнил как командир разведгруппы.

Освежившись в бассейне, мы с Микаладзе вернулись к своим делам. Неожиданно он спросил:

– А что собираетесь делать с «Зурапом»? Конечно, он враг, но поверженный, к нему надо отнестись по-человечески. Я так думаю, командир! А как думаете вы? Его надо простить!

– Как «простить»?

– Простить, и все тут. Отпустить на все четыре стороны, пусть живет, как может. Какая может быть польза от мертвеца? Никакой. А у него семья, жена, дети и престарелая мать.

– Обязательно подумаю на досуге о том, что ты только что сказал.

– И думать нечего! – настаивал прапорщик.

– Этот вопрос, Михаил Николаевич, зависит не только от меня. Я бы, конечно, освободил его. Он достаточно наказан, в то же время оказал и оказывает нам много услуг в части разоблачения кандагарского подполья. Повторяю, освобождение «Зурапа» зависит от комбрига Шатина, ХАДа и, конечно, от меня, и я постараюсь это сделать.

– Может быть, «Зурапа» хорошо спрятать, отправить в Узбекистан, в Москву или, на худой конец, в Кабул, но не оставлять его в Кандагаре. Здесь его выследят и убьют! – говорил прапорщик Микаладзе.

– Человек, конечно, не иголка в стогу, так просто не спрячешь, но я серьезно подумаю о нем, обещаю тебе!

– Командир! Вы в последнее время стали говорить как-то уклончиво, не как обычно. Это на вас не похоже. Язык Эзопа не для вас.

– Еще многое ты, мой друг, Михаил Николаевич, не знаешь о «Зурапе». Знаешь только то, что я сообщаю Центру в телеграммах, а там не вся правда. История с «Зурапом» – это большая драма. Там столько подводных камней, что можно разбиться, попав на мели и на камни. – Завтра утром, вернее, уже сегодня, я буду разговаривать с «Зурапом» по ряду конкретных вопросов, включая связи кандагарского подполья с Пакистаном и замыслы подполья, а также наличие «оборотней» среди агентов кандагарской «точки». Все. А теперь спать.

Чуть свет я уже был на ногах.

– Майор Собин, – обратился я к подчиненному, – после завтрака вы поедете со мной в штаб бригады.

– Зачем?

– Там узнаете. Рядовой Григорьев, подготовь автомашину к поездке. Минут через семь-восемь выезжаем.

– Есть! – по-военному ответил Григорьев и добавил: – Время не ждет!

– Правильно, Саша! – похвалил я его.

Наша автомашина остановилась рядом с «Медузой», так называемой местной тюрьмой. За уродливый вид ее прозвали «Медузой». Там содержались, как правило, задержанные патрулями до выяснения личности люди.

– Комбриг Шатин в «Медузе»? – спросил я часового.

– Комбрига там нет, – ответил солдат, – но он сказал, что минут через тридцать будет здесь. Сейчас в «Медузе» двое военных. Я их не знаю. Увидел в первый раз. Там же в «Медузе» находится афганец, которого я постоянно охраняю, чтобы не сбежал.

В сопровождении майора Собина я вошел в «Медузу». Там уже было трое: два лейтенанта и «Зурап». При моем появлении все встали.

– Лейтенант Самарин! – представился молодой офицер. – Направлен комбригом стенографировать протокол допроса.

– Лейтенант Жигарев, – представился другой офицер, – ответственный за вашу безопасность.

«Зурап» на допросе держался уверенно, отвечал на вопросы четко, без боязни.

– Скажите, «Зурап», почему вы проникли в святая святых армии, в разведку? С какой целью и почему не уничтожили «Мусомяки» вместе с разведчиками, там проживающими?

– А зачем? – ответил «Зурап». – Нас устраивала бездеятельность Саротина и Собина. Мы им давали дезинформацию, а они ее гнали в Кабул. Что может быть лучше?

– Товарищ полковник, все это мне заносить в протокол? – спросил лейтенант Самарин.

– Обязательно заносить и без искажений!

– Им грозит трибунал – как Собину, так и Саротину!

– Делайте то, что вам поручено и без лишних вопросов! – резко сказал я. – Если вы, лейтенант Самарин, что-то пропустите и не укажете в протоколе допроса «Зурапа», я вас отдам под суд. Вы меня

хорошо поняли?

– Так точно! Понял, – ответил лейтенант вставая. – У меня больше нет вопросов.

– Тогда будьте внимательны и ничего не пропустите при протоколировании. И обращаясь к «Зурапу», я спросил его:

– Как долго вы собирались играть в кошки-мышки?

– Собирались играть долго, но ваш приезд нас спугнул. Испугались, что вы нас разоблачите, и поэтому было принято решение уничтожить «Мусомяки» 8 марта 1981 года. Опасность уничтожения «Мусомяки» остается. На свободе гуляют террористы «Фарах» и «Акрам». Их вербовал майор Собин с Саротиным. Это их дружки.

– Этого не может быть! – закричал майор Собин и вскочил со стула. – Все это ложь, не верьте ни единому слову, командир.

– Я знаю, что я говорю! – спокойно ответил «Зурап».

– Стало быть, теракт назначен на послезавтра? – спросил я «Зурапа», стараясь не выдать своего волнения.

– Да, это так, – спокойно ответил «Зурап», – но о теракте 8 марта 1981 года я хотел сказать вам сегодня, чтобы его предотвратить.

– Как можно предотвратить теракт? – спросил я «Зурапа».

– 7 марта 1981 года я должен встретиться с «Фарахом» и «Акрамом» в городке ООН и узнать о готовности его проведения, как они считают, «акта возмездия». Поэтому господин майор Собин может конкретно убедиться в том, что я сказал, и на встрече в городке ООН послушать, как «Фарах» и «Акрам» отзываются о нем и его дружке Саротине, называя их не иначе как алкоголиками и дурнями.

Лейтенант Жигарев стоял рядом с майором Собиным и контролировал обстановку, предупредил майора:

– Если вы, товарищ майор, будете стрелять в «Зурапа», я вас пристрелю первый!

Собин сел, съезжился всем телом, обхватив голову руками, продолжая, как голодный волк, щелкать зубами, готовый перегрызть шею своему обличителю.

Вот как бывает при вопиющей расхлябанности и пьянстве.

«Фарах» и «Акрам» попали под мое подозрение, были оба внесены в отдельный список, но их разоблачение было делом времени, а времени, как известно, у меня не было, чтобы их разоблачить и свести с ними счеты. Помог случай, «Зурап» был арестован патрулем и согласился сотрудничать с нами.

– Что теперь будет со мной? – спросил меня майор Собин. – Спасите меня, товарищ полковник, от трибунала, иначе он поломает всю мою жизнь. В ответ на вашу доброту я не пожалею своей жизни и готов загородить вас собой от басмаческих пуль, если возникнет такая ситуация...

Я прервал майора.

– Во время Тайной вечери, – сказал я, – Петр обратился к Иисусу: «С тобой я готов и в темницу и на смерть!» А Господь ответил: «Говорю тебе, Петр, не пропоет петух, как ты трижды отречешься от меня». Так и случилось, как сказал Иисус Христос. Поэтому, Собин, не зарекайтесь.

Я помолчал. Посмотрел на майора Собины, тихо сказал:

– Это не семейная ссора, а нечто большее. Афганская война оскорбляет нас, офицеров, но, поскольку

мы ее участники, нужно быть порядочными во всем. Может быть, вы, майор, после этого случая отрезвеете!

С развенчанием Собина и Саротина как «суперразведчиков», каковыми они себя считали, у прапорщика Микаладзе появилась навязчивая мысль расквитаться с ними за нанесенные обиды и оскорбления.

Получив информацию от «Зурапа» о планируемом теракте 3 марта, я прекратил встречу с «Зурапом», оставил его в «Медузе», где он содержался один и состоял на довольствии по офицерской норме. Я срочно прибыл в «Мусомяки», чтобы все подготовить к встрече с террористами «Фарахом» и «Акрамом» в канун 8 марта. Прапорщик Микаладзе встретил майора Собина, как своего врага.

– Ты, Собин, ничего не стоишь, – сказал Микаладзе, – у тебя ума, как воды в жопе журавля. Ты с дружкой Саротиным собирался переписать гоголевскую «Шинель», да ума не хватило. Пьянство завело тебя в капкан, который должен был привести тебя в могилу, но спасибо командиру, он выручил.

– Микаладзе, прекрати ругаться! – твердо сказал я. – Кроме слов, пока нет результата. Опасность нападения на «Мусомяки» еще не снята.

– Поэтому оба офицера трясутся в испуге, как мерзкие твари. – Микаладзе еще хотел что-то сказать, но я прервал его монолог, сказал:

– Группа разведчиков – это группа риска. Мы, как минеры, и нам ошибаться нельзя. Кто думает иначе, тот ошибается. Прошу всякие разговоры, порочащие достоинство каждого, прекратить!

Поздно вечером 6 марта 1981 года неожиданно появился в «Мусомяки» полковник Шамиль, начальник кабульского разведцентра, прибыл неожиданно, как снег на голову. Около часа разговаривал со мной. Я доложил ему о разоблачении «Зурапа» и еще двоих агентов, завербованных Собиным и Саротиным. Он долго ругался, называл их негодяями, и стал разбираться с ними без моего присутствия. Слышно было, как он угрожающе кричал на Саротина и Собина: посажу, разжалую, будете знать «кузькину мать». Постепенно Шамиль стал успокаиваться, лишь слышался плач офицеров. Они унижались перед Шамилем, целовали татарину руки, клялись в верности до гроба Шамилю, и он... их простил. По возвращении в Кабул начальник кабульского разведцентра был не так категоричен в оценке происшедшего в разведгруппе. Мне сказал:

– Меня ждет спецсамолет. Прямо сейчас вылетаю в Кабул. Дела. Ты уж, Геннадий, будь с этими разгильдяями помягче. Они тебя боятся больше, чем меня. А в целом ты работать умеешь. Молодец. Так держать. Я тобой доволен.

Я не стал ничего говорить Шамилю, когда увидел на толстых пальцах начальника Центра золотые кольца с бриллиантами с рук «побратимов», Саротина и Собина, понял, что Шамиля купили. Он не устоял перед блеском золотых колец с бриллиантами, сломался. Не железом была сломлена его воля, а золотом. Он был для меня уже не начальник, а половой тряпкой, и я потерял к нему уважение и всякий интерес. Шамиль мог предать, изменить присяге, совести, конечно, если она у него была.

Полковник Шамиль слишком был занят собой, а страсть к наживе подавила моральное начало. Он имел ненависть к Саротину и Собину как к разгильдяям. Ненависть была явная, но какая-то ненастоящая. Шамиль в душе им завидовал. Они были более удачливые на чужое добро, чем он, но в то же время Собин и Саротин не были опасны Шамилю и не могли помешать продвижению вперед, поскольку были типичными жуликами и ворами, сами нуждались в поддержке и защите. Шамиль мог теперь вить из них веревки и использовать в грязных целях, когда это потребуется, кого-то оклеветать или в чем-то уличить. Собин и Саротин не только не могли предвидеть свое будущее, но они оказались слепыми в том, что случилось в настоящем. Опыт их жизни был полон ошибок и пока ничему не научил. Они оказались в плену

случайностей и их путь оказался роковым, так и не смогли освободиться от власти вещей и денег, занимаясь привычным ремеслом и живя по принципу: «Трудом праведным не наживешь палат каменных!»

Наказание на этот раз миновало. Что ждет меня в будущем при таком руководстве разведцентра? Я стал опасен для Шамиля, поскольку видел его предательство и подкуп, эти мотивы вели к Данте, который поместил первую тройку предателей – Иуду, Брута, Кассия – в девятый круг ада, туда же следовало поместить Шамиля и его приспешников, все мерзкое и безобразное отзывалось во мне с беспощадной яростью.

Полковник Шамиль дал понять, что готов идти по трупам тех, кто стоит на его пути. Для него закон не писан и Шамиль может поступить со мной так, как посчитает нужным, не считаясь ни с чем, лишь бы ему было хорошо.

Однако в создавшейся ситуации на «точке» слишком много было поставлено на карту – жизнь и смерть и, естественно, каждый выбирал жизнь, поэтому моя власть над подчиненными не была потеряна, поскольку только я один знал, как бороться с террористами, готовящимися взорвать «Мусомьяки» и уничтожить оперативных офицеров. Нити заговора были в моих руках, и я старательно начал их распутывать, встретив всеобщее одобрение и поддержку разведчиков.

Ближе к вечеру я собрал офицеров-разведчиков и переводчиков, чтобы принять окончательное решение, как быть с провокаторами «Акрамом» и «Фарахом». Решение было не однозначное, одни предлагали их расстрелять при встрече, другие – арестовать и сдать в ХАД – службу государственной безопасности Кандагара, убедившись, что «Акрам» и «Фарах» – предатели.

Кто они, эти провокаторы «Акрам» и «Фарах»?

«Фарах» был выходцем из богатой семьи, его отец – торговец коврами и золотыми украшениями, разорился в ходе Саурской революции и был убит. Мать и многочисленные сестры «Фараха», их у него было девять, вышли замуж и перебрались с матерью в Пакистан, чтобы не потерять кое-что нажитое за годы жизни. «Фарах» – студент Кабульского университета, примкнул к революции в надежде выдвинуться при новом режиме, но ничего, кроме ранений и ссадин, не получил, долгое время влачил нищенское существование, переехал из Кабула в Кандагар к своему зажиточному брату, но и он за время революции не стал богаче, скорее наоборот, беднее. Брат посоветовал «Фараху» устроиться рабочим в Кандагарском аэропорту, где и произошло знакомство Собина с «Фарахом» и последующая его вербовка в разведывательную сеть. Так «Фарах» стал агентом без должной проверки и положенного временного испытания на предмет лояльности к нынешнему режиму в Кандагаре.

– На ловца и зверь бежит! – прокомментировал Собин результаты вербовки «Фараха», считая ее удачной, еще не помышляя о затаенном коварстве и наглости, спрятанных вновь завербованным агентом до поры до времени, притворившимся горячим сторонником народной власти и преданным другом Советского Союза.

«Фарах» первое время добросовестно выполнял все поручения Собина, возможно, что так продолжалось бы долго, если бы однажды ночью в дом, где проживал «Фарах», не нагрянула группа вооруженных людей в масках во главе с Млеком Азизом, то есть «Зурапом». Вооруженные люди крепко связали «Фараха» веревками, стали избивать, грозились повесить, если «Фарах» не расскажет все, что касается деятельности группы советских специалистов, проживающих рядом с водонапорной башней. Кандагарское подполье еще точно не знало, что напало на след разведки, и стало с пристрастием расспрашивать «Фараха» обо всем, что он знает. «Фарах», опасаясь, что его повесят и он уже никогда не попадет в царство Аллаха, стал давать сбивчивые показания, из которых стало ясно, что кандагарское

подполье вышло на след засекреченной службы 40-й армии, святая святых армии – военную разведку, глаза и уши в борьбе с басмаческим подпольем. На какое-то время кандагарскому подполью могло показаться, что не военная разведка держит судьбу жизни и смерти 40-й армии, а подполье, путем контроля за деятельностью разведчиков, оказавшихся под колпаком басмачей из-за предательства агентуры и халатности самих разведчиков, Собина и Саротина.

Так «Фарах» оказался переведен кандагарским подпольем и стал служить ему верой и правдой, тщательно скрывая от разведчиков сам факт переведенки, продолжая давать информацию, подбрасываемую разведчикам кандагарским подпольем. Собин и Саротин наносили авиационные удары по местам, указанным «Фарахом», где не было никаких басмачей, утюжили, что называется, афганскую землю бомбами и снарядами, направив разведчиков по ложному следу, получая за это деньги от Собина.

«Фарах» поставлял лжеинформацию до моего назначения на должность командира группы разведчиков, продолжал вредить нам, как умел, и после моего назначения, пока не был задержан патрулем бригады и не разоблачил своих бывших сообщников по кандагарскому подполью.

От верной смерти нас спас случай, а конкретно «Зурап».

Другом «Фараха» был «Акрам», его переведенка также произошла незаметно для Собина и Саротина, они, занятые сами собой и пьянством, даже не могли предположить, что рядом с ними находятся злые враги, поставившие своей целью уничтожить разведчиков, тем самым показать свою мощь и силу кандагарского басмаческого подполья.

При встрече с оперативными офицерами «Фарах» и «Акрам» вели себя естественно, не изменили своих привычек и наклонностей, были приветливы и общительны, чем окончательно ублажали Собина и Саротина, как младенцев в колыбели, и позволили кандагарскому подполью узнать планы и замыслы оперативной группы, а стало быть, и всей воюющей в Афганистане 40-й армии.

«Фарах» наедине с собой трусил, боялся провала, о чем нередко признавался своему начальнику «Зурапу», тот успокаивал «Фараха», как мог, рассчитывался с «Фарахом» американскими долларами за оказанные услуги кандагарскому басмаческому подполью, и «Фарах» успокаивался, полагал, что так будет продолжаться долго безнаказанно, имея в руководстве такого талантливого начальника, каким он считал «Зурапа».

– Я окончательно озверел от Саурской революции! – говорил «Фарах» своему начальнику «Зурапу» и, кажется, был искренен в своих словах.

Другой «перевертыш», переведенный «Зурапом», – «Акрам», был по своему поведению и темпераменту явной противоположностью «Фараху». Он говорил при встрече с оперативными офицерами:

– Я марксист-ленинец до самой смерти, а не какой-нибудь уличный шпана. Брать деньги с советских друзей за выполненную работу отказываюсь, поскольку помогать советским мушкетерам в борьбе с басмачеством – это моя потребность души!

Собину и Саротину нравилось такое признание и деньги, предназначенные для оплаты услуг «Акрама», они пропивали, приобщили «Акрама» к водке, и, будучи пьяным, он пел частушки:

*Эх, яблочко, куда катишься,
В ХАД попадешь —
Не воротишься...*

Так, дешевым притворством «Акрам» вошел в полное доверие к Собину и Саротину. Они им восхищались, были без ума от его находчивости и коммуникабельности. Похлопывали по плечу «Акрама», как себе равного, смеялись, что он по идейным соображениям не берет у них деньги, говорили, что если он

так будет поступать и впредь, то от него уйдет жена к другому, поскольку он больше любит Маркса и Ленина, а не свою жену.

У «Акрама» была молодая жена. Он любил ее и называл «кладом», который, по его словам, ему подвалил случайно, на что майор Собин заметил в шутку, что если жена «Акрама» – клад, то, согласно закону, «Акраму» принадлежит от этого «клада» 25 %. «Акрам» умел ценить шутки, на явную грубость и насмешки не реагировал, терпел до поры до времени, твердо знал, что расплата близится, а долг – платежом красен.

«Акрам» окончательно завоевал душу и сердце оперативных офицеров, и когда ему однажды предложили поехать в Советский Союз на учебу, он так расчувствовался, что на глазах Собина и Саротина расплакался, и его даже пришлось успокаивать. Не знали офицеры, что видят перед собой артиста, способного плакать, играть заученную роль, клясться в верной дружбе и держать камень за пазухой, чтобы этим камнем прибить в один прекрасный момент, когда наступит тот самый час расплаты, о котором «Акраму» и «Фараху» говорил их начальник «Зурап».

«Акрам» при встречах с оперативными офицерами Собиним и Саротиним прикидывался другом России, говорил, что по политическим убеждениям он ближе к Карлу Марксу, чем к Аллаху, но на самом деле оба эти идола были для него безразличны и практически не нужны. Он любил только деньги и, по словам «Зурапа», отказываясь от денег за услуги советской разведке, драл с него три шкуры и норовил получить расчет не в афгани, а в американских долларах, но, естественно, об этих слабостях «Акрама» никто из оперативных офицеров не знал и не догадывался, пока «Зурап» не разоблачил истинное лицо этого негодяя, прикидывающегося бессребреником, своим «парнем в доску», каким его, кстати, считали Собин с Саротиним по ошибке.

Еще одна особенность была в поведении агентов «Фараха» и «Акрама». «Фарах», к примеру, тщательно скрывал знание русского языка. Общался с офицерами через переводчика, лишь иногда говорил несколько фраз по-русски, якобы машинально заученных им. На самом деле он слушал, что говорили между собой оперативные офицеры, запоминал и делал для себя определенные выводы, как в дальнейшем вести себя при встрече и что говорить, делая вид, что не понимает русского языка. Зато «Акрам», что называется, лез из кожи и выпячивал знание русского языка, хотя знал его хуже «Фараха». Называл газету «Правда» зарей Востока, льстил, угождал оперативным офицерам и целовал портрет Л. И. Брежнева. Это не понравилось Саротину и Собину. Они недолюбливали Брежнева и его престарелую кремлевскую команду и не могли разделять такого всплеска патриотизма со стороны «Акрама», который сам почувствовал, что переиграл заученную роль, взглянув на офицеров. Но они вскоре успокоились, посчитав, что «Акрам» – иностранец и не знает, как в Советском Союзе рядовые граждане относятся к Брежневу – отрицательно, и инцидент с целованием портрета Брежнева был исчерпан, а напрасно. Была хорошая зацепка разобраться в истинном лице авантюриста, чем-то похожего на другого авантюриста прошлого – Эжена Видока, удостоившегося пера А. С. Пушкина.

Ненормальные отношения оперативных офицеров с «Акрамом» и «Фарахом» и другими агентами не прошли мимо переводчика Хакима, он сказал на встрече с «Акрамом» Собину:

– Тебе, майор, не совестно обманывать и обворовывать оперативную кассу и складывать деньги, положенные для агентов, в свой карман?

На это замечание майор Собин с присущей ему наглостью заметил:

– Хаким, ты своей бородой очень похож на «Акрама», не положить ли тебя в гроб вместо него? Что ты сам-то об этом думаешь?

– Ну и шуточки у тебя, майор! – испугался переводчик.

– Это не шутки, а быль. Сам должен понять, что такими угрозами не шутят. Ты, говорят, бывший школьный учитель, а понять никак не можешь исторических аналогий с прошлым. Припомни, отчего умер офицер в бригаде Шатина? Говорят, что отравился угарным газом. Было много пересудов на этот счет, что его якобы отравили. Но мертвому-то что до слухов? Человека-то нет, сгинул, родимый, а он тоже, как ты, Хаким, рубил все с плеча, считая себя бессмертным, Кощеем Бессмертным. Ты меня хорошо понял, папуас?

Хаким понял все, и не только он, но и его товарищ Ахмет. С той поры они оба стали бояться Собина и Саротина, что их убьют ночью во время сна, расстреляют из окна автоматной очередью, списав переводчиков на теракт со стороны басмачей.

Теперь переводчик Хаким старался обходить стороной майора Собина, что того забавляло. Он норовил встретить Хакима рано поутру и бесцеремонно задавал один и тот же вопрос:

– Скажи-ка мне, папуас, кого положили в гроб в Таганроге вместо государя Александра Первого, фельдъегеря Маскова или унтера Сруменского?

Только с моим прибытием на кандагарскую «точку» был наведен некоторый порядок. Я решительно пресекал грубость и хамство Саротина и Собина по отношению к переводчикам и к водителю, Александру Григорьеву. Хаким и Ахмет вылезли из-под кровати, отрешились от страха, что их убьют во сне, стали спать, как все нормальные люди, на кровати, разогнули спины, почувствовали себя равноправными членами коллектива разведгруппы, стряхнув с себя рабскую покорность, и стали по капле выдавливать из себя раба, трусость и робость перед Собиным и Саротиным, вместе с чувством достоинства появилось желание мести.

По мере того как мой авторитет и доверие подчиненных ко мне росли, они раскрывали мне свою душу, очищали ее от накопившейся скверны, говорили о нанесенных обидах и притеснениях со стороны Собина и Саротина. Мне становилось предельно ясно, что из себя представляют эти спившиеся офицеры, вынашивающие желание строить и впредь свое благополучие на несчастье других.

– Вас, командир, майоры Саротин и Собин боятся, как огня, – сказал мне как-то поутру переводчик Хаким. – Они поджали хвосты, но не надолго. Это я чувствую. Ведут себя, как побитые твари, затаились, спрятали свои змеиные жала, ждут, когда вы на чем-то споткнетесь, чтобы вас если не уничтожить, то больно ударить. Ожидание реванша затягивается и они нервничают, понимают, что вы им не по зубам, умнее и решительнее их обоих, а главное, лучше знаете свое дело, что делает вам честь. Собин и Саротин вам, командир, в подметки не годятся.

Слушая лесть из уст переводчика, я меньше всего обращал внимания на его слова, знал, что лесть, как и кинжал – одинаковы в цене, старался меньше говорить, больше делать, объединить таких разных людей в единое русло работы, выжимая из них все способности и, как говорится, все соки. Переводчики и оперативные офицеры ненавидели друг друга, главным образом из-за денег. Переводчики ни за что не отвечали и получали валюту, примерно тысячу американских долларов в месяц, а оперативные офицеры – гроши, около 50 американских долларов. Это, естественно, было несправедливо. Поначалу переводчиков намеревались использовать в афганской войне как нелегалов, но потом все переиначили, включили их в оперативные группы, а оклады им оставили прежними. Противостояние переводчиков и оперативных офицеров было повсеместным явлением. Часто на «точках» переводчиков убивали, и они паниковали, боялись расправы.

Обстановка на кандагарской «точке» постепенно нормализовалась, но еще была опасность физического уничтожения разведгруппы «Фарахом» и «Акрамом». Было тревожно даже подумать, что оборотень «Акрам» часто был в «Мусомьяки» и пением частушек веселил пьяных офицеров, плясал перед ними, рассказывал анекдоты и сумел влезть в душу разведчикам, потерявшим контроль над собой. Акрам пел:

*Мы – кузнецы и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи...*

Собин и Саротин смеялись. Не закончив один куплет, он начинал другой, пел, что придет на ум, забавлял офицеров. Они хвалили «Акрама», наливали ему водки, он пил и пел:

*На просторах родины советской,
Закаляясь в битвах и в труде...*

«Акрам» умело пользовался лестью, расхваливал Собина и Саротина, лесть в его устах, как ложь блудницы, принималась на веру, за нее платили чистой монетой.

Так проходили встречи с «Акрамом», без выездов из «Мусомьяки», бестолково и навязчиво. Хитрый «Акрам» ублаживал сознание офицеров, расслаблял их ум, они думали не о деле, а где бы еще добыть водки, веселились напропалую под пение злодея, которому уже мерещилось, что «Мусомьяки» в огне с ненавистными ему Собиным и Саротиным. В награду за террористический акт «Акраму» обещаны американские доллары и безбедная жизнь где-нибудь за пределами Кандагара, возможно были в Кабуле.

– Сколько классов ты закончил? – спрашивал Собин «Акрама».

– А сколько есть классов в сумасшедшем доме, все и закончил! – отвечал бойко злодей. Оперативные офицеры были им довольны. «Акрам» умело вошел в роль борца за народное счастье, но он, кажется, так и не смог из него выйти. Приближалась трагическая развязка. «Мусомьяки» находилась на грани беды и момента истины.

Глава 3

Мечь

Ночь придет

Перекрестит и

Съест.

В. Маяковский

Прежде чем принять ответственное решение по агентам-оборотням «Акраму» и «Фараху», была запланирована встреча «Зурапа» с ними под контролем офицеров оперативной группы, действительно ли они причастны к террористическому акту, о котором сообщил «Зурап», и намерены взорвать «Мусомяки» так, чтобы никто не выбрался из здания, забросать его гранатами. Так выглядел план заговорщиков, но его следовало проверить и принять решение. Сам приговор – расстрел, должен привести в исполнение «Зурап», как только «Акрам» и «Фарах» во всеуслышание подтвердят, что у них все готово к уничтожению «Мусомяки», только тогда «Зурап» должен привести приговор в исполнение. Такая была установка.

Конечно, можно было бы передать террористов «Акрама» и «Фараха» в руки ХАДа – службу безопасности Кандагара, но тогда пришлось бы передать и «Зурапа», связанного с ними, что грозило «Зурапу» смертной казнью как сообщнику террористов. Я никак не хотел потерять «Зурапа» и в дальнейшем использовать его в интересах нашей работы.

– Я не верю, что «Акрам» и «Фарах» – оборотни! – сказал на собрании группы майор Собин, вербовавший в агентурную сеть одного из этих агентов. – Пока сам не смогу убедиться в их предательстве, не поверю!

Ему возразил Ахмет:

– Ты, Собин, как Фома неверующий. Он тоже не поверил в истину, что Христос воскрес, сказал: «Если не увижу его ран от гвоздей и не вложу перста моего в раны от гвоздей и не вложу руки моей в ребра его, не поверю».

– Вам, майор Собин, будет предоставлена возможность лично убедиться в предательстве «Акрама» и «Фараха», – сказал я. – Вы включены в состав группы, которая немедленно отправляется на задание и будет контролировать встречу «Зурапа» с оборотнями. Состав участников операции «Мечь»: Тобояк, Собин, Хаким, Григорьев.

– Командир, а почему не включили меня? – спросил майор Саротин. – Я не трус и тоже хочу участвовать в операции «Мечь» и смыть позор за допущенные просчеты в агентурной работе.

– Никто не сомневается, что вы, майор Саротин, готовы участвовать в этой операции «Мечь», я не беру под сомнение вашу искренность намерений, но кто-то должен оставаться в «Мусомяки» и поддерживать оперативную связь с Центром, – сказал я майору Саротину. – Этим вы и займетесь в мое отсутствие.

И обращаясь к участникам операции, я сказал:

– Всем быть в готовности выехать в ооновский городок, где запланирована операция.

– Выезжаем через пять минут.

Совещание оперативной группы только закончилось, как в дверь постучали. Вошел комбриг Михаил Шатин, веселый, улыбочивый, доброжелательный. Поздоровавшись со всеми кивком головы, Шатин сказал смеясь:

– Проезжал мимо, думаю, дай-ка я зайду к своим боевым товарищам и угощу их раками!

Шатин высыпал на стол из пакета живых раков. Они поползли по столу в разные стороны, стараясь поскорее куда-либо спрятаться и забиться в щель. Зрелище было необычное. Громадные раки штук до сорока ползали по столу, забирались друг на друга, угрожающе пучили глаза, рассматривали людей, шевеля своими длинными усами.

– Мне показалось, что вам теперь только раков не доставало до полного счастья, – сказал комбриг Шатин и внимательно посмотрел на майора Собина. Майор съежился под пристальным взглядом Шатина, ничего не сказал, отошел от стола в сторону, а мы с комбригом уединились в моей комнате, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию в отношении с оборотнями «Акрамом» и «Фарахом».

– Скажи, Геннадий, что ты собираешься предпринять, чтобы спасти «Зурапа»? Я спрашиваю для того, чтобы действовать с тобой заодно. «Зурапа» нельзя передавать в ХАД. Там его убьют, а он заслужил своим поведением жизнь.

– Я согласовал ряд вопросов с командованием Центра, на «Зурапа» будут оформлены соответствующие документы, и он будет направлен в Кабул, – сказал я, – там, даст бог, «камикадзе ислама» не смогут достать его. Так я думаю, если не произойдет утечки информации или откровенного предательства, что часто встречается в афганском обществе. Однако свобода «Зурапа» будет только после встречи, которая произойдет в ооновском городке в 21 час 30 минут между «Зурапом» и агентами-оборотнями – «Акрамом» и «Фарахом». «Зурап» задаст этим предателям один ключевой вопрос: «Все ли готово к уничтожению «Мусомьяки»?» Если «Акрам» и «Фарах» подтвердят готовность взорвать «Мусомьяки», сомнений не будет в том, что они – предатели, и будут уничтожены «Зурапом» на месте встречи, которую я лично буду контролировать.

– Рискованное это дело, – задумчиво сказал комбриг, – но я знаю, Геннадий, что тебе не привыкать распутывать хитросплетенные узлы, но на всякий случай я буду держать в готовности десантный взвод, в случае опасности сигналом к подключению десантников тебе в помощь будет красная ракета. Мы ее увидим издалека. Оставляю тебе ракетницу, там уже есть ракета. Словом, договорились. А пока, прощай, Геннадий. У меня много дел, как и у тебя, завтра увидимся. Желаю удачи.

Я проводил комбрига до машины. Неожиданно он остановился и сказал:

– Никак не могу принять близко к сердцу мир азиатской жестокости и нищеты, лжи и обмана. Вчера сам видел, как на центральном рынке Кандагара продавали молодую девушку за два барана.

Комбрига возмущала торговля людьми на рынке, словно на календаре не XX век, а Средневековье. От возмущения «работоторговлей» в глазах Шатина стоял огонь ненависти, как яркий костер. Он был молод. Не прошел школу большевистского умолчания и сортировки людей по росту и весу, размеру черепа и длине ушей. Людей не «советской» расы уничтожали в большевистских застенках, сжигали, как дрова, в камерах и топках.

Афганскую войну Михаил Шатин начал в 1980 году и считал ее великим несчастьем для Афганистана и России. Своим отношением к долгу, Отечеству напоминал горьковского Данко, и поэтому был любим подчиненными.

– А теперь в штаб, – скомандовал Шатин водителю, – гони. Время не ждет!

Саша Григорьев стоял рядом со мной, сказал, улыбаясь:

– Даже Шатину понравился ваш девиз: «Время не ждет!»

– Ты, Саша, стал наблюдателен, похвально. Теперь сосредоточь все свое внимание на дороге. Сейчас заедем в «Медузу», возьмем «Зурапа» и поедем в городок ООН, ты знаешь, где он. Пока все. Поехали. Время не ждет.

В назначенное время наша автомашина подошла к «Медузе», где содержался «Зурап», он был уже в состоянии полной готовности и ждал моего приезда.

– Как здоровье? – спросил я «Зурапа». – Как настроение?

– Теперь все хорошо, без проблем! – ответил он. – Вам спасибо за все, что вы сделали для меня. Со мной обращаются хорошо. Кормят меня по офицерской норме. Постоянно кофе, первое и второе блюда. На ужин чай, овощи, фрукты и каша. Словом, я всем доволен. Единственно, боюсь, что со мной будет завтра-послезавтра, потом, когда раскидаем по сторонам всю эту грязь с «Акрамом» и «Фарахом».

– У нас сейчас нет достаточно времени, чтобы поговорить по тому кругу вопросов, которые тебя, «Зурап», волнуют, но обещаю тебе в ближайшие дни обговорить все, что касается тебя, и поставить точки над «и».

– Хорошо. Понял вас! – ответил «Зурап», и мы поехали в городок ООН.

Саша Григорьев вел автомашину уверенно. У секретного поста притормозил, трижды мигнул фарами, показывая, что «свой», и машина вновь стала набирать предельную скорость, неслась по шоссе в сторону городка ООН по безлюдной дороге. Это время в Кандагаре было опасным, и мало кто решался куда-то поехать или прогуляться по улице. Его обязательно остановят, очистят карманы, если не убьют, то ограбят.

«Зурап» сидел сзади меня и, наклонившись ко мне, слушал, что я ему скажу:

– У тебя сейчас будет встреча с «Акрамом» и «Фарахом», будь предельно внимателен, не показывая вида, что чем-то взволнован или расстроен. Разговор не затягивай по времени, обязательно коснись темы готовности «Акрама» и «Фараха» к совершению террористического акта, связанного с уничтожением «Мусомьяки» и гибелью всех обитателей дачи, во главе с полковником Тоболяком. Это очень важно, чтобы понять, что «Акрам» и «Фарах» – оборотни и подлежат уничтожению. Стрелять в них будешь ты, и никто другой. Это тебе понятно?

– Понятно!

– Мы будем располагаться поблизости, и можешь не сомневаться – в случае необходимости придем на помощь.

– Я справлюсь сам со всем! – твердо сказал «Зурап». – У вас еще пока нет твердой уверенности, что «Акрам» и «Фарах» – враги, и вы намерены это проверить, у меня таких сомнений нет. Они враги мои и ваши. В любом случае я должен их уничтожить, иначе меня разоблачат как двойника и расстреляют. Это я знаю. Поэтому, товарищ полковник, будьте спокойны за меня, я сделаю свое дело. Для меня возврата в прошлое нет. Теперь я живу только будущим, а не прошлым. Я не могу быть свободным и независимым человеком, заранее зная, что где-то рядом со мной ходят предатели, способные предать меня и вас.

– Согласен с тем, что ты сказал, – заявил я «Зурапу», – действуй по своему усмотрению. Ты вправе покарать террористов, и я предоставляю тебе такую возможность.

Переводчик Хаким и майор Собин сидели сзади, зажав «Зурапа» с обеих сторон. Я находился рядом с водителем Александром Григорьевым и внимательно контролировал обстановку на дороге. Под рокот мотора я прислушивался к разговору «Зурапа» с переводчиком Хакимом.

– Всякая революция, – сказал «Зурап», – способна лишь недолго сохранять чистоту замыслов и

идеалов, затем наступает отрезвление революцией, разочарование, террор, аресты, голод, хаос в обществе и в умах людей. Так происходит всякий раз, когда старое сломано, а новое не способно дать что-либо взамен, и революция начинает дышать на ладан. Именно в этот момент проверяется идейное убеждение революционеров. Если они попутчики, то при первых неудачах бегут, как крысы с корабля. Примеров тут много, включая Великую французскую революцию. Многие революционеры стали захватывать дворцы, замки и присваивать их. Они уже не хотели продолжения революции. Им на народ наплевать. Они решили свои проблемы и стали вести закулисные переговоры с контрреволюционерами, своими вчерашними врагами, свергнутыми в ходе стихии и хаоса. Побеждают в борьбе за власть самые безжалостные, коварные и хитрые, однако побеждают они не на поле брани, а в тишине хитро сплетенного заговора, путем террора, убийства, отравления. Наступает момент истины, кровавое отрезвление революцией.

Финал всякой революции один, она гибнет под напором предательства, коррупции и террора. А кто виноват? Причина одна, революцию совершают талантливые люди, а ее плодами пользуются бездарности, в этом и состоит трагедия всякой революции, включая Саурскую революцию.

«Зурап» говорил убедительно и достаточно доходчиво излагал свои мысли.

«Почему «Зурап» стал помогать нам, если он не верит в победу Саурской революции? – подумал я и тут же отогнал всякое сомнение в его честности и порядочности, – ведь я так же не верю в идеалы Саурской революции, но участвую в ее утверждении. Между мной и «Зурапом» нет разницы. Мы одинаково думаем, но не все говорим вслух, как он».

В разговоре переводчика Хакима и «Зурапа» чувствовалось напряжение перед предстоящей операцией «Мечь».

– Будь, «Зурап», до конца последователен, – сказал Хаким, – командир мне говорил, что в любой ситуации мы тебя в обиду не дадим, он даже отрабатывает вопрос о твоём проживании в Узбекистане или в Москве, для этого отрабатываются документы и они, насколько я знаю, находятся в стадии готовности, об этом командир тебе скажет.

– Спасибо, Хаким, за все тебе и командиру, но в Россию я не поеду. Как говорят русские: «Где родился, там и пригодился!» Останусь в Афганистане со своим народом, что бы со мной ни случилось.

Продолжения разговора между «Зурапом» и переводчиком Хакимом не последовало. Стояла гнетущая тишина. Молчали все, и, кажется, тишина мешала думать, сосредоточиться на главном, на предстоящей операции «Мечь». Все было обговорено, до конца продумано, но разве возможно все предусмотреть и до всего додуматься? Так и казалось в безмолвной тишине, что должно что-то случиться ужасное, непоправимое и мощным ураганом смести нас с трассы, по которой мы едем.

Разговоры смолкли сами по себе. Подъезжали к городку ООН, где должна произойти встреча «Зурапа» с «Акрамом» и «Фарахом».

– Саша, – обратился я к водителю, – сбрось скорость, выключи мотор, машину притормози у одиноко стоящей сосны. Оставайся в машине и выключи фары. Будь в состоянии готовности по моему приказу выехать из городка ООН. Если ворота будут закрыты, тарань их. Это приказ!

– Есть, – сказал Саша. – Я выполню все, как вы, командир, сказали.

– «Зурап» будет находиться на этой поляне и ждать «Акрама» и «Фараха», здесь он постоянно встречался с ними, – сказал я, – переводчику Хакиму быть вблизи с местом встречи, ничем не обнаруживая себя, ни кашлем, ни голосом.

Майору Собину тоже находиться поблизости от места встречи «Зурапа» с «Акрамом» и «Фарахом», – распорядился я, – наиболее подходящее место – у заброшенного колодца, а что касается меня, я лягу с

автоматом Калашникова у канавы. Таким образом мы можем иметь возможность слышать, что будут говорить на встрече, и убедиться в измене «Акрама» и «Фараха».

Обращаясь к «Зурапу», я напомнил ему свои требования к встрече.

– Встречу не затягивать. Вопросы оборотням ставить конкретно и получать от них тоже конкретные ответы. Если всем ясно, как вести себя при встрече «Зурапа» с «Акрамом» и «Фарахом», то следует всем занять свои места согласно распоряжению. Никому не разговаривать, быть предельно собранными и внимательными и в случае экстремальной обстановки Собину и Хакиму прийти «Зурапу» на помощь.

Городок ООН, кажется, в эти часы спал непробудным сном. В окнах домов не было света.

Я залег с автоматом Калашникова, продолжая контролировать действия подчиненных и «Зурапа». Среди буйной пышной растительности в городке ООН было хорошо и спокойно, как на подмосковной даче, лишь изредка слышались одиночные выстрелы на «Дороге жизни», которую мы только что проехали от «Мусомяки» до городка ООН.

Проснулась луна и своим предательским светом осветила лесной массив, где мы находились. Луна заглянула во все потайные уголки парка и, не нарушая покоя ночи, тусклым светом обшарила макушки деревьев и снова спряталась в кучных облаках. Так и казалось, что наступил мир и покой на афганской земле. Кругом тишина, покой, даже природе надоела война, слезы, нищета, грабежи по ночам.

Бросил взгляд на часы. Был 21 час 20 минут. Время тянулось медленно, стрелки часов словно остановились на циферблате и замерли в неподвижности. Посмотрел на Сашу Григорьева. Он напряженно сидел в кабине, впившись руками в баранку автомобиля, внимательно смотрел на небольшую поляну, где прохаживался «Зурап», ожидая «Акрама» и «Фараха», то и дело вытирая рукавом рубахи вспотевший лоб.

До встречи оставались считанные минуты, секунды, затем они закончились, но никого не было. На душе беспокойно, появились сомнения: «А вдруг «Акрам» и «Фарах» что-то заподозрили и не явятся на встречу с «Зурапом»? Что тогда? Где искать террористов?»

Стояла теплая ночь, вновь выглянула луна, осветила поляну и снова спряталась в облаках. Луна как бы играла с нами в кошки-мышки, то освещала нас своим светом, то снова пряталась в громадном парке городка ООН, среди многочисленных кустов и деревьев.

Снова посмотрел на часы – 21 час 35 минут. Прошло уже пять минут от назначенного времени встречи, а «Фараха» с «Акрамом» все нет и нет!

В груди яростно билось сердце, готовое выпорхнуть, как голубка, наружу и улететь, подтверждая, что жизнь бурлит в моем теле и ничто ее не остановит, даже если не будет встречи и все останется так, как есть.

Вспомнил слова комбрига Михаила Шатина:

– Подумать только, Геннадий, вчера своими глазами видел, как на центральном рынке Кандагара продавали молодую, красивую девушку за два барана!

Афганистан переживал очень тяжелые времена. Богатые афганцы отстаивали свое богатство от разграбления. Бедняки – свое доброе имя. И только мы – солдаты и офицеры 40-й армии, боролись неизвестно за что и за какие идеалы. Все, кажется, в Афганистане происходило по Блоку:

*И вечный бой!
Покой нам только снится...*

Стараясь отвлечься от тревожных мыслей, стал размышлять о том, почему Александр Блок поставил справедливого Иисуса Христа впереди кровожадных большевиков «в белом венчике из роз» и благословил

на расправу с Россией?

*...Запирайте этажи.
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба...*

Неожиданно мои тревожные мысли прервал тихий разговор двух незнакомцев. Они вдруг появились рядом с забором, в том месте, где были оторваны три доски. Зажегся свет электрического фонарика и тут же погас. Я отчетливо увидел двух мужчин, высокого — «Акрама» и низкорослого — «Фараха», они шли не спеша и разговаривали друг с другом. Чувствовалось, что они не догадывались об опасности, грозящей им, вели себя естественно и непринужденно, увидев «Зурапа», направились к нему, радостно заулыбались, стали приветствовать друг друга, целоваться.

«Все-таки пришли! — с облегчением подумал я. — Сейчас нужно внимательно слушать каждое слово «Акрама» и «Фараха», чтобы ничего не пропустить из разговора провокаторов с «Зурапом», обличающим их в связях с террористами и с кандагарским басмаческим подпольем».

— В Кандагаре начались массовые аресты наших товарищей по борьбе против режима Бабрака Кармаля, — услышал я голос «Зурапа», — поклянитесь вы оба, что не причастны к предательству и измене нашего святого дела!

— Клянусь хлебом, самым святым для каждого мусульманина, что я честен перед Аллахом и на мне нет следов предательства! — сказал с каким-то воодушевлением, напоминающим пафос молодого студента, «Фарах».

— Клянусь и я в том же, — повторил клятву «Акрам», — что на мне нет предательства. И чист перед тобой, как стеклышко.

— Ну, ладно, хватит об этом говорить, — твердо сказал «Зурап», — а все же как-то тревожно на душе, что продолжают аресты и расстрелы наших лучших товарищей по борьбе. А теперь прошу вас обоих доложить мне, все ли готово к взрыву ненавистного гнезда наших врагов и врагов ислама, советских мушеров-террористов?

— Все готово, — весело сказал «Акрам», — можешь не беспокоиться. Срыва не будет. Этой ночью гнездо разбойников с большой дороги запылает в огне, а сами террористы будут уничтожены. Мы их забросаем гранатами. Никто не уйдет от возмездия. Сейчас прямо отсюда мы направимся к «Мусомяки», там, в кустах, спрятаны три канистры с бензином, обольем дачу с тыльной стороны, где спят переводчики, они рано укладываются спать, это мы тоже учли, как и то, что комбриг Шатин снял с охраны «Мусомяки» бронетранспортер с экипажем десантников, ему эти десантники нужны для проведения военных операций, людей не хватает в бригаде, это мы знаем. Впрочем, что говорить и напрасно терять время. Часа через два-три ярким пламенем запылает гнездо врагов ислама.

— А ты, Млек Азиз, не забыл о деньгах за выполненную работу? — спросил «Зурапа» «Фарах».

— Не забыл! — строго ответил «Зурап». — Как только красный петух снесет яичко, каждый получит по пять тысяч американских долларов!

— Будь на то моя воля, я давно бы уже спалил это ненавистное гнездо, — сказал «Акрам», — а Генеди повесил бы на веревке.

— Хватит болтать попусту, — прервал его «Зурап». — Сейчас главное — сжечь всех мушеров во главе с полковником Генеди. Этим фактом мы покажем жителям Кандагара, кто здесь хозяин. Хозяева в Кандагаре, как и во всем Афганистане — это мы, афганцы, и никто другой. Что касается твоего предложения

повесить полковника Генади, это – заблуждение. На всех мушеверов не хватит веревок, если их вешать.

А главное, повешенные всегда оказываются выше своих палачей!

– Умница ты у нас! – отреагировал на слова «Зурапа» «Фарах».

– Умные слова и вовремя сказаны! – подтвердил «Акрам» слова своего товарища. «Акрама» прервал «Зурап»:

– Вы оба ведете себя, как назойливые подхалимы, – рассердился «Зурап», – больше шумите и льстите, чем делаете. От вас я жду только конкретных дел и больше ничего. За дела и плачу, а не за красивые слова, а вы многословите, рисуете мне, как ангелу, крылышки, чтобы я улетел на небо, не люблю я лесть, запомните это!

– Выше тебя не вырастешь! – стал оправдываться «Акрам». – Аллах дал тебе много разума, которого у нас нет, поэтому мы хвалим тебя.

– Я рискую собственной жизнью, поверил тебе, – сказал «Фарах» с пафосом, – знаю, что нам легко рассуждать, тогда как спрос за исход операции с тебя, но верь нам, мы сделаем все как следует и тебя не подведем!

– Вот что еще должен вам сказать, – снова послышался голос «Зурапа», – запомните русскую пословицу: «Не всяк спит, кто храпит!» Будьте предельно осторожны и внимательны. Не расслабляйтесь раньше времени. Вы идете на святое дело. Пусть вам поможет Аллах!

– Надо поскорее расправиться с этими русскими, – не сказал, а выпалил «Акрам», – с появлением на «точке» полковника Генади у меня не стало покоя на душе, так и кажется, что он все знает. Прошлый раз, когда он разговаривал со мной, я страшно нервничал, он не смотрел на меня, а прожигал насквозь, как рентгеновскими лучами. Я был готов повалиться ему в ноги и во всем признаться, но, к счастью, пронесло. Он похвалил меня за работу и подарил газовую японскую зажигалку, вот она. На черном рынке ее стоимость около двухсот долларов. Щедрый мужик, но очень опасный, его я боюсь.

– Ну, все, друзья, – тихо, но твердо сказал «Зурап», как бы подводя итог встречи, – меня не ищите, я сам вас найду через пару дней. А теперь за дело. До свидания, друзья.

Стали прощаться. «Акрам», а следом за ним и «Фарах» медленно побрели к забору, где были оторваны три доски, чтобы пролезть и незаметно исчезнуть в ночи.

Но исчезнуть в ночи им было не суждено. Раздались один за другим два выстрела из пистолета с глушителем, похожие на чуть слышные хлопки, и все смолкло. Стрелял «Зурап». «Фарах» был убит, а физически сильный «Акрам» был только ранен. Он подавал признаки жизни, истекая кровью, но сумел вытащить наган из засаленного халата и попытался выстрелить в «Зурапа», но не успел. На помощь подоспел Хаким, выбил ударом ноги наган из рук «Акрама», сказал «Зурапу» – добей его.

– Предатель! – еле слышно сказал «Акрам» и плюнул в лицо «Зурапу». – Пусть Аллах покарает тебя за нашу кровь!

«Зурап» выстрелил. «Акрам» затих на траве.

Хаким вытащил из кармана колоду игральных карт и разбросал их на тела убитых террористов, сказал:

– Пусть думают, что произошла ссора, и смерть на бытовой почве, из-за денег! – и, обращаясь к «Зурапу», добавил: – Сделай по одному контрольному выстрелу в голову «Акрама» и «Фараха», не дай бог, если кто-то из них одыбается, тебе не сдобровать.

«Зурап» исполнил команду.

– Теперь всем в машину! – приказал я.

– Лихо у вас все получилось, товарищ полковник, как в кино, – сказал Саша Григорьев, – Однако, когда такое случается наяву, намного страшнее и интереснее!

– Вот что, Саша, – сказал я водителю, – для тебя работа только начинается. Как тебе уже было сказано, если ворота городка ООН закрыты, тарань их на скорости, а теперь вперед!

– Время не ждет! – добавил Саша.

– Правильно, Саша. Время не ждет!

Счастье на этот раз было на нашей стороне. Ворота городка ООН были открыты, на ночь они не закрывались, и машина без труда проскочила на трассу. Через несколько минут мы уже были дома, в «Мусомяки».

Молчавший всю дорогу майор Собин заговорил:

– Видать, самой судьбой быть мне террористом, – сказал он, тщательно подбирая каждое слово. – «Акрам» и «Фарах» – это мои кровные враги – уничтожены. Спасибо командиру, что он спас нас от верной смерти!

– Говори спасибо «Зурапу», его в агентурную сеть вербовал майор Саротин, твой закадычный друг и побратим. Вы, Собин и Саротин, – главные виновники провала, который намечался, и возможной гибели всей группы! – сказал переводчик Ахмет. – Не было бы провокаторов в агентурной сети, не было бы и проблем.

Пока в «Мусомяки» шла незлобная перебранка между переводчиками и оперативными офицерами, Саша Григорьев по моему приказу отвез «Зурапа» в «Медузу», ставшую для него временным содержанием и заключением, без каких-либо удобств, но зато надежным убежищем от басмаческой мести.

«Зурап» выполнил все свои обязательства, и теперь следовало принять меры по его безопасности и переброске в Кабул, поскольку «Зурап» в категорической форме отказался покидать Афганистан.

Вскоре Центр сообщил, что на Млек Азиза выписаны соответствующие документы, для конспирации и надежности его фамилия была изменена. Мне предлагалось отправить «Зурапа» спецрейсом в Кабул, вместе с его семьей.

«Зурап» сиял от радости. Я также был доволен таким решением вопроса, что сдержал данное «Зурапу» слово.

«Зурап» обрел независимость и самостоятельность. В Кабуле «Зурапа» встретили наши люди из разведцентра, он какое-то время проживал на конспиративной квартире, отращивал усы, изменил внешность, манеру одеваться. Получил от Центра определенную сумму денег и занял одну из квартир, принадлежащую разведцентру. Там поселился с семьей и престарелой матерью. Жизнь «Зурапа» налаживалась.

Я продолжал находиться в Кандагаре и на какое-то время потерял связь о «Зурапом». Он выпал из моего поля зрения.

На одном из служебных совещаний я подвел итог работы оперативной группы, упомянул о провалах, дал понять, что провалы случаются не только по вине оперативных офицеров, но и переводчиков. Они знают язык страны пребывания и лучше могут понять душу разрабатываемого для вербовки, и обязательно должны на этот счет высказывать свое мнение, однако решать окончательно, как быть с разрабатываемым, должны только оперативные офицеры, поэтому и спрос с них.

Повод был хороший, чтобы целиком проанализировать всю работу оперативной группы, сказать

добрые слова в адрес тех, кто их заслуживал и, наоборот, высказать конкретные замечания, чтобы не повторять ошибок и упущений в работе «точки». Вся группа сходилась на том, что обстановка в Кандагаре была сложной, никто уже не предлагал, как раньше, «лечь» на дно и прекратить агентурную работу.

– В Кандагаре творится безумие насилия! – сказал переводчик Ахмет, самый опытный и заслуженный человек из состава «точки». – Афганский народ поднялся на борьбу, нам придется тяжело в этих условиях, но мы должны выстоять без потерь.

– Еще Ф. Ницше говорил, – сказал я, – что «безумие единиц – исключение, а безумие целых групп, партий, народов – правило!» Мы находимся в стране безумцев, они борются за свою свободу, что мы можем им противопоставить? Нашу организованность и дружбу. Продолжать работать, как работали, не расслабляться. Прежде чем что-то сделать, все обдумать, взвесить и только тогда действовать, но решительно и без оглядки назад. Только так мы сможем действовать без потерь и без срывов.

Авторитет разведчиков значительно вырос. Басмачи нас боялись, ненавидели и намеревались уничтожить. Пакистанская пресса вторгалась во внутренние дела Афганистана, называла вторжение Советского Союза в Афганистан авантюрой и клеймила нас позором. Я внимательно следил за прессой Пакистана, Ирана и США. Средства массовой информации этих государств выливали на головы 40-й армии ушаты грязи, включая деятельность глубоко засекреченных военнослужащих советских служб в Кандагаре. Это уже касалось нашей деятельности. Нас заметили. Но от этого нам не стало легче. За голову таинственного Генади давали уже пять тысяч американских долларов, кто его убьет или принесет голову в мешке.

С чьей-то подстрекательской подачи был пущен слух, что советские спецслужбы в Кандагаре убивают и мучают сотни людей в своих тюрьмах, включая солдат-отказников из Средней Азии, братьев афганского народа по вере. Намек был понятен – «Мусомяки», включая убийство «Акрама» и «Фараха», таинственное исчезновение «Зурапа» из поля зрения, одного из руководителей кандагарского подполья. Все, что проводилось силами ХАДа, приписывалось спецслужбам России, пытки, издевательства, убийства. По информации прессы – Карачи, на кандагарской таинственной даче, где проживают таинственные русские, находятся захоронения многочисленных патриотов Афганистана, убитых русскими варварами. Эта ложь, шитая черными нитками, воспринималась за правду. Якобы собаки раскапывают на таинственной даче кости убитых людей и растаскивают в зубах по окрестным местам, пугая крестьян и работников аэропорта, поскольку эти захоронения находятся рядом с Кандагарским аэропортом.

Одновременно с накатом лжи и дезинформации в черте города Кандагара появились многочисленные листовки, направленные на саботаж и свержение народной власти. Листовки, отпечатанные на хорошей бумаге за границей, называли советников из Москвы кровопийцами и первым из них комбрига Шатина, который, по словам этой пропаганды, и дня не мог прожить без человеческой крови, в основном крови младенцев, и поедал их печень, чтобы сохранить молодость.

Пакистанская пресса не обошла стороной и меня, изображала на страницах газет и журналов таким маленьким гномом с головой – капустным вилком, приставленным к шее, тонкой и длинной.

По-видимому, моих фотографий не было и меня изображали кем угодно, только не человеком, и трудно было, посмотрев на газетную карикатуру, сказать, кто это? Если бы не стояла подпись «полковник Генади – палач Кандагара».

Небольшие листовки антисоветского содержания можно было найти где угодно: на заборах, на улице, прямо на тротуарах и, разносимые ветром, они попадали в руки людей, восстанавливая против нас настроение общественности, и чтобы выжить, приходилось хитрить, быть постоянно начеку, изворачиваться ужом, даже притворяться незащищенной жертвой террора, которую только ленивый

басмач не может придавить, как дождевого червяка.

От своих источников информации я знал, что за группой разведчиков идет настоящая охота, как на волков, особенно за мной, командиром разведгруппы.

Вокруг нас расставлены красные флажки, и стоит только оказаться в зоне досягаемости охотников, как нас ждет верная смерть.

Каждый день и каждую ночь на «Дороге жизни» гибли советники, офицеры бригады, случайные люди. Их расстреливали в упор террористы-смертники. Жизнь военнослужащих превратилась в настоящий ад, постоянное ожидание смерти. Погибали в первую очередь люди, неподготовленные к войне, не умевшие маскироваться и ускользать из лап хищного противника. Террористы лучше нас знали город Кандагар, все тупики и узкие улочки, где можно уничтожить жертву, загнав ее в тупик, из которого нет выхода.

Я не сразу изучил кандагарские тупики. Изучение их по карте – пустая трата времени, и только оказавшись в самом Кандагаре, начинаешь «понимать» сложность своего положения. Оказавшись случайно в тупике, я понимал, что вот-вот капкан захлопнется – и нам конец. Но помогала интуиция, я заходил в первый попавшийся дом, разговаривал с хозяином, специально тянул время, чтобы служба наружного наблюдения смогла засечь эту встречу, и уходил, а назавтра узнавал, что хозяин этой квартиры арестован и сидит на колу без головы. Голова рядом, воткнута на прут.

Невесело об этом говорить, еще хуже – быть на месте жертв басмаческого насилия.

Фитиль афганской войны дымился, и густой дым застилал глаза, предупреждая, что в Афганистане идет кровопролитная война и не убит еще последний русский солдат.

Глава 4

Око за око

Я был бы достоин восстановить свободу

Риму, если бы Рим мог пользоваться ею.

Император Гальба

«Зурап» своим признанием обличил тайны кандагарского басмаческого подполья, внес неразбериху и хаос в его ряды, посеял страх среди басмачей, уничтожением бывших сподвижников «Акрама» и «Фараха», поставил под удар ХАДа десятки подпольщиков, действующих нелегально под прикрытием различных фирм в Кандагаре. Бросил гигантскую тень подозрительности среди членов кандагарского подполья и... словно растаял, как айсберг в теплых водах Гольфстрима, исчез, ушел в небытие, возможно, убит.

Однако в реальной жизни случайностей с исчезновением человека не бывает. Человек – не иголка, в стоге сена не спрячешь, не накроешь с головой шапкой-невидимкой. Жизнь – не сказка, а быль, и ничего в этой жизни сказочного нет. Оставшиеся на свободе главари кандагарского подполья, сумевшие выжить, улизнуть от ареста и скрыться, стали сопоставлять факты, анализировать, что же случилось на самом деле с кандагарским подпольем, почему оно было разгромлено и кто виноват? Факты – упрямая вещь, если они не отрывочные и не произвольные, они создают общую картину, предшествующую провалу. Однако не хватало многих деталей восстановления общей картины, а главное, куда делся «Зурап», что с ним случилось, и где он теперь, один из руководителей кандагарского подполья?

С исчезновением «Зурапа» появилось немало тайн, сплетен, догадок. Встал вопрос, кто сможет приоткрыть завесу исчезновения «Зурапа», и кто за этим стоит, чья разведка, США или России?

Пока в Кандагаре собирали факты, их анализировали, тайна исчезновения «Зурапа» не приоткрывалась, а закрывалась. Из Кандагара на поиски «Зурапа» направились в Кабул, Герат, Мазари-Шариф десятки басмаческих курьеров с единой целью если не отыскать «Зурапа», то напасть – хотя бы на его след.

Не буду утомлять читателя развитием событий вокруг «Зурапа», о них скупно сказал наш агент, будучи фармацевтом самой престижной фирмы по производству лекарств в Кандагаре, к нему обращались за лекарством все, включая лидеров басмаческого подполья. Один из них заявил открытым текстом, что приводит свой дом в порядок, убирает все ненужное, разыскивает тех, кто учинил в доме разгром! Намек на розыск лиц, причастных к разгрому кандагарского подполья, был понят нашим агентом, речь шла не обязательно о «Зурапе», а о ком-то еще, кто был причастен к провалу.

Догадки и вымыслы – одно, а реальность была такова, что «Зурап» находился в Кабуле, его судьба окажется в результате поимки мучительной и трагичной, нежели можно было только предположить.

Так вышло, возможно, потому, что «Зурап» был не до конца откровенен с военной разведкой, что-то утаил и в последующем нам не удалось его отгородить от мести тех, о которых знал только он один.

Оказавшись в Кабуле служащим коммерческого банка, «Зурап» изменил свою внешность, как ему советовали сделать, отрастил усы, бороду, стал носить очки, одевался богато и броско, казалось, никто не признает в располневшем служащем банка того худого и болезненного на вид «Зурапа», тем более что в это беспокойное время каждый горожанин Кабула думал, прежде всего, о себе, смотрел под ноги, а не на

лица людей, стремясь не упасть и не быть затоптанным толпой.

«Зурап», пройдя через многочисленные трудности и испытания, шагнул в новую жизнь, отказался от прежних политических взглядов, оставил за собой сожженные мосты и не хотел вспоминать об этом. Однако страх разоблачения мертвой петлей повис над «Зурапом», обжигал его шею, и короткие воспоминания прошлой жизни доставляли ему немало тревог и волнений. «Зурапу» очень хотелось в минуты расстройств и душевного кризиса оказаться маленькой мошкой и спрятаться в щель, где бы его никто не нашел.

Человеческая жизнь, хотя и долгая, всегда реализует одну возможность, отсекая другие варианты. Предсказать будущее нельзя, можно лишь сказать, что было в прошлом, и тот, кто может предсказать будущее – это пророк, но и он не сможет предвидеть все коллизии человеческой жизни до той поры, пока Бог не возьмет его в свое царство.

По долгу службы я через свои связи продолжал интересоваться жизнью «Зурапа», знал, что стоит нашим войскам покинуть Афганистан, начнется еще больший хаос, месть, многие лица, поддерживающие с нами связь, могут лишиться головы. Но «Зурап» стоял на своем и не хотел покинуть Афганистан ни при каких обстоятельствах. Кроме всего прочего, он боялся сибирских морозов и, несмотря на начитанность и интеллигентность, считал, что в России разгуливают по улицам медведи, хватают людей и тащат в берлогу, сдирают шкуру и этими жертвами питаются. Было странно слышать от взрослого человека такую чепуху, но он верил в то, что говорил, полагал на полном серьезе, что Россия – дикая страна, населенная воинственными русскими и медведями.

«Зурап» принял окончательное решение остаться в Кабуле и никуда не уезжать.

– Пусть все идет своим чередом, – говорил он спокойно своим тихим голосом, – что начертано самой судьбой и Аллахом, так и будет, от этого никуда не деться и не спрятаться. За все следует платить, включая зло, причиненное людям. В моих делах и поступках не все было согласовано с моей совестью и, понимая это, я готов нести любое наказание. Что сбылось в моей жизни, что не сбылось – об этом не тужу.

Трудности, через которые прошел «Зурап», не закалили его, а подорвали здоровье, силы уходили, прибавились седины. Не все нравилось «Зурапу» на новой работе в банке, он говорил: – Моя служба в банке – это огромное мошенничество ценными бумагами, – но продолжал работать, пристрастившись к спиртному.

К тому времени, пока «Зурап» находился в Кабуле, у меня было немало причин для внутренних тревог и волнений, кто-то погибал из друзей, знакомых, их гибель я воспринимал очень остро, как личное горе. Любая напрасно загубленная жизнь была для меня большим моральным испытанием и, кажется, по сей день, хотя прошли года, я хорошо помню, при каких обстоятельствах погиб тот или иной мой товарищ. Не заглядывая в свой походный блокнот, мог назвать их имена, фамилии и отчества. Память о павших священна, но не каждый начальник так думал и воспринимал гибель военнослужащих на поле брани. Привыкшие обходиться словами «не потерплю» и «разорю», эти начальники никогда не скорбели о гибели подчиненных. Считали, раз идет война, гибель солдат и офицеров неизбежна, и гнали военнослужащих в бой, как на скотобойню. Эти безразличие и тупость, как мать пороков, дорого обошлись России и Афганистану. Судьба десятков тысяч солдат и офицеров, загнанных в Афганистан, как в мышеловку, во многом напоминала судьбу узников ГУЛАГа и концентрационных лагерей, разбросанных на просторах Сибири и Дальнего Востока. Народ был статистом немых злодеяний большевистской партии, совершаемых втайне. История как пролог к диалогу повторялась в Афганистане на судьбах моих соотечественников, словно доказывая на многочисленных примерах, что зло вечно и с ним нельзя бороться, чтобы не причинить новое зло.

«Эти всегда, как дети, – говорил И. А. Бунин о большевиках и их зверствах, – и главная их черта – жажда разрушения».

«Жажда разрушения» в Афганистане была доведена до абсурда. Даже кровожадный король Филипп Второй и Жан Поль Марат не смогли перещегоолять большевиков, пожелавших строить свой собственный рай на костях и несчастье миллионов русских людей.

– А ведь я бросаю вызов советской власти! – размышлял я в минуты тягостных раздумий об итогах Афганской войны, тысячах погибших и искалеченных войной, включая афганцев, таких, как «Зурап», попавшего под жернова войны и смятого морально, идейно, физически.

Известно, что король Филипп Второй любил истязать кошек иголками. Кошек запирали в специальный ящик – клавишины, и король наблюдал за поведением кошек, наслаждался своей жестокостью. Кошки, как люди, плакали, а он уже думал о том, как будут вести себя люди, запертые в ящике вместо кошек.

Судьба готовила «Зурапу» свою «клавишину», не менее жестокую и злую.

Прошло около двух лет, как «Зурап» находился в Кабуле с того дня, когда я отправил его в афганскую столицу, а через месяц его семью, полагая, что прошлое «Зурапа» надежно спрятано на кандагарском кладбище и «Зурапа» никто не станет искать. Однако в реальной жизни бывает не все так, как задумано. Тайные и явные недоброжелатели «Зурапа», соприкасавшиеся с «делом «Зурапа», стали искать, как ищейки, куда пропал след «Зурапа», сделали вывод, что не все здесь чисто и поэтому можно из дела «Зурапа» иметь свою выгоду. Утечка информации о «Зурапе» и откровенное предательство ряда лиц приводили к тому, что тайное постепенно становилось обыденным делом, но только с привкусом смерти. Словом, подтверждалась старая, но не стареющая истина, что Восток – дело тонкое, и если умело подобрать ключи к любым тайнам Востока, они заговорят.

В конце апреля 1983 года обезображенное и обезглавленное тело «Зурапа» было обнаружено полицией в мусорном ящике кабульского торгового рынка, рядом со старой сосной, изуродованной взрывом гранаты.

На фоне нищеты, голода, изуродованных войной деревьев происходили жизненные коллизии афганских граждан, с такими же изуродованными судьбами, как судьба громадного валуна, лежащего на самом краю обрыва. Упадет громадный валун вниз сегодня или завтра, задавит кого-либо или нет, это никого не волнует, как и судьба каждого человека в годы войны.

Убитая горем жена «Зурапа» с трудом опознала тело мужа, изуродованное, без головы, изъеденное мышами и крысами. Она не была посвящена в «дело «Зурапа» и не могла понять, что же случилось с мужем, почему он убит и за что? Как бы ни был слаб голос жены «Зурапа», он был услышан новыми друзьями мужа и семье была оказана помощь. Однако угрозы расправы над семьей «Зурапа» не были лишены основания. Вначале какие-то люди разбили окна в доме вдовы, затем убили брата «Зурапа». Он был найден на площади с веревкой на шее. Чувствовалось, чья-то вражья сила подбирается к семье «Зурапа». Жена закрывала на ночь все двери на запоры, но покоя от этого не было, изнеможенная угрозами физической расправы, она засыпала лишь под утро, оберегая детей. Друзья «Зурапа» похоронили его тихо и скромно, без каких-либо почестей, с оглядкой на незнакомцев, пытавшихся закидать траурные носилки камнями. Похороны «Зурапа» напоминали смерть старого верблюда, донесшего свою поклажу до нужного места и сдохшего от усталости на глазах хозяина. Не было слез и речей, лишь желание положить в могилу мертвеца и закопать в землю, зарыть и не вспоминать, как страшный сон.

Однако трагедия семьи «Зурапа» на этом не закончилась, стал осуществляться нечеловеческий сценарий торжества зла, приведший в замешательство многочисленных соседей «Зурапа», ничего не знавших о тихом и скромном служащем банка.

Зловещие угрозы мести сбылись.

На пятые сутки после похорон «Зурапа» была зверски убита вся его семья: жена, трое детей и престарелая мать. Все они были изрезаны на мелкие куски, как мясник рубит мясо в своей лавке на продажу, а головы детей были воткнуты на деревянные шесты и выставлены для общего обозрения.

Кто убил «Зурапа», его жену, детей и его престарелую мать, так и осталось тайной за семью печатями. Восток любит надежно прятать свои тайны и оберегать их от любопытных глаз, предпочитая болтовне о справедливости наказания – кровную месть.

– Кто умеет молчать, тот святой! – говорят на Востоке, и в этих словах состоит вся мудрость, хитрость и боль Афганистана, такого непредсказуемого, разного и до конца не понятого, коварного, лживого, доброго и хитрого, злого и сердечного.

Загадочная смерть «Зурапа» привела меня к мысли провести личное расследование причины смерти и исполнителей наказания. «Зурап» какое-то время проживал рядом с иранским посольством в Кабуле и поддерживал связь с третьим секретарем посольства Ирана. Эта небольшая зацепка была единственным ключом к разгадке тайны гибели «Зурапа», но по мере расследования всех обстоятельств смерти «Зурапа» мне пришлось встретиться с третьим секретарем Ирана в Кабуле, с которым «Зурап» поддерживал какое-то время личные отношения. Третий секретарь не стал скрывать, что встречался с «Зурапом», но всякий раз при встрече многословил, говорил не по существу, словно боялся сказать всю правду о «Зурапе», которую знал.

На очередной встрече третий секретарь посольства предложил:

– Давайте с вами встретимся на том рынке, где был убит «Зурап»!

Я согласился.

В назначенное время я был на кабульском торговом рынке у того самого дерева, одиноко стоящего у ворот рынка, где было обнаружено тело «Зурапа», стал ждать третьего секретаря посольства, который запаздывал. Кабульский рынок, всегда шумный и крикливый, встретил меня тревожным ожиданием беды. Повсюду солдаты ХАДа и Царандоя, переодетые агенты службы национальной безопасности. Меня остановил офицер Царандоя, проверил мои документы и на мой вопрос: «Что здесь происходит?» ответил: «Будьте осторожны и внимательны, товарищ полковник. На рынке группа террористов. Они только что жестоко расправились с третьим секретарем посольства Ирана, неизвестно почему оказавшимся на этом рынке, пользующемся дурной славой. Здесь постоянно что-то происходит, кого-то убивает. Словом, остерегайтесь!»

В расстроенных чувствах, что погиб третий секретарь иранского посольства и ничего не удалось узнать о смерти «Зурапа» со слов иранского дипломата, я поспешно покинул рынок.

Афганское басмаческое подполье сурово карало предателей и изменников, но было совершенно не ясно, почему все-таки эта участь постигла третьего секретаря иранского посольства? В чем он провинился перед террористами, покаравшими «Зурапа»? Вопросов было много, но не было на них ответов, тем более что иранский дипломат был для Афганистана дружеским дипломатом, человеком единой веры.

Возможно, размышлял я, что третий секретарь иранского посольства был убит случайно, его приняли за кого-то другого и убили, а может быть, здесь нет никакой случайности, но сказать что-либо определенного о смерти дипломата было нельзя.

Шла в Афганистане гражданская война, ежедневно гибли сотни и тысячи людей, за что? Никто не мог сказать! Одни погибали от беспечности, другие – за идеалы, третьи – за личную выгоду.

Так случилось, что «Зурап» погиб.

«Зурап» своим предательством друзей по борьбе с режимом Бабрака Кармаля сумел выторговать жизнь и отсрочить смерть, но она все же настигла его, когда он ее не ждал, и покарала жестоко и безжалостно, когда, казалось бы, прошлое было забыто, а настоящее сулило много светлых дней в жизни.

«Зурапа» покарала рука судьбы. Прошное его настигло и лишило жизни. Это, пожалуй, все, что можно сказать о нем. Да, еще один, небольшой случай из его жизни, запомнившийся мне, когда я провожал «Зурапа» на аэродроме в Кабул. «В детстве, – говорил «Зурап», – у меня постоянно не было денег, а очень хотелось еще раз посмотреть кинофильм «Тарзан», где много красивых сцен природы, богатый животный мир, красивые артисты, особенно Тарзан. Киномеханик брал за просмотр фильма два яйца. У двери стояла большая корзина, и желающие посмотреть фильм бросали в корзину по паре яиц как плату за вход в зал. У меня на этот момент было только одно яйцо, но я знал, что одна из куриц должна обязательно снести яйцо, но она не торопилась, с испугом смотрела на меня, а я – на нее. Ей было не понять, что я опаздываю на просмотр фильма. Тогда я схватил курицу, подавил ее, чтобы выкатилось яйцо, курице это не понравилось, она закудаhtала, привлекла кудаhtаньем внимание бабушки, которая схватила палку и отстегала меня».

С хорошим настроением «Зурап» покидал Кандагар, мы пожали друг другу руки и расстались, как друзья. Кто знал, что все так плохо кончится? Никто. У подполья были длинные руки, и они достали «Зурапа» и отомстили ему за все.

Вскоре после того как я проводил «Зурапа» в Кабул, был убит один из самых ценных наших агентов по кличке «Шериф». Ему, как и «Зурапу», отрезали голову. Кому-то из главарей кандагарского подполья очень нравилось срывать головы с плеч и устанавливать их на деревянные шесты, как было с детьми «Зурапа», устрашая этими мерами людей, сотрудничавших с народной властью.

Исполнителями мести за измену и предательство были «стражи ислама», жестокие и коварные люди. Об их существовании я знал, но мне не приходилось увидеть кого-нибудь из них, посмотреть им в глаза, спросить, какая мать их родила на свет и где они черпают столько ненависти и зла к людям? Вскоре возможность увидеть своими глазами одного из «стражей ислама» мне представилась совершенно случайно. Я был явно поражен, увидев перед собой настоящего красавца, одетого с иголки, как денди, характеризуя его словами поэта, никак не злобного и отвратительного человека, носителя зла со звериным оскалом волка, как представлялось мне ранее.

Чудом уцелел наш информатор «Чабан», который вырвался из басмаческих лап в результате оплошности охранника, смог бежать. Когда «Чабан» предстал передо мной, я с трудом узнал его. На нем не было живого места. Пальцы правой руки отрублены и лежали у него в кармане, левое ухо надрезано ножницами, между пальцами ног вбиты деревянные иголки. Он смог опознать только одного из палачей и потерял сознание. Кровь хлынула из глотки, и смерть вошла в его мозг. «Чабан» никого не узнавал и объяснялся лишь на языке жестов, повторял бессвязно три слова: «Ворон», «Басмач», «Мулла».

«Что бы могли означать эти слова?» – размышлял я после очередного посещения кандагарского военного госпиталя, куда был помещен «Чабан».

Распадающееся тело «Чабана» издавало отвратительный запах гнили, и все, кто входил в палату, где лежал больной, старались долго не задерживаться там и поскорее уйти под любым предлогом, чтобы не дышать гнилью.

«Чабан» потерял всякую надежду на жизнь, лишь повторял слова: «Ворон», «Басмач», «Мулла».

– Бредит? – спросил я лечащего врача госпиталя.

– Не похоже, что бредит! – ответил он. – Пульс в норме. Жар начал спадать. В его словах что-то есть реальное и загадочное, но что? Этого мы пока не знаем, а он не может объяснить, что значат эти слова.

– Скажите, доктор, кто кроме меня посещает больного?

– Посетителей мало. Этот больной не приносит нам много хлопот, как другие, числом посетителей, если бы не отвратительный запах, идущий от рваных ран, но я полагаю, что постепенно этот запах сойдет на нет, как только раны начнут подсыхать. А насчет посетителей должен заметить, что только вчера в госпиталь зашли под вечер три молодых человека, хотели попроведать своего товарища, но он был выписан накануне. Чтобы пакет с колбасой и сыром не пропал, они оставили его этому больному, сказали: «Не нести же домой обратно. Пусть этот бедолага съест и, даст бог, поправится!»

Мне показалось, – продолжал доктор, – что такой жест молодых людей не уместен, тем более что сейчас в Кандагаре не так-то просто купить сыр или колбасу, а если удастся купить, то за очень большие деньги, народ ест кошек, собак, а тут такой широкий жест. Когда незнакомые люди ушли, я вспомнил, какое большое внимание вы уделяете больному, решил дать маленький кусочек колбасы собаке, она съела и на моих глазах сдохла. Так что, товарищ полковник, ваш клиент кому-то не дает покоя и, по-видимому, очень мешает спокойно жить. Эти люди не оставляют его без внимания даже в госпитале.

– Как выглядят эти трое?

– Все трое веселые, улыбчивые, лет по 25, не больше. У одного из них я заметил на запястье правой руки незначительный шрам. К сожалению, товарищ полковник, это, пожалуй, все, что я могу сказать, – заявил доктор и добавил: – Но если бы кто показал фотографии этих людей, я смог бы их опознать.

Назавтра «Чабан» почувствовал себя плохо. Он метался в предсмертных судорогах, и чтобы хоть как-то облегчить участь умирающего, я пригласил в госпиталь местного муллу, молодого, красивого человека.

«Чабан» тяжело дышал, однако был в своем уме, крепился, хотя с трудом открывал глаза, и, когда увидел перед собой муллу, пришедшего к умирающему, чтобы снять грехи, почувствовал душевное облегчение. «Чабан» жутко закричал, что с ним никогда не случилось. Глаза налились кровью, он приподнялся на руках от подушки и схватил из последних сил муллу за одежду, затем за бороду, оказавшуюся приклеенной, и оторвал ее, потерял сознание, еле слышно прошептал: «Это «Мулла», нет только «Ворона» и «Басмача».

Через час «Чабан» скончался. Надежды не оправдались, что «Чабан» поправится. Служба государственной безопасности – ХАД держала в своих руках нити глубоко законспирированной организации «стражи ислама», самой кровавой и решительной из всех организаций Афганистана на моей памяти.

Мнимый мулла оказался одним из руководителей басмаческого подполья, его совершенно секретного крыла «стражи ислама». Мулла по приказу руководства приводил в исполнение приговоры подпольного комитета кандагарского подполья, убивал и расстреливал неугодных людей, проделывал это жестоко, быстро, умело, не привлекая к своей особе никакого внимания.

В ХАДе муллу быстро разговорили, он дал ряд ценных показаний, но руководство ХАДа, кажется, недооценило фанатизм «стражей ислама». Оставленный на ночь в одиночной камере и прикованный цепью к стене, мулла нашел в себе силы и разбил голову о тюремную стену. Под утро его нашли мертвым.

Другой арестованный, на которого показал мулла, имел подпольную кличку «Ворон». От него ХАДу ничего не удалось узнать. Кто-то в ХАДе передал «Ворону» нож, и «Ворон» вскрыл себе вены и умер в собственной крови.

Приходилось тщательно беречь арестованных террористов из секретного крыла «стражи ислама», чтобы они уходили из жизни не раньше положенного срока.

Ни «Мулла», ни «Ворон» ничего не сказали, кто такой «Басмач». Приходилось строить догадки,

фотографировать молодых людей, попавших под подозрение, и их фотографии показывать доктору, который лечил «Чабана» и видел троих террористов, запомнил их внешность, но всякий раз доктор говорил, что на фотографии запечатлен не тот человек, которого он видел однажды.

Террор, как и проституция, это известные составляющие любого режима, причем самые неуважаемые, но так необходимые в любом обществе. Террористами, как правило, становились люди риска, готовые идти ва-банк и достигать цели любой ценой. И если террорист, кроме всего прочего, обладает еще и привлекательной внешностью, ему нет цены, он стоит целой армии.

Террористами часто бывают люди, имеющие проблемы с местным законодательством, и чтобы выбиться в люди, они берут в руки оружие и стреляют, защищают свою честь или зарабатывают деньги, убивая по заказу.

Мне так и не удалось что-либо узнать после смерти «Чабана», что могло означать слово «Басмач», которое повторял много раз перед смертью «Чабан». Вполне возможно, что он называл басмачами «Муллу» и «Ворона» и под кличкой «Басмач» никто не скрывается. Доказано, что «Чабана» пытали двое: «Мулла» и «Ворон», от пыток и издевательств он и скончался. Может быть, был еще кто-то третий, но личность этого третьего не удалось установить.

«Мулла», «Ворон», «Зурап» и другие – это продукты своего времени и своей эпохи, как и упомянутый француз Видок. Их разделяют века и десятилетия, но они существуют всегда и при любых режимах являются реальными персонажами, а не вымышленными героями. По внешнему виду их невозможно заподозрить в чем-то плохом, что они живут двойной жизнью и моралью, но, находясь постоянно под прицелом закона, они считают каждый прожитый день заслугой Бога и радуются, как малые дети, новому дню, что на свободе и живы, а не в застенках тюремной камеры.

Однако наступает развязка, и участь каждого одна и та же, трагична, как падение на дно пропасти Кабры, откуда нельзя выбраться живым и невредимым. Всех этих людей объединяет родство душ, ненасытное тщеславие, эгоизм и презренная зависть Иуды.

Благодаря ряду конкретных мер, предпринятых оперативной группой, в Кандагаре были уничтожены очаги подпольного сопротивления частям 40-й армии, арестованы и убиты опытные террористы, которые держали Кандагар в каком-то оцепенении и хаосе. Местные жители Кандагара не могли понять, что произошло в городе, разводили только руками, говорили друг другу: «Даже не верится, что в Кандагаре может быть так тихо и спокойно, как при монархе, не слышно выстрелов по ночам и омерзительных криков: «Караул убивают!», словно война кончилась и настал долгожданный мир».

Кандагарское басмаческое подполье, потеряв значительную часть своих кадров, на какое-то время притихло, потеряло свою эффективность действий, большинство террористов забились по щелям до лучших времен, стали зализывать полученные раны и увечья, как злобные волки, но подполье не бездействовало, перестраивало свои ряды. Из Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии подтягивались в Афганистан новые члены организации, прошедшие переподготовку в военных лагерях Пакистана, с помощью их затягивались узелки порванных басмаческих паутин и связей, подполье выходило на новые рубежи, избавляясь от балласта и сомнительных элементов.

В период некоторого затишья террористической деятельности в Кандагаре переводчик Хаким заметил:

– Даже торговцев краденого поубавилось на базаре!

Басмаческое подполье получило предметный урок, но не сошло на нет из-за постоянной помощи со стороны соседних с Афганистаном государств, но и оперативная группа за этот период активной борьбы с басмачами и подпольем потеряла немало своих осведомителей, доверенных лиц и агентов. Если басмачи

быстро восстановили свои ряды за счет людских ресурсов, то кандагарская оперативная группа продолжала оставаться в том же количестве – семь человек, включая водителя Александра Григорьева. Нам помощи было ждать неоткуда. В Кабульском разведывательном центре не хватало разведчиков. Центр нес постоянные потери в живой силе, а оставшаяся часть Центра была забита балластом, не представляющим никакой ценности, состояла из пьяниц и трусов, которых не знали куда деть. Отсутствие кадровых разведчиков приводило к тому, что на ряде «точек» было всего по 3–4 оперативных сотрудника, а если они погибали, «точки» закрывали и резервировали для пополнения других «точек».

Тревожно было на душе по весне 1981 года. Кандагарское подполье и басмаческие отряды затаились, чувствовалось, что следует ожидать в ближайшие дни басмаческой активности.

– Наш командир стал знаменит, – сказал обо мне переводчик Ахмет, – западная пресса посвящает ему целые заголовки газет, называет «Пиночетом» или «Пол-Потом», обещают большие деньги за его голову, поэтому следует ждать от басмачей ответных ударов, прежде всего по разведгруппе.

Ожидание чего-то плохого – хуже самой беды. Ряд наших агентов, засланных в басмаческое подполье, провалились или отошли от активной работы, связь с ними была потеряна. Отсутствие информации о состоянии басмаческого подполья и планах басмачей создавало некоторую нервозность среди разведчиков. Мы выезжали на встречи с рядом агентов, рисковали собой, а они не выходили на контакт с нами, что говорило об их провале.

Мы – разведчики, были уязвимы в чужой стране, за нами постоянно кто-то следил и сообщал о наших перемещениях по городу Кандагару. Если нам не удавалось обнаружить за собой «хвост», басмаческие осведомители шли следом за нами и контролировали все наши контакты. Вскоре оказывалось, что наши агенты или доверенные лица были убиты под пытками. Так и оставалось неизвестно, что удалось узнать басмаческому подполью о нас, и это сильно тревожило разведчиков и настораживало, что мы раскрыты перед противником, который, если не все, то уж точно многое знает о нас и, возможно, контролирует нашу деятельность, загнав нас под свой колпак.

Глава 5

Хаос в головах

*Суждены нам благие порывы,
Но свершить ничего не дано.*

Н. Некрасов

Весна в Кандагаре была бурной и активной. Природа пробуждалась от зимней спячки и радовалась приходу весны. Повсюду звенели ручейки, пели птицы, появилась первая травка.

Весной особенно не хотелось думать о смерти и о чем-то плохом.

Шел второй год гражданской войны в Афганистане. 40-й армии так и не удалось взять под контроль афганский народ. На его покорение уже не было и надежды, как и на прочном закреплении на территории Афганистана.

Еще Талейран говорил Наполеону Бонапарту: «Штыки, государь, годятся для всего, но сидеть на них нельзя!» Это мы почувствовали на себе, что сидеть на штыках 40-й армии было невозможно.

Саурская революция на первый взгляд такая тихая и спокойная, без многочисленных лозунгов и транспарантов, зато с красными нарукавными повязками и кокардами у сторонников народной власти, они-то и наделали в Афганистане столько шума и звона, хаоса и беспорядка, что разбирать завалы революции придется не одному поколению афганцев, а все оттого, что учителями Бабрака Кармаля были не Гегели и Кромвели, а Брежневы, Сусловы и Устиновы. Люди лживые и ограниченные, чему они могли научить Кармаля? Колхозному строительству, уравниловке, трудодням вместо денег...

Ввязавшись в войну в Афганистане, мы, разведчики, понимали ее пагубность и ненужность, но чтобы 40-я армия имела как можно меньше потерь в живой силе и технике, прокладывали армии путь, убирали с ее пути камни, мины, завалы. Мы были первопроходцы. Над нами постоянно парили высоко в небе мощные грифы, преследовали и шли за нами по пятам, наблюдали с высоты полета и, как принято стервятникам, караулили свою жертву, чтобы поживиться кровью, когда кто-то из нас упадет и станет прахом.

Армия терпела поражение. Так бывает, когда правители – мошенники, а генералы – дурни.

Современник Саурской революции Иоанн-Павел Второй сказал: «Не бойтесь открыть Христу границы!», а другой современник Саурской революции, Л. И. Брежнев, закрыл границы Христу и открыл двери войне, а все оттого, что забыл Христа. Как не похожи эти два человека: Брежнев и Иоанн-Павел Второй своими делами друг на друга, хотя жили в одно время и были современниками! Брежнев проповедовал зло и насилие, Иоанн-Павел Второй – мир и добро. За каждым из них стояли люди, исполнители добра и зла. Как всегда, исполнителей зла оказалось больше, это доказывало, что зло вечно.

В оперативной группе разведчиков тоже было не все благополучно. По общему мнению большинства членов группы разведчиков, носителями зла были два майора – Собин и Саротин, пьяницы и дебоширы; они интригами и кляузами на бывшего командира «точки» – подполковника Василия Пронина, «вынудили» командование Центра снять его с занимаемой должности, разжаловать и отправить в Читу, самый отдаленный гарнизон. Жизнь и карьера Пронина, человека честного, но слабохарактерного, была измята и сломана этими офицерами, которым самим захотелось покомандовать «точкой», но не удалось – прислали из Центра меня. А Василий Пронин не выдержал испытания на подлость, застрелился в карауле.

Его смерть лежит на совести Собина и Саротина – этих двух негодяев.

Как положить конец интригам и зависти? Приходилось отвлекаться от поставленных задач и решать вопросы воспитания подчиненных, устыдить их, что нельзя быть непорядочными и строить личное благополучие на несчастье других.

Я собрал оперативную группу, для начала рассказал своим коллегам по работе древнегреческую басню о лягушках и Зевсе. Согласно этой басне, Зевс откликнулся на просьбы лягушек дать им лягушечьего царя, сильного и деятельного. Зевс, недолго думая, бросил в болото, где обитали лягушки, громадный чурбан. Лягушки присмирели, перестали квакать, когда от чурбана, упавшего с большой высоты в болото, пошли громадные волны в разные стороны, но вскоре они увидели, что чурбан не шевелится, осмелели, расквакались, уселись на чурбан и снова потребовали от Зевса лягушечьего царя, более деятельного и строгого, чем чурбан. Зевс рассердился на лягушек и послал им царем громадного Змея, который и сожрал всех лягушек.

Собин и Саротин сдержанно выслушали басню о лягушачьем царе. Кажется, все поняли, узнали себя, когда они потребовали от начальника Кабульского разведывательного центра полковника Шамиля более деятельного командира, чем Пронин, из-за мягкотелости и личной несобранности которого, по их мнению, не ладится работа на кандагарской «точке». Шамиль принял во внимание жалобу Собина и Саротина, и никого из них не назначил командиром «точки», а направил на «точку» меня командиром. Я стал требовать от личного состава оперативной группы точного и беспрекословного выполнения всех моих распоряжений, запретил пьянство. Это не могло понравиться Собину и Саротину, и они взвыли, стали искать повод, чтобы устранить меня, не получилось. Более того, они сами чуть было не угодили, как куры во щи, и только разоблачение «Акрама» и «Фараха» – оборотней в сети разведки, спасло жизнь разведчикам.

– Вы, командир, кажется, нас с Саротиным неправильно поняли, – сказал майор Собин.

– Понял, и даже очень правильно; поэтому предупреждаю – не доведите меня до крайности, как в случае со Змеем, который всех лягушек сожрал.

– Командир, только поначалу мы с майором Собиным полагали, что вы в вопросах разведки – профан, – признался майор Саротин, – поэтому не все, что вы говорили, воспринимали с должным почтением, теперь убедились, что ошибались, и просим больше не заострять внимание на этих ошибках. Не держите на нас зла!

Такова уж природа всех негодяев – вначале выжидать и прицеливаться к выбранной жертве и только потом больно жалить, нанося ей смертельный удар. Однако Собин и Саротин почувствовали, что я не чурбан, брошенный Зевсом в болото, чтобы напугать лягушек, а боевой офицер, прошедший суровую школу войны в Африке, доказал работой свою профессиональную пригодность, не позволяя никому садиться на себя, как на чурбан, и единственно, что оставалось злопыхателям – ждать, когда я упаду, чтобы затоптать меня в грязь.

За непродолжительный период времени работы в Кандагаре я хорошо узнал своих подчиненных, чего нельзя сделать в условиях мирного времени, а на войне каждый человек на виду и можно судить по его делам, чего он стоит.

Сопоставляя документы личного дела с поведением офицеров на «точке», я приходил к заключению, что в личных делах Собина и Саротина правды нет. Им выдали положительные характеристики, чтобы вытолкнуть пьяниц и дебоширов из части в Афганистан на исправление, понимая, что с отрицательной характеристикой возникли бы дополнительные вопросы к командирам тех частей, откуда прибыли офицеры в Афганистан. Липовые характеристики на Собина и Саротина возымели силу, и офицеров

поставили на высокие должности.

Физиономия майора Собина, пустая, как нежилой дом, была неброская, незаметная, можно было пройти рядом с Собиным и не обратить на него внимания. Так же невыразительно выглядел его «кореш», майор Саротин, единственно, что отличало Саротина от Собина, это запах гнили, идущий изо рта от зубов, торчащих восклицательным знаком, как у крокодила. По гнилому запаху можно было безошибочно определить, что Саротин находится рядом и где-то тут прячется.

Кажется, общая гниль и водка объединяли этих двух людей, влюбленных в пороки и недостатки друг друга. Они на людях демонстративно целовались, обнимались и с вечера до утра уединялись в своей комнате, как говорил переводчик Ахмет, – прочищали друг другу мозги, а может, что-то другое.

– Война – это развлечение для настоящих мужчин, – говорил майор Собин переводчикам. – Война помогает убрать с глаз долой хандру, скуку и прокипятить кровь в жилах. Без этой войны я был бы падшим человеком!

– Мне плевать на жизнь, – вторил майору Собину майор Саротин, – я со смертью давно на «ты», она меня страшится и обходит стороной.

Майор Собин прибыл в Кабульский разведывательный центр одним из первых, когда никакого разведцентра еще не было, даже не было помещения, и все разведчики жили в палатках, мерзли зимой, задыхались от жары летом. Собин недолго пробыл в Кабуле, его направили в Герат и там он «сдружился» с такими же людьми, готовыми украсть, как он сам.

Афганцы до русского вторжения в Афганистан не имели привычки закрывать на замок свои двери, воровства не было, в каждой семье был достаток, конечно, не было изобилия, но в городах и кишлаках люди жили неплохо, сытно. С войной это все кончилось. Начался террор, насилие, грабеж местного населения и караванов богатых купцов, идущих из Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии. В грабежах активно участвовал майор Собин. Он уничтожал караваны верблюдов, убивал погонщиков и купцов, завладевал богатством и награбленное делил по-братски.

Лилась кровь невинных людей, как водица, они не могли понять, что происходит в стране, бросались бежать, где можно было укрыться от варварства и разбоя, но таких мест практически не было в Афганистане, тогда бросались в Пакистан. Появились узники совести, ставшие в последующем осведомителями или агентами майора Собина. Беседуя с ними, он горько плакал, проливал крокодиловы слезы, чем обезоруживал афганцев, поверивших в искренность его чувств, работа по вербовке шла на «ура», появились некоторые успехи в работе Собина, но одновременно из Герата стали поступать многочисленные жалобы на Собина, что он не столько борется с басмачами, сколько грабит купеческие караваны и убивает ни в чем не повинных людей. Собин был срочно отозван из Герата в Кабул, где во всем признался Шамилю, тот его простил, предварительно получив чемодан награбленного добра, включая золотые украшения, персидские ковры, бриллианты и богатые шубы. Шамиль укрыл Собина от суда и вскоре отправил в Кандагар.

Здесь, в Кандагаре, майор Собин впервые встретился с майором Саротиным и переводчиками Ахметом и Хакимом.

С прибытием в Кандагар майора Саротина пьянство удвоилось. Офицеры быстро нашли общий язык. Пьянство укоренилось, стало нормой поведения, а слабовольный подполковник Пронин ничего не мог сделать с «побратимами» и лишился должности, был отозван в Кабул.

Пьяные офицеры пугали переводчиков, стреляли по ночам по их окнам, требовали денег на водку, а однажды переводчик Хаким плясал под дулом пистолета всю ночь, пока не упал от изнеможения и усталости.

Собин и Саротин, несмотря на мой запрет прекратить пить водку, продолжали пьянствовать, полагая, что никто ничего не узнает.

Мне было жаль этих падших людей, находящихся в моем подчинении, особенно майора Собина, испорченного войной. Его жена, Мария, ушла от него к другому, а двое детей, мальчик и девочка, оказались у престарелой бабушки в деревне, при живых родителях. Жена отказалась от них. Когда бабушка умерла, детей поместили в интернат. Возможно, что из-за семейных неурядиц майор Собин стал пить, что, естественно, не прошло незаметно для командования части, где служил Собин. Выговор по службе сменился строгим выговором, затем служебным несоответствием занимаемой должности и, кажется, быть майору разжалованным и уволенным из армии, если бы не подоспел Афганистан, куда его отправили, чтобы там он сложил свою буйную голову.

Теперь майор Собин оказался в моем подчинении. Он уже не мог обходиться без водки и наркотиков. Болезнь прогрессировала. По утрам Собин был совершенно больным и беспомощным человеком. Руки тряслись, как в лихорадке. Он вздрагивал всем телом при любом стуке или выстреле, обливался холодным потом, хватался за пистолет или автомат Калашникова, падал на пол, воспринимая ситуацию всерьез, как в бою, занимал круговую оборону и готовился отстреливаться от нападавших басмачей. Они ему снились по ночам и причиняли много хлопот.

Когда майор Собин успокаивался и нервный срыв проходил, он плакал, как малое дитя. Просил у переводчиков денег на водку, ворчал, что они не дают ему денег, называл их «туземцами», «дикарями».

Такие отношения майора Собина с переводчиками я еще застал по прибытии на «точку», переводчики по-прежнему боялись Собина и Саротина, но уже не на столько, как раньше, но все равно страх присутствовал в их отношениях с ними. Пьянство, как зло, разъедало нервную систему Собина, он продолжал пить. Даже свежие могилы «Акрама» и «Фараха» ничему не научили его. Ведь вместо них, он должен был лежать в гробу, его убийство входило в планы агентов-оборотней.

– Я хочу умереть молодым! – часто говорил Собин переводчикам – и те немели от страха, не знали, что сказать майору. – Все мертвые – ровесники, – продолжал он, – стоит вас пристрелить, папуасов, и вы навсегда будете молодыми у Аллаха. Для мертвых нет национальностей, есть только один Бог на небе. После таких слов переводчики запирали двери на ключ и ложились спать под кровати, спали по очереди, напроочь забыв, что им было приказано спать на кроватях, как людям, уважающим себя.

Майор Собин вел себя с переводчиками раскованно.

– Хороший человек – это тот человек, рядом с которым свободно дышится, – говорил он. Переводчики молчали, не знали что и думать, о каком хорошем человеке говорит майор Собин.

– И кто этот человек? – спрашивал Собина Микаладзе.

– Полковник Шамиль, начальник Кабульского разведцентра.

– Рыбак рыбака видит издалека, – смеясь, сказал прапорщик Микаладзе, – еще не известно, сам-то Шамиль считает тебя хорошим человеком или нет?

– Уймись, Микаладзе. Не ровен час – пришибу! – взрывался майор.

– Тебе, майор Собин, я поостерегся бы передать на хранение свои деньги как закоренелому карманнику. Пропьешь, – не унимался Микаладзе.

Собин соскакивал с места, пытаясь чем-то ударить прапорщика, начиналась потасовка, лишь мое присутствие останавливало спорщиков, они расходились по углам до очередного раунда перебранки, накапливая огонь неприязни друг к другу.

Поведение майора Собина нельзя было назвать предсказуемым. Он в минуту наркотического дурмана мог совершить любой необдуманный поступок, и это настораживало всех. Его жизнь, запутанная и нелогичная, как замысловатый рисунок ковра, что висел у кровати Собина, имела больше вопросов, чем ответов.

– Скучно жить на этом свете, господа! – говорил Собин, повторяя утверждение Н. В. Гоголя и, чтобы развеять скуку, приглашал в свою комнату переводчиков, спрашивал их, что могут означать на его ковре замысловатые узоры?

– Это вот что, – спрашивал Собин Хакима, – рог буйвола или другого зверя? Говори! Ты не видишь рог, а почему я тогда вижу? Уж не черт ли ты, Хаким?

Затем Собин задавал тот же вопрос переводчику Ахмету. Переводчики, не смея возразить майору, стояли у его кровати и молчали, ждали, когда он уснет и отпустит их к себе в комнату.

– Война нам нужна, – философствовал майор Собин, – чтобы скорее избавиться от тех, кто притеснял нас. – Можно убить на войне отца, мать, брата, чтобы завладеть наследством, можно убить вас, папуасы, чтобы выпотрошить карманы, на то и дана война. Будет время, когда такие, как Санчо Пансо, перережут горло донкихотам и захватят их имущество. Поэтов в Афганистане не станет, будут лишь мясники и убийцы. Им все дозволено. Любовь станет грехом. Грамотных людей не станет. Они не нужны. Вот к чему идет Афганистан, а значит, и мы.

У переводчиков с большим трудом просыпался бунтарский дух. Страх перед майором Собиным давил на психику, делая их послушными рабами своего господина. Он издевался над ними, называл разными бранными словами, а они молчали и терпели унижения, говорили: «Лучше плохой мир, чем хорошая ссора!» Так и жили до моего прибытия. Но и с моим приездом в Кандагар больше норовили спрятаться под кровать, чем спать, как все нормальные люди, на кровати.

Только прапорщик Микаладзе, кажется, не боялся Собина и Саротина, говорил:

– Вы, господа офицеры, не выживете в этой войне, если не отрезвеете.

Обстановка в оперативной группе была ненормальной, и это было видно невооруженным глазом. Переводчики оперативных офицеров за глаза называли нехристями, гоголевскими персонажами Добчинским и Бобчинским за сатанинскую дружбу и родство душ. От Собина и Саротина всегда можно было ожидать пошлость, грубость и непристойную брань по отношению к нижестоящим по служебной лестнице, и строили свои отношения по чину, как персонажи заштатного Миргорода.

При всем неуважении к майору Собину как к человеку и офицеру не могу не отметить его исполнительность чужой воли и недобрых идей. Он был готовым террористом и одновременно провокатором, что в условиях войны очень опасно для тех, кто пользуется его услугами, а также кто стоит ниже его по служебной лестнице.

– Я чем-то напоминаю юродивого, – часто говорил Собин в беседе со мной, – юродивых, как известно, щадят, что бы они ни делали и ни говорили. Так поступал русский царь Иван Грозный, Борис Годунов. Так поступает полковник Шамиль, начальник Кабульского разведывательного центра. Одним словом, не трогайте меня, я божий человек, которому дозволено все.

А полковник Шамиль не трогал его, полагал, что он может для чего-то пригодиться, когда появится в нем нужда. Чтобы быть объективным до конца, не могу не дать характеристику другому офицеру оперативной группы разведчиков, майору Саротину, он мало чем отличался от Собина. Та же нахрапистость, грубость, неуживчивость. Так и казалось, что офицеры имели родственные корни, вышли из-под одного хвоста, как два хищника, не привыкшие ладить с людьми.

Майор Саротин, оказавшись в Афганистане, не пошел прямой дорогой, как большинство честных и порядочных офицеров разведки, а приноровился к колее насилия и террора сильного над слабым, пошел за Собиным, став на путь преступлений и разбоя. Летчики уничтожали богатые караваны купцов, действуя если не в сговоре с майорами Саротиным и Собиным, то втянутые обманом. Майор Саротин выбирал цель, летчики выходили на эту цель, уничтожали ее, затем под видом захвата басмаческого оружия высаживался десант, но, естественно, оружия там никакого не было, а были тюки, набитые коврами, драгоценностями, дорогими шубами, предметами быта. Все разворовывалось, грузилось в вертолеты, вывозилось в Кандагар, а купцов, оставшихся в живых, и их слуг убивали на месте. Командир оперативной группы подполковник Пронин был в курсе преступлений своих коллег, молчал, будучи слабохарактерным, попал под влияние Саротина и Собина, и они, пользуясь попустительством командира «точки», делали свое грязное дело. А когда Пронин решил прекратить этот разбой, к которому он косвенно был причастен, Саротин и Собин обвинили его во всех смертных грехах и добились отстранения от занимаемой должности.

Саротина и Собина не остановили вовремя – и вот результат, теперь только тюрьма или смерть могли их остановить.

Переводчики знали о проделках офицеров, но молчали. Знали, что начальник Центра Шамиль благоволит к этим офицерам, поругает изредка, но с должностей не снимает. «С волками жить – по-волчьи выть!» – говорили переводчики и «выли по-волчьи», превратились в крепостных людишек. Их стали называть не по имени, отчеству, а Селифанами и Петрушками, а чаще «туземцами» и «чертями», словом, так, как придет на ум.

– Кажется, я стал забывать осмысленную тягу к жизни! – говорил переводчик Хаким. В его словах была скрыта мораль жизни изгоя в условиях страха и унижения: «Кто кого одолеет, тот и прав!»

– Грабь награбленное! – говорил Саротин переводчикам Ахмету и Хакиму, намереваясь их подключить к своему воровскому ремеслу. – «Парчамистов» следует всех расстреливать, а «Халькистов» – вешать, как собак, а их добро конфисковывать именем революции! – Ну, чем Саротин не анархист-бакунинец?

Неторопливый по натуре, майор Саротин отличался от своего друга, майора Собина, ленью Обломова. Как заметил прапорщик Микаладзе: «Саротин – это продукт прошлого, а не настоящего. Он родился позднее своего времени, в этом была его трагедия!»

Мне было известно, что на других «точках» положение не лучше, там даже переводчики пьянствовали с оперативными офицерами и, естественно, ни о какой оперативной работе речи не могло быть. К счастью, на кандагарской «точке» переводчики не пьянствовали, и это уже не плохо. Так успокаивал я себя, попав в «волчью» стаю. Саротина и Собина не могли остановить даже свежие могилы, и это уже беда.

Майор Саротин не имел тормозов, мог пить даже тогда, когда крыша его дома горела. Безрассудство, бахвальство, чванство, высокомерие отличали этого человека от других. Он хотел казаться лидером среди равных, но встретил сильное сопротивление майора Собина. Чтобы выяснить свои отношения, они решили стреляться.

– Я не люблю словами доказывать свою правоту, – заявил Саротин Собину, – мою правоту доказывает точный выстрел в сердце противника.

Саротин не договорил, как ударом кулака в челюсть был сбит с ног майором Собиным. Саротин с трудом поднялся с полу, сказал, как отрезал:

– Будем стреляться. Я таких обид не прощаю! Эй, вы, папуасы, – крикнул Саротин переводчикам, – будете секундантами при дуэли.

Переводчиков как ветром сдуло, не найти. Они спрятались под кровати и закрыли на ключ свою комнату, к окну приставили шкаф. Стали ждать выстрелов. Долго ждали, их все не было. Выползли из-под кроватей, прислушались – тишина, решили заглянуть в комнату дуэлянтов, а они уже помирились и хлещут водку. Затем вышли из комнаты во двор не врагами, а побратимами. Из надрезанных ран на руках сочилась кровь. Этой кровью они обмазали лица и окровавленными появились перед Ахметом и Хакимом. Переводчики обомлели от страха, не знали, что и подумать, радоваться или огорчаться. Во дворе дачи побратимы открыли стрельбу из автоматов Калашникова, чем спровоцировали стрельбу по всему городу, включая стрельбу на постах. Расстреляв кандагарское небо, дуэлянты вернулись в свою комнату и продолжили пьянку.

Переводчик Хаким признался, что с той поры Ахмет стал плохо спать, видеть дурные сны, дергать головой, подмигивать обоими глазами.

– Всю ночь я присутствовал на собственных похоронах, – сказал Ахмет Хакиму, когда проснулся, – видел себя в гробу убитым. Такого страха натерпелся, что не могу прийти в себя.

Нелепый бунт примитивных существ, Саротина и Собина, перепугал всех на «точке», но сам факт скрыли от Центра, и офицеры почувствовали, что им сойдут на нет любые безобразия, подмяли под себя переводчиков Ахмета и Хакима, надеялись, что кого-то из них назначат командиром «точки» после отъезда в Кабул подполковника Пронина, пьянствовали напропалую – пропили оперативную кассу, денег не стало, стали требовать от переводчиков денег на водку, те отказались, продали трофейный автомат Калашникова и пьянство продолжалось. Работа была, как говорится, «по боку», мешала пьянству, и кандагарская «точка» погрузилась в полосу застоя и пьянства. Обитатели «точки» опускались на горьковское дно.

Такова была обстановка на «Мусомяки», такими были оперативные офицеры Саротин и Собин, по уставу призванные выполнять свой воинский долг, снабжать разведцентр военно-политической информацией в провинции Кандагар, на деле все было иначе. Пьянство на «точке» привело к тому, что вся оперативная группа оказалась под басмаческим колпаком и ей грозила смерть.

Такую команду я принял под свое начало.

Оперативных офицеров Саротина и Собина нельзя было уважать и ценить, можно было лишь презирать и ненавидеть. Лишить жизни тоже нельзя, хотя всем в Кабульском разведывательном центре было ясно, что эти офицеры – форменные негодяи, их место в тюрьме или на эшафоте.

Поведение Саротина и Собина несколько поменялось, когда они почувствовали крах своей карьеры, как профессионально непригодных офицеров для работы в разведке. Ходили за мной, как тени, ударились в холуйство, старались несколько раз в день попасться мне на глаза и высказать свои дружеские чувства и преданность делу, которому они служат.

– Что с нами будет? – спрашивали меня офицеры, наwerbовавшие в агентурную сеть провокаторов, которых подбрасывало им кандагарское басмаческое подполье.

Оказавшись под массированным напором Саротина и Собина, даже такой волевой человек, как прапорщик Микаладзе, стал постепенно превращаться от страха перед неминуемой смертью в одного из героев Салтыкова-Щедрина из романа «Семейный суд». Там с первых страниц романа не сходит слово «гроб», и это слово сильно довлело не только над господами Головлевыми, но и над прапорщиком Микаладзе, живущим под одной крышей с Саротиным и Собиным.

Шла афганская война. Солдаты 40-й армии воевали, но знали, что война уже проиграна. Причин тому много, включая пьянство, недисциплинированность, разврат, коррупцию и слабое руководство армией со стороны начальствующего состава.

Пустоплясы Саротин и Собин приближали поражение 40-й армии, которое было не за горами, усугубляли и без того тяжелое положение и житье коняги – русского солдата.

Глава 6

Тонкое зрение

Пыль замела мой кровавый след.

М. Джалиль. «Прости, Родина»

Все расчеты военнослужащих 40-й армии на скорое возвращение домой, в Россию, не оправдывались. Старое, что они рушили, так скоро не ломалось, не сходило в могилу. У старого оказались стойкие защитники, готовые умереть за это старое, оставаясь его приверженцами даже тогда, когда многие от него отвернулись и не желали защищать.

Естественно, кто защищал старое, отжившее, не годился для новой жизни, был враждебно настроен новому режиму во главе с Бабраком Кармалем, ставшим новым хозяином Афганистана. Оппозиция Бабраку Кармалю не простила ему ввод войск в Афганистан со стороны России, и все краски стыда за просчеты нового режима ушли в красные лозунги, флаги и транспаранты и этот цвет стал для басмаческих формирований сильным раздражителем, как красная тряпка для быка. Недруги Кармалю поклялись, что будут бороться с режимом беспощадно, защищая независимость Афганистана от внешнего вторжения оккупационных войск.

Басмаческое командование слов на ветер не бросало. Борьба за власть обострялась с каждым днем. Жестокость одних порождала жестокость других. Насилие уже не знало границ, и афганский карлик Бабрак Кармаль продолжал оставаться у власти благодаря 40-й армии.

Сонливость в мусульманских столицах мира как рукой сняло. Неповоротливые и ленивые жители Востока, неожиданно стали быстро двигаться, побросали в сторону свои четки, вскочили на лошадей, помолившись Аллаху, засверкали в их руках сабли и ножи, стали решительно расправляться с марксистами-ленинцами, душить их и бить в хвост и гриву.

Активность борьбы нарастала. Во всех столицах Средней Азии первоначальный переполох и страх от вторжения советских войск в Афганистан сменился национальным подъемом масс, словно враг подступил к их воротам и готов поработить их страны. Из мусульманских стран всего мира хлынул поток добровольцев с оружием в руках, чтобы защитить религию от неверных. Война стала носить религиозный характер. Мусульманский мир защищался организованно от христианства. Температура в странах Средней Азии и в Афганистане поднялась до точки кипения. В стане неприятеля слышалась русская речь, что вызвало некоторое удивление и тревогу: «Кто бы это мог быть? Уж не наши ли бывшие братья по оружию – узбеки, таджики, казахи, туркмены?» Оказалось, что так оно и есть. Азиаты, братья по вере, решительно заняли сторону басмачей и организованно переходили на сторону противника с оружием в руках и в качестве компенсации за проявленное геройство получали награды – «ключи от рая», изготовленные в Саудовской Аравии на деньги США.

Дружба народов в СССР дала трещину, куда влезли лютые враги России и азиатских стран, США. Началась крупномасштабная война по всему среднеазиатскому фронту, в которой приняло участие около миллиона человек.

Армия, вошедшая в Афганистан, оказалась неподготовленной к войне. Не было карт местности, командиры взводов, рот и даже батальонов, занятые в мирное время уборочной кампанией в колхозах и совхозах, не умели читать карты местности, не знали компаса, не могли определять время по солнцу, а свое местоположение – по звездам. Провал с первых дней вторжения в Афганистан был очевиден даже

тогда, когда никто не видел живого басмача, их попросту не было в природе, это уже потом они появились как ответ на вторжение в Афганистан.

У американского писателя Эдгара По есть рассказ «Низвержение в Мальстрем». Автор приводит трагическую сцену, случившуюся с человеком, попавшим в гигантский водоворот Мальстрема. Его, как щепку, подхватило течение и закружило в водовороте. Человек погиб. А с гибелью человека приходит конец всему: мыслям, надеждам, свершениям.

Точно так или почти так происходило все в Афганистане с 40-й армией, попавшей в водоворот человеческих страстей и людского гнева. Армия завертелась в чудовищной пляске смерти на самом краю воронки, где уже барахтались люди, но их было пока мало, воронка ширилась, готовая проглотить всю армию вместе с оружием и вооружением и бездарными генералами – Громовым, Ткачем, Варенниковым.

– Война до победного конца! – призывал генерал армии Варенников, самый деспотичный из генералов, сам терял в страхе перед грядущим покоем и сон, как салтыковский Иудушка перед беременной Евпраксеюшкой. Нагнав патриотизма на солдат, генерал Варенников посчитал, что выполнил свою задачу, солдаты стали стрелять по врагу, пока были патроны, а когда патроны закончились, начали думать о прочном мире или о почетном плене.

Война стала нравственным испытанием не только для солдат 40-й армии, но и для всей России.

Упадническое настроение среди военнослужащих 40-й армии не могло нравиться генералам, чьи кители уже не умещали наград, они храбро ездили по воинским частям в танках и бронемашинах и с брони танка призывали военнослужащих на ратные подвиги, вспоминали о героях минувшей войны: Александре Матросове, Николае Гастелло, Алексее Маресьеве... Иной раз генералы стыдили солдат: «Какие же вы русские солдаты, если боитесь басмачей! Не солдаты, а бабы на восьмом месяце беременности, спящие вповалку с оружием в руках, забыв, для чего служит ружье или автомат Калашникова».

Выразив свое недовольство солдатами, сказав сакраментальную фразу насчет «беременных баб на восьмом месяце», генералы уезжали из воинских частей, опасались, чтобы кто-то из солдат не бросил в них гранату.

В армии не было дружбы, единства, и ложь о победном шествии армии по Афганистану уже нельзя было остановить.

Генералы выставляли на посмешище солдат, как выставляют на плацу ротный барабан. Его лупят палкой, чтобы он гремел, издавал нужные звуки, солдаты тоже кричали «ура!», вроде бы у них проснулся патриотизм и рвение повести войну до победного конца. Армия в очередной раз становилась разгневанным Гулливером, попавшим в Страну лилипутов. Злоба на афганцев заполняла солдатские сердца, и они давили их танками, не замечая, как муравьев, испытывая некоторое удовлетворение, что их еще боятся.

Результаты войны до победного конца хорошо известны, но не до конца осмыслены. Профессионально непригодные генералы для службы в армии загубили непобедимую и легендарную армию, превратив ее в цыганский табор. Извели тонны бомб и боеприпасов, загубили природу Афганистана, а результатов как не было, так и нет. Генералы превратили Афганистан в Чернобыль.

При всей несуразности войны генералы рапортовали в Кремль о мнимых победах и о полном контроле Афганистана силами 40-й армии и порядке, но этот порядок напоминал сцену из фильма Чарли Чаплина. Он торопится с отъездом, спешит, упаковывая свой чемодан нужными вещами. Их набирается много и чемодан не закрывается. Тогда Чаплин достает ножницы и начинает отрезать все, что торчит из чемодана и мешает его закрытию, рукава рубаш, брюки, наконец чемодан удастся закрыть, наведен внешний порядок, но не внутренний. Стоит открыть чемодан – и можно будет выбросить половину

испорченных вещей.

Примерно так обстояло дело в Афганистане. Развешаны красные флаги и транспаранты, лозунги и знамена, кругом призывы крепить советско-афганскую дружбу, а в действительности все было наоборот. Брожение умов нельзя прекратить, как и недовольство масс политикой Бабрака Кармаля и советским присутствием в Афганистане, но кремлевских долгожителей это не волновало, они жили по принципу: «Чужие беды с глаз долой. Теперь самим нелегко!»

Война с афганским народом не могла закончиться успешно для СССР, как ни воюй русский солдат, обманутый, вшивый, голодный. От нищенского существования солдаты зверели, но не на кремлевских долгожителей, а на афганцев. Парадокс, да и только. Не хватало всего, чего ни коснись, и солдаты вступили в полосу отчаяния. С одной стороны, патриотический порыв басмачей убить последнего русского солдата, с другой – трагизм всеми униженной армии, брошенной в песках Афганистана на произвол судьбы.

Результаты войны были унижительны, но героев было не меньше, чем в годы Великой Отечественной войны. Так поддерживался интерес к войне, продиктованный не моралью, а целесообразностью. Армия, загнанная в пропасть, как в братскую могилу, выползала назад с трудом, так судьба всей армии стала судьбой каждого солдата. Ему приказывали воевать, и он воевал. Приказывали умереть, он умирал, но дело не сдвинулось с места. Марксизм так и не заменил Коран. Ислам врос прочными корнями в афганскую землю и все жизненные позиции крестьян формировались под воздействием религии. Сельское население страны напоминало примитивные островки хозяйствования, как у аборигенов Новой Гвинеи, отделенные друг от друга не джунглями, а горными перевалами и утесами.

В афганских кишлаках жизнь круто изменялась с советским вторжением. В кишлаках был порядок, никакого воровства, не было голода, впрочем, и не было изобилия. Если случалось, что пропадала курица или петух, это всех настораживало, считалось, что в кишлак забрел кто-то чужой, а если пропадал осел или верблюд, кража становилась достоянием всех и вора искали сообща, всем кишлаком, пороли до смерти, если находили. Такие в кишлаках были порядки, установленные веками.

Помпезный порядок наказания воров изменился с 1979 года, с вводом в Афганистан советских войск. Стали пропадать не только куры и ослы, а люди, и старейшины задумались, как быть? Пришли к выводу, что надо молить Аллаха о помощи. Однако молодежь на этот раз не послушалась стариков и взяла в руки оружие. Они стали защищать свою страну, обычаи и нравы без помощи Аллаха. Сражаясь с нами, молодые афганцы умирали с улыбкой на устах, попадали в рай к Аллаху. Это главное утешение и награда, святые мусульманские символы присутствовали при их погребении, а траурная одежда матерей и жен говорила о многом: что борьба не окончена и не убит еще последний русский солдат, а убитых афганцев будут помнить и оплакивать – как патриотов, отдавших свою жизнь за Афганистан. По поверью, убитые патриоты за святое дело Аллаха возрождались, как птица Феникс, умирающая раз в 500 лет, и сулили афганцам торжество новой жизни на земле, будь на то воля Аллаха.

Новая власть в Афганистане превращала крестьян в несамостоятельных холопов, сродни Степке-балбесу, старшему сыну Арины Петровны из «Семейного суда» Салтыкова-Щедрина. Вряд ли Афганистан испытывал зрелище более ужасное, чем вид нищеты и растерзанной земли в результате бомбежек с воздуха.

Афганские крестьяне, как забитые и доверчивые дети, верили всему, что говорили им муллы, самые образованные в кишлаках люди. В своих проповедях, проклятиях они призывали Аллаха покарать каждого русского, вторгшегося на афганскую землю. И когда в забытых Аллахом кишлаках появлялись наши солдаты, крестьяне внимательно рассматривали их, нет ли на головах солдат рогов, о которых им говорили муллы, и полагали – раз нет, то обязательно вырастут. Запирали свои дома и просили у Аллаха не легкой жизни, а легкой смерти, не быть повешенным на глазах своих детей и родственников.

Глава 7

Дорога жизни

Мне все позволено, но не все полезно.

Апостол Павел

Пожалуй, афганская война положила начало распаду СССР.

– Да разве это осуществимо? – говорил Уинстон Черчилль в книге «Мировой кризис». История дала утвердительный ответ.

Война привела к тому, что власть в СССР потеряла к себе всякое уважение и доверие граждан.

– Пусть сдохнет СССР, чем погибнет Россия! – слышалось в Афганистане. Многие военнослужащие махнули рукой на войну. Наверное, сделал бы так же и я, если бы не был разведчиком, то возможно, был бы Робин Гудом и помогал всем обездоленным, а не испытывал свою судьбу на излом, как большинство военнослужащих. Солдаты до поры до времени молчали, в лучшем случае пересказывали письма из дома, расстраивались не на шутку, когда узнавали, что в России холодно, голодно, у матери прохудилась крыша в доме или происходило еще что-то ужасное, что тревожило душу и она была не на месте.

Письма из дома будоражили воспоминания, заставляли тревожно биться сердца, так и хотелось воткнуть штык в землю: «Долой войну!» – и оказаться среди родных и близких людей.

В марте 1981 года рядовой Александр Григорьев получил письмо из дома. Мать писала из деревни Карачино Тобольской губернии, что сильно скучает, часто видит сына во сне окровавленным и убитым.

«Сынок, побереги себя, – писала мать, – вижу тебя во сне всякий раз перед рассветом. Такие сны, говорят, сбываются. Сны плохие, тревожные, волнительные. Боюсь, Сашенька, как бы с тобой чего не случилось. Обо мне не беспокойся. Хотя я часто болею, но креплюсь. Не умру, пока ты не вернешься».

Далее мать Саши Григорьевой писала о своих деревенских делах и знакомых.

Получив письмо от матери, Саша сильно расстроился, я сразу заметил его душевное беспокойство, спросил:

– Чего не весел, Саша? Что случилось? Поделись горем – и тебе станет легче, поделим горе пополам.

– Как тут не расстроиться, – сказал Саша, – мама пишет, что в деревне, где она живет, стало трудно жить. Деревня разваливается, работать некому, остались одни старики и старухи, молодежь норовит удрать в город Тобольск. Мама не хочет никуда уезжать. Здесь похоронены наши пращуры, кто будет ухаживать за их могилами? – После армии мама зовет меня в деревню Карачино, а я не знаю, как быть? Может, податься в монахи? Скоро дембель, куда идти, как жить? Не знаю. Дайте совет.

– Тебе, Саша, жить и тебе решать. Ты затронул важный вопрос в жизни, и ответ должен созреть у тебя самого, только так можно избежать всяких ошибок. До момента демобилизации еще есть время обо всем подумать.

– Я так же думаю, товарищ полковник. Только вы никому не говорите о нашем разговоре.

– Конечно, не скажу. Это дело личное и пусть оно останется при тебе.

К сожалению, не один Саша Григорьев не представлял, как дальше жить, многие полагались на счастливый случай, но кто знает, когда он придет, этот счастливый случай, так необходимый для полного

восприятия жизни.

Поиск счастливого случая бывает разный. Например, прапорщик Виктор Зубарев искал счастливый случай в богатстве. Он повадился участвовать в военных операциях, проводимых кандагарской бригадой, находиться в арьергарде с мешком в руках. В мешок складывал все, что плохо лежало в магазинах: золотые вещи, ковры, бриллиантовые украшения, магнитофоны, дубленки, шубы... Другого счастливого случая Виктор Зубарев не видел и, кажется, преуспел в деле грабежа и наживы. Удача сопутствовала ему даже при гибели его товарищей по оружию, но ему до этого не было никаких дел. Он делал свой бизнес на крови, занимался мародерством и так прикипел к своему ремеслу грабить магазины, что даже во сне видел свой вещмешок, доверху набитый золотом.

– Видать, сам сатана помогает прапорщику Зубареву, – говорили солдаты. – В ходе операции погибло пять человек и трое ранены, а Зубареву все нипочем. Притащил целый мешок ценных вещей. Умеет жить и на войне иметь свою выгоду.

Прапорщик – высокомерный и наглый, презирал всех, кто по служебной лестнице стоял ниже его, любил начальство и одаривал его подарками из своего мешка. Золотые вещи дарил нужным людям и был награжден за храбрость орденом Красной Звезды и медалью. Был, кажется, не потопляемый и все ему сходило с рук. Но однажды он не вернулся после очередной зачистки кишлака. Прозвучал одиночный выстрел, и прапорщик был убит. Содержимое вещмешка растащили на сувениры, как только солдаты узнали о смерти мародера.

– Так ему и надо, – говорили солдаты о Викторе Зубареве, – поганый был человек. Он получил свое, к чему шел.

К сожалению, таких зубаревых в 40-й армии было немало. Если кольцо с пальца нельзя было снять, отрубали палец и ничто не останавливало – ни мораль, ни нравственность. Таких людей уже было нельзя усовестить, можно было лишь расстрелять.

Болезнь 40-й армии усугублялась изнутри, и уже ничто не могло остановить разложение организма без хирургического вмешательства. А кто хирурги? Это все те же престарелые генералы, пришедшие в Афганистан за богатыми трофеями. Круг замкнулся, армия гибла. У генералов вся грудь в крестах, у солдат голова – в кустах.

Кандагарская разведгруппа несмотря на лишения и трудности продолжала решать поставленные задачи, выявлять банды, исламские комитеты, склады с оружием и боеприпасами, пути доставки оружия из Ирана, Пакистана, КНР, Ирака... Мы уничтожали одну банду, вместо нее появлялись две или три, как в сказке о Змее Горыныче. Отрубали одну голову – вырастали две, бороться с басмачами не хватало сил. Наши ряды таяли, а ряды басмачей – множились. Оружие взяли в руки стар и мал. Народ Афганистана поднялся на вооруженную борьбу, как сто лет назад с английскими колонизаторами. Они пытались захватить Афганистан и превратить его в свою колонию, не вышло. Не выйдет и у нас, как бы мы ни старались. Победить афганский народ нельзя. Так думал я, командир кандагарской разведгруппы, но так не думали генералы, «стратеги» войны. На поражение от басмачей они отвечали жестокостью к мирным жителям и всем, кто попадался им под руку. Зло перевалило через край, как при царе Давиде, и остановить его было нельзя. В Библии сказано о царе Давиде: «А народ... он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими».

Зная бешеный настрой на победу генералов, я придерживал информацию о басмаческих формированиях, если они не проявляли активности и мирно существовали с народной властью, знал, что стоит указать координаты кишлаков, как от них ничего не останется и жизнь там надолго прекратится.

Басмаческие формирования, настроенные на захват власти в Афганистане, разведгруппа тщательно отслеживала и уничтожала.

Характерный факт – стоило даже на время замедлить свою активность, как работать становилось труднее. Басмачи четко следили за нашей активностью и искали случая единым махом уничтожить нас.

Особую опасность представляла «Дорога жизни» из кандагарского аэропорта в город Кандагар. Во многих местах дорога была разбита гусеницами танков, изрыта воронками от снарядов и бомб. Здесь проходили ожесточенные бои, дорогу так и не отремонтировали, и автомашины на участке до одного километра двигались очень медленно, со скоростью верблюжьей упряжки. Вовнутрь автомашины постоянно кто-то заглядывал, что-то искали или кого-то высматривали. Это переодетые в нищенскую одежду басмачи. Они выискивали очередную жертву своего террора, как правило, высокопоставленных чиновников кандагарской администрации или офицеров бригады Шатина, приставали с вопросами к водителю, просили милостыню, отвлекали водителя своими вопросами, пытаясь понять, кто едет в автомашине, чтобы «подстрелить» важную птицу и свести таким образом риск до минимума, получив хорошее вознаграждение.

Всякий раз, когда удавалось проскочить опасный участок на «Дороге жизни», раздавался вздох облегчения: «Слава богу, проскочили!» Но кто-то из разведчиков напоминал, еще предстоит возвращаться по этому же маршруту и рано радоваться, что проскочили.

В городе Кандагаре была встреча с ценным источником информации и напряженность не ослабевала.

Особую тревогу за себя и подчиненных испытывал я, командир группы разведчиков, находясь рядом с водителем. Все внимание подозрительных лиц, заглядывающих в автомашину, было обращено, прежде всего, на меня. Они действительно хотели удостовериться, что в машине, раскрашенной голубками, лебедями и русалками, едет религиозный деятель Кандагара, а не подсадная утка, и не кукла, за которую спрятался русский начальник Генади, как меня звали в Кандагаре.

Чтобы придать правдивый характер тому, кто едет в автомашине, переводчики разведгруппы, Ахмет и Хаким, тщательно готовили меня для образа «муллы», приклеивали бороду, своя лишь только отрастала, на голову накручивали чалму, длина которой достигала до двух метров, одевали национальный афганский халат. Вся процедура «вхождения в образ» занимала до часа времени. Переводчики Хаким и Ахмет были хорошими знатоками обычаев и нравов Афганистана и Средней Азии. Ахмет долгое время был нелегалом в Иране, Саудовской Аравии, а переводчик Хаким готовился в нелегалы в Афганистан, но впоследствии обстановка изменилась и он оказался в оперативной группе Кандагара.

Переводчики все делали со знанием дела, но не знали, как спрятать мои голубые глаза от любопытного взора подозрительных лиц, то и дело заглядывающих в автомашину.

Приклеенная седая борода, неизвестно каким образом оказавшаяся у переводчиков, сильно воняла потом, грязью ее бывшего владельца, мешала не только говорить, но и думать. От дурного запаха, к которому было трудно привыкнуть, постоянно подташнивало, кружилась голова, так и хотелось сорвать ее и выбросить, но переводчики были неумолимы и расхваливали бороду и меня с ней:

– Борода очень к лицу, командир, – говорил Ахмет, – ты в ней – вылитый мулла Кандагара.

Всякий раз перед выездом на встречу в Кандагар, переводчики меня собирали в дорогу со всей тщательностью и усердием. Обряд вхождения «в образ» мне не нравился, но приходилось терпеть. От моей безопасности зависела безопасность переводчиков и водителя Саши Григорьева. Втайне от переводчиков я мыл бороду в горячей воде с мылом, кипятил, полоскал в воде и в уксусном растворе, добиваясь устранения отвратительного запаха от бороды, но тщетно. Борода пахла, словно мстила мне за гибель хозяина этой бороды, грязного басмача, борода которого, по-видимому, была отрезана вместе с

головой.

– Аллах, пошли нам удачу в делах праведных! – говорил переводчик Ахмет перед отъездом в Кандагар на встречу с ценным агентом или информатором из числа чиновников местной администрации, работающих с нами на материальной основе. А я мысленно для себя повторял слова последнего русского царя, Николая Второго, обращенные к Родзянко: «Нет такой жертвы, которую я бы не принес на алтарь своей Родины!» Главным для меня в этот тревожный момент жизненного пути были наставления моего деда, Баева Ильи Васильевича: «Важно, не как человек начал свою жизнь, а как он ее намерен закончить!»

Проезжая по Кандагару, я видел страшную разруху, монотонно и последовательно превращавшую красивый и цветущий город в зловещий хлев. Обе стороны – как нападавшие, так и защитники – проявляли жестокость друг к другу и к городу, повторяя библейские страницы прошлого: «и предали заклянию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волков, и овец, и ослов, все истребили мечом».

«Где взять добрых пастырей, чтобы они положили свою жизнь за овец?» – думал я, отправляясь на задание.

Облачившись в одежду религиозного деятеля Афганистана, я смотрел в зеркало и видел там глубокого старца, лет 75–80 и не знал, огорчаться мне или радоваться такому перевоплощению. На меня смотрел из зеркала старец со смеющимися глазами русского человека, словно взятыми напрокат.

– Жизнь учит, глаза наблюдают, уши слушают, – говорил переводчик Ахмет не то мне, не то своему товарищу Хакиму, и от его слов становилось еще тревожнее и беспокойнее на душе.

– Командир, старайся рукой прикрывать свои глаза, – советовал прапорщик Микаладзе, – иначе любой афганец заглянет тебе в лицо и скажет, никакой он не мулла, а переодетый русский. Твои фотографии, по данным агентов, давно розданы басмаческим осведомителям, и они не станут тебя разглядывать в этом маскараде и сразу пристрелят.

– Так что же делать? – спрашивал переводчик Хаким. – Как поменять голубые глаза на черные, серые, карие, как у афганцев? Скажи, Микаладзе, если знаешь, а если не знаешь, лучше молчи – и без тебя на душе кошки скребут.

– Ну, с богом, поехали! – говорил я, усаживаясь в машине на переднее сиденье. Следом за мной занимали места переводчики Ахмет и Хаким, оба в афганских национальных халатах, истинные мусульмане, садились степенно, в азиатском поклоне и со стороны могло показаться, что в «Мусомяки» живут религиозные деятели Кандагара, а не разведчики, от действия которых стоит шум и треск по всему Кандагару.

Водителю Саше Григорьеву переводчики подарили свой халат, и он полностью вписывался в общий настрой религиозных деятелей, проводящих все время в молитвах и в разучивании глав Корана, меньше всего думающих о хлебе насущном, больше о вере. Пример более молодым мусульманам показывал сгорбленный годами седой старец с длинной, ухоженной бородой, передавал свои знания и веру в Бога более молодым своим коллегам, стараясь ничего не забыть, все донести людям и не зарыть свою неуклонную веру и знания в землю.

Так, возможно, могло показаться со стороны, но так ли, как мы думали? Мы своими нарядами хотели обмануть афганцев, истинных мусульман, но росла тревога, правильно ли мы делаем, возможно, зря теряем время на маскарад? Может быть, в хаосе обстановки в Кандагаре нас могли принять за религиозных деятелей Афганистана, но сами-то мы знали, кто мы. Обмануть себя было невозможно, как и обмануть растревоженную душу в спектакле ужасов, где льется море крови, слез и горя. Мы, разведчики, делали вид, что ходим по земле Афганистана уверенной походкой, спокойно, как ни в чем не бывало, но это не так.

Нам не чужды переживания и чувство страха за свою жизнь. Мы продолжали ходить, как артисты цирка под куполом без страховки и без права на ошибку.

Да, трудное было время. Даже спустя годы не оставляет то, через что нам пришлось пройти и выстоять.

Однако, глядя правде в глаза, следует признать, что без бороды, чалмы, халата было невозможно прожить и сутки в окружении басмачей и их осведомителей, многочисленных эскадронов смерти, рыскающих по Кандагару в поисках врагов ислама, хорошо усвоивших принцип мщения: «Око за око, зуб за зуб».

По информации наших агентов и ценных источников информации, «полковник Генади» стал очень опасен, и было принято решение уничтожить его любой ценой.

За непродолжительный промежуток времени пребывания в Кандагаре я сделался козырной картой в борьбе за власть.

Всякий раз, когда я ехал в автомашине, делал вид, что мне все безразлично, что происходит вокруг меня, какие кипят страсти, закрывал глаза и дремал, вернее, делал вид, что дремал под монотонный гул мотора автомашины. Она от ворот «Мусомьяки», набирая скорость, неслась с бешеной скоростью и резко притормаживала на «Дороге жизни», проезжая по колее, разбитой гусеницами танков. Притворялся спящим, проводшим всю ночь в молитве, разговаривая с Аллахом. Сквозь прищур глаз я отчетливо различал лица как нищих, которые уже встречались мне и не сделали никакого вреда, так и новых людей, плохо одетых, но не похожих на нищих. Они словно подкрадывались к машине и заглядывали внутрь, пытаясь узнать, кто едет. Под напором любопытных и смысленных глаз азиатов вся уверенность в том, что халат и чалма защитят меня от пули басмача, улетучивалась, исчезала и мне казалось, что я становился голым королем из известной сказки, меня разоблачили и осмеяли, и на мне нет никакого наряда, я гол как сокол.

– Командир, может быть, хватит так рисковать, – говорили мне Собин и Саротин, – вы стали знаменитым. За вами охотятся, как за волком, а это в условиях Афганистана опасно. Пусть нас переведут куда-то в другое место, здесь мы примелькались.

– Будем работать там, куда нас направили! – коротко ответил я и этими словами прекратил всякую дискуссию о переводе на другую «точку».

Кандагар на глазах превращался в город мертвецов, разрушенные дома напоминали оставшимся в живых, что здесь когда-то жили люди.

Я чаще других выезжал в Кандагар по «Дороге жизни», так и казалось, что я ищу смерти, но смерти я не искал, а хотел устыдить трусов и ободрить колеблющихся в продолжении борьбы. Боялся не смерти, а тяжелого ранения или увечья и втайне мечтал о легкой смерти, если она придет, и о скором возвращении в Россию, но дорога домой все откладывалась, и, кажется, пора было об этом забыть.

Приходилось больше думать о работе, а не о доме.

Словно отвлекая меня от грустных мыслей, переводчик Ахмет говорил:

– Борода для мусульманина – большая ценность. По ее длине, ухоженности правоверные мусульмане судят о положении хозяина бороды в обществе, его достатке. Я, к примеру, всю свою сознательную жизнь ношу бороду, она мне не в тягость, а в радость!

Ахмет краем глаз поглядывал на меня и улыбался. Я видел его лицо в зеркале заднего вида машины и понял – он был хорошим психологом, понимал, как трудно мне, русскому человеку, быть в образе мусульманина.

Вдруг он насторожился:

– Командир! К автомашине приближаются трое мужчин в грязных, засаленных халатах, но сразу видно, что это не нищие, а переодетые басмачи. Они ускорили шаг, догоняют нашу машину, о чем-то между собой разговаривают, один из них махнул рукой и отстал, двое других сейчас поравняются с машиной. Закрой глаза, спи!

Я все делал, как советовал опытный переводчик Ахмет. Двое незнакомцев шли и наблюдали за мной, а я похрапывал, даже пускал пузыри не то от страха, не то от любопытства, что будет дальше. Наконец двое отстали. Один из них подозвал нищего, показал пальцем на нашу автомашину, что-то сказал. Нищий со всех ног бросился догонять нашу машину, движущуюся медленно, вслед за другими автомашинами, подскочил ко мне, протянул к лицу грязные руки, прося подаяние, и я услышал грозный голос Ахмета:

– Ты что, правоверный мусульманин, не понял, кто едет в машине? Это святой старец, трижды побывавший в Мекке, а ты беспокоишь его сон. Пошел прочь, пока Аллах не покарал тебя за дерзость и не набросил на тебя удавку.

Нищий как ошпаренный отскочил от автомашины, на лице испуг, покорность. Он остановился и до самой земли поклонился автомашине, из ее окна Ахмет бросил в песок несколько монет. Нищий начал ползать в пыли, разыскивая разлетевшиеся по сторонам монеты, а поскольку он не знал, сколько их было выброшено, продолжал ползать и искать. К нищему присоединились другие нищие, а те двое приподняли нищего за ворот рубахи, встряхнули, нищий что-то сказал им, и они его отпустили.

– Нищие для нас – экзотика, мы для них – фантастика! – заметил Ахмет.

Оперативные офицеры тоже отращивали бороду, но не хватало выдержки ухаживать за ней.

– Я даже не мог предположить, – говорил майор Саротин, – что борода требует к себе такого ухода и внимания. Ее надо мыть, стригать, расчесывать. От бороды больше хлопот, чем пользы и удовольствия.

Он сбривал бороду и вновь начинал отращивать.

– У меня на примете есть хорошая борода, как раз для тебя, Саротин, – сказал Ахмет, – но борода дорогая, ее хозяин согласен ее отдать, но только вместе с головой.

– Мне чужая борода не нужна! – говорил майор Саротин. – Пусть чужие бороды носит командир, а я отращу свою.

Майор Саротин был большим любителем спиртного и соленых огурчиков с капустой, свою отросшую бороду так пачкал рассолом и капустой, что та становилась упругой, как проволока. Сдавливала ему горло, шею, и во сне Саротин часто кричал:

– Нас окружают басмачи. Спасайтесь, кто может. Всем отходить по одному к оврагу, пока не поздно.

Возбужденный тяжелым сном майор Саротин порывисто искал под подушкой свой пистолет и, найдя его, снимал с предохранителя, чем пугал своего «побратима», майора Собина. Не раздумывая, Собин наваливался своим жирным телом на щуплого Саротина, хлестал его по щекам, приводил в чувство, кричал ему в ухо, чтобы тот окончательно проснулся:

– Не дури, здесь все свои, кроме переводчиков, но они спят. Если хочешь пострелять, иди к ним в комнату, ты знаешь, где они привыкли спать, под кроватями. Из окна их обоих можно достать без труда и поделить их денежки по-братски!

Нервы у Собина и Саротина часто сдавали даже от неосторожного звука в дверь и от случайного выстрела. Они падали на пол, хватались за оружие, чем сильно пугали Ахмета и Хакима, людей сугубо гражданских, не приученных к стрельбе из пистолета или автомата Калашникова.

Я видел, какое физическое и духовное смятение испытывали Саротин и Собин, особенно по утрам, словно их преследовал рок за старые грехи и напрасно пролитую кровь в ходе проведения операций и авиаударов по кишлакам. Проснувшись, оба подолгу сидели на кровати напротив друг друга, молчали, на глазах слезы, в душе пустота и отчаяние, майор Саротин тихо повторял, как заклинание:

– Мы понемногу уходим из этой жизни, падаем, как снопы с воза, а все из-за того, что являемся законопослушными гражданами России!

Война, развязанная кремлевскими мечтателями во главе с Брежневым, могильным холодом обдавала беспокойные души разведчиков спецгруппы. Террор в Кандагаре зашкаливал до высшей черты, басмачи убивали даже своих граждан Афганистана. По соседству с нами была вырезана ночью вся семья партийного функционера Кандагара без единого выстрела, тихо, профессионально, о гибели всей семьи от рук басмачей стало известно спустя три дня, когда партийный функционер перестал ходить на работу.

Басмачи жестокостью своих деяний запугивали местных жителей, и многие из них были вынуждены проводить ночи в глубоких ямах, а не в теплых жилищах. Террор плотно законопатил души людей, затмил разум. Они прятались по щелям, чтобы уцелеть, не стыдились своей трусости, боялись защитить себя, взяв в руки оружие, и гибли, так и не освободившись от внутреннего страха.

Защитить простых граждан Афганистана было некому – как от басмачей, так и от бесчинств со стороны солдат. Все повторялось, как сказано в Евангелии: «А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и оставляет овец, и волк расхищает овец и разгоняет их».

Террор превратился в быт.

Таковы факты. Разведгруппе нельзя было сбавлять свои обороты, скорее наоборот, их усиливать. «Дорога жизни» становилась для нас последней инстанцией в ад. Вновь и вновь приходилось ехать по этой дороге, несмотря на басмаческий террор, делая вид, что смерть нам не страшна и мы неуязвимы в борьбе с басмачами.

Мы не были героями, мы только совершали героические поступки в это сатанинское время.

– Слава Аллаху. – говорит Ахмет, – проскочили опасный участок, а что нас ждет завтра?

Автомашина ускоряла бег, позади слышались запоздалые выстрелы, выпущенные из автомата Калашникова, заглушая все другие звуки, идущие снаружи, раздвигая границы опасности, но кем-то сказанное слово о новой поездке в город Кандагар по «Дороге жизни» порождало недоверие к тишине и надламывало встревоженную душу.

– А я постоянно думаю об одном и том же, – сказал водитель Саша Григорьев, – если меня убьют в Афганистане, то моя душа сразу прилетит домой, к маме, в деревню Карачино. Мама узнает о моей смерти, будет ждать, когда доставят гроб с моим телом, и, только дождавшись, сразу умрет.

– Ты, Саша, хорошо сказал, умно, не по годам, а ведь я думаю так же, как ты, Саша Григорьев. Если меня убьют, то только на этой «Дороге жизни», проклятой самим Аллахом. Здесь погаснет моя лампада жизни.

Переводчик Хаким ошибался. Он будет убит в кишлаке Лашкаргах, в провинции Гильменд, его смерть уже поджидала его там, куда он попадет через несколько дней после этого разговора, и убьют его при загадочных обстоятельствах...

Разведчики, как кочегары, постоянно подбрасывали в топку афганской войны свои нервы, здоровье, кровь, чтобы война шла без остановки, набирая обороты. Этой самоотверженной работой мы спасали десятки тысяч наших солдат от верной смерти, сообщая данные о басмаческих формированиях, заранее предупреждая, сколько басмачей сосредоточено на опасном участке военных действий, чем они

вооружены и насколько боеспособны эти басмаческие части. Стоило нам прекратить работу, как 40-я армия становилась человеком, потерявшим слух, зрение, обрекая себя на мучительную смерть на чужбине.

Сквозь кроваво-красные очаги пожарищ, громадные воронки от бомб и снарядов пробуждался неведомый ранее феодальный Кандагар, слепленный из беспорядков и хаоса, отодвигались в сторону внутренние распри и религиозная вражда кланов, Кандагар вставал как один человек на борьбу с захватчиками – и врагом номер один становился русский солдат.

– Проклятая страна, – ворчали Саротин и Собин, – против басмачей следует применить самые свирепые меры, какие есть в арсенале мести.

– Афганских женщин нужно поголовно уничтожать, чтобы некому было рожать бандитов, а мужчин кастрировать – говорил майор Собин, упиваясь мерзостью своего мышления.

Стиснув зубы, я молчал, не давал повода для ссор и конфликтов, таких не нужных в обстановке напряженности и активности действия басмаческих сил. Старался меньше говорить, больше слушать и делать. Ставил перед каждым членом коллектива конкретную и понятную задачу, объяснял, как лучше ее решить, не ввязываясь в дискуссии по пустякам. Меня интересовало дело, а не слова и пустые заверения. По делам судил о каждом подчиненном, чего он стоит.

В афганской войне, несправедливой и коварной, ведущейся без правил, я рисковал вместе со всеми, как рисковал рядовой солдат. В меня стреляли, а я не всегда мог дать сдачу и ответить на удар двойным ударом. Не прятался за свои полковничьи погоны и большие звезды, как делали другие. У меня была одна судьба с коллективом разведчиков, которыми я руководил, был вместе с коллективом как в радости, так и в лихолетье, это видели подчиненные и шли за мной.

В Кандагаре, объятom войной и разрухой, было трудно скрыть свое истинное лицо. По делам и поступкам афганцев я судил и о них самих, кто на чьей стороне, на стороне народной власти или на стороне басмачей. Обстановка в Кандагаре напоминала 1937 год. Сосед следил за соседом из подворотни, подглядывал и доносил, клеветал, порочил соседа, его арестовывали или убивали, а он завладевал имуществом.

Каждые сутки Кандагар менялся, был другим, не похожим на день вчерашний. По ночам кандагарское подполье творило самосуд над людьми, находящимися на подозрении в связи с народной властью. На очередной встрече в центре города Кандагара источник информации рассказывал, что ему пришлось увидеть и пережить в течение последних ночей.

– Из толпы, собравшейся под моими окнами, вытолкнули троих, якобы сочувствующих народной власти, – рассказывал мне при встрече афганец, сотрудничающий с нами на материальной основе, – все трое молодые люди, а один совсем еще подросток, лет 14–15 – не больше. Собравшаяся толпа гудела от негодования, везде раздавались крики: «Смерть предателям ислама! Смерть!» Все трое находились внутри образовавшегося круга, когда к ним вытолкнули еще старика, лет 70, изрядно потрепанного жизнью и в ходе избиения палками. Он походил на старого, облезлого петуха в сером халате, с оторванными рукавами. Старик не мог кричать, силы уже покинули его, он только стонал:

– Я не виноват, меня по ошибке приняли за сторонника народной власти. Все мои сыновья сражаются за Аллаха в отрядах освобождения Афганистана, люди добрые, заступитесь за меня.

Никто не заступился за старого человека, не сказал в его защиту доброго слова. Старика повалили на землю, стали бить.

– Что значат слова в устах предателя ислама! – гудела толпа. – Смерть ему!

Вскоре старик был затоптан ногами и забит палками и камнями.

Вместе с молодыми людьми был мальчик. Он стоял в центре круга и плакал.

– Сколько ты, шайтан, получил денег за предательство? – ревела толпа.

Дикий крик нарастал, мальчик не знал, что сказать. Он испугался толпы и не мог говорить. Среди многочисленных людей, собравшихся в центре Кандагара, выделялись несколько человек при оружии, они и творили самосуд. Им было безразлично, был мальчишка связан с народной властью или нет, им нужно было запугать толпу жестокостью мщения и мальчика не выпускали из круга. Он плакал, в чем-то каялся, а толпа злобно выла:

– Нельзя верить этому гаденышу со змеиным сердцем. Он связан с народной властью, это доказано. Смерть ему! – Впервые нашелся заступник.

– Стойте, не бейте его! – крикнул мужчина средних лет в богатом халате. – Не убивайте мальчика. Я знаю его отца. Он богатый и влиятельный в Кандагаре человек, честный мусульманин.

Однако толпа не слушала заступника. Ее трудно было перекричать, беснующуюся, подогретую наркотиками.

– Отец этого ублюдка не может быть хорошим мусульманином! – крикнул кто-то из толпы. – Мальчишка – настоящий дьявол во плоти, такой же и его отец. А от дьявола плод всегда пакостный. Худое дерево, пораженное заразным грибом, срубают и сжигают на костре, а пепел закапывают в землю так, чтобы не было видно заразы.

После таких обличительных слов толпа свалила мальчишку и стала его избивать вместе с его защитником, чтобы другим неповадно было заступаться за кого бы то ни было.

Такая же участь ожидала двух молодых людей, оказавшихся в кругу толпы.

– Я вас не боюсь! – крикнул в толпе один из них. – Вы малодушные слепцы, готовые истязать невинных людей, творя зло по ночам, боясь дневного света, прячетесь, как крысы в свои крысиные норы. Я не виноват ни в чем и кто убьет меня, того покарает Аллах. Да здравствует Аллах!

Последние слова молодого афганца уже никто не слышал, они потонули в стуке камней и палок, обоих забили до смерти.

Рассказывая о событиях в Кандагаре по ночам, афганец, с которым я встречался, плакал, повторяя:

– Звери, а не люди! Им нет прощения!

Немного успокоившись, он продолжал:

– Каждую ночь у центральной мечети Кандагара обязательно кого-то убивают. Кто они, эти жертвы? Я не знаю. Скорее всего это случайные люди, попавшиеся под руку басмаческой инквизиции, чтобы жестокостью показать, что будет с каждым афганцем, поддерживающим связь с народной властью.

После таких кровавых потрясений мало кто из афганских граждан осмеливался поддерживать связь с военной разведкой и с народной властью.

Ночные расправы длились, как правило, непродолжительное время, до часа, затем толпа рассеивалась. Покричав и покуролесив для остротки, все расходились по домам, в пыли и грязи оставались лежать жертвы беззакония.

Так и оставалось загадкой, каким образом в назначенный час собирались толпы народа до нескольких тысяч человек, с паклей, намотанной на палки, зажигали ее и проводили средневековые оргии по избиению правых и виноватых. Лиц не видно, трудно узнать, кто эти люди, лишь летел густой дым над головами и вопли людей, попавших в беду.

Кровавый террор имел конкретную цель – запугать людей, и мы пожинали плоды: ряд ценных источников информации из-за страха перед смертью родных и близких отказывались с нами сотрудничать.

В самом центре Кандагара находилась богатая контора нашего агента по кличке «Домовой», здесь он часто принимал меня. Беседа, как правило, шла с глазу на глаз, даже без переводчиков. Им «Домовой» не доверял, был хорошо образован, в молодые годы учился в Европе, знал французский, немецкий и английский языки, понимал по-русски. Беседа, как правило, велась на французском языке, чтоб никто из посторонних лиц не смог понять, о чем идет речь, что заставило муллу зайти к представителю торгового бизнеса Кандагара, пальцы которого были унизаны золотыми кольцами и перстнями. В очередной раз, когда я встретился с «Домовым», он был спокоен, держался уверенно, показывал своим видом прочность своего положения, зато его старший сын, состоявший в охране отца, нервничал, его что-то сильно беспокоило, и это я сразу почувствовал. В беседе с «Домовым» я больше обращал внимание не на отца, а на сына. Он, как заправский ковбой из американских фильмов, играл пистолетом Макарова, умело крутил его на пальце, демонстрируя готовность к применению.

Через двадцать минут я уехал из конторы «Домового». Как только встреча была закончена, между отцом и сыном произошел любопытный разговор, ставший достоянием разведгруппы благодаря тайному осведомителю Расулу, работавшему в конторе сторожем.

– Отец! – сказал сын. – С русскими у нас разные пути. Прекрати, отец, всякие встречи с полковником Генади. Это палач Афганистана. Его фотографии есть у многих патриотов Афганистана, и они его обязательно уничтожат. За его голову можно получить хорошие деньги. Подумай, отец, что я тебе сказал. Разреш, я убью Генади?

– Двери на тот свет без петель – сказал отец, – помни об этом, сын. Стоит убить Генади – погибнешь и ты, погибнет и твой младший брат, который учится в Ташкенте. Генади – умный человек, неслучайно его разыскивают сотни басмачей, а он не прячется и разгуливает в центре Кандагара. – «Домовой» сделал паузу, сказал чуть слышно:

– Вот и теперь он передал письмо от твоего младшего брата из Ташкента. Он пишет, что у него все идет хорошо, жив, здоров. А это большое дело, если учесть, что в Кандагаре каждые сутки гибнет до пятисот человек. Стоит тебе что-нибудь предпринять против Генади – и твоему брату придет конец. Люди Генади живо найдут тебя и убьют. Помни об этом, сын. Мы должны беречь полковника Генади, а не убивать.

– А если, отец, Генади убьет кто-нибудь из наших, что тогда?

– Это другое дело, но только не мы. Ненависть к русским не знает границ. Говорят, в штабе бригады солдаты поймали басмача, привязали его за ноги к ослам и разорвали на части.

– Я слышал об этом! – сказал сын. – Солдаты мстят за ритуальные убийства своих товарищей: отрезание голов, ушей, носов, выколотые глаза. Этот ритуал, связанный с разрыванием на части, солдаты называют «крещением».

– Знаешь что, сын, – сказал отец, перейдя на шепот, – не трогай Генади, пусть все идет, как шло. Я не хочу потрясений, не хочу потерять тебя и твоего младшего брата. Русские дают нам работу. Они пропускают наши караваны и не грабят их, а это стоит того, чтобы с ними жить в мире.

– Ты прав, отец! – согласился старший сын, и разговор был окончен. Я возвращался со встречи с «Домовым» поздно вечером в машине, которая привлекала внимание встречающих людей, особенно крестьян, работавших в поле. При виде меня они кланялись до самой земли, лишь детвора, которая играла в прятки, ни на кого не обращала внимания, зато их матери, потерявшие в ходе гражданской войны мужей, бросали лукавые взгляды, на их лицах – печаль, покорность, а черные глаза горели пламенем. У вдов – не

глаза, а западни, в которые попадешь – не выберешься. Лица молодых женщин, и не очень молодых, менялись от настроения и от усталости в работе, были по-девичьи улыбчивые, радостные или жестокие, как лица римских легионеров, идущих на верную смерть.

У перекрестка дороги было много людей, здесь торговали краденными вещами, продавали недорого, стараясь поскорее продать и избавиться от компромата.

– Командир, – сказал переводчик Ахмет, обращаясь ко мне, – посмотри вон туда, – и Ахмет показал пальцем, – там старик продает внучку лет 13–14 за небольшую плату. – На дощечке, прикрепленной к шее девочки, написано, как ее звать, возраст, из какой семьи, что умеет делать. Цена договорная. В Кандагаре теперь все продается и покупается, стало делом обычным, даже головы солдат.

При подходе к даче дорогу перегородила отара овец. Пастух, мальчик лет десяти, отчаянно ругался по-русски и громко хлопал кнутом. От ударов кнута в воздух поднялись голуби, их было так много, что они закрыли все небо, сделали круг над нами, стали подниматься все выше и выше и наконец исчезли из глаз.

– А как хочется босиком походить по траве! – сказал я...

– Нельзя, – перебил меня Хаким, – сразу поймут, что русский, и убьют. В Афганистане не принято ходить босиком состоятельным людям, можно лишь бедным и нищим.

Наконец мы оказались в «Мусомяки». Там оживление, радостные улыбки и счастливые лица. Сегодня мы уцелели, никто не ранен, а что будет завтра? Никто об этом не хотел говорить.

Прапорщик Микаладзе сидел у стола и рассказывал случай, свидетелем которого он стал.

– Как раз в канун Нового года, – говорил Микаладзе, – в вагон вошла пожилая женщина с большой коробкой в руках с надписью «торт», перевязанной красной лентой. Следом за ней в вагон метро вбежали двое молодых людей, лет по 17–18, тоже с коробкой торта, но значительно меньше, чем у пожилой женщины.

Молодые люди были выпивши, громко разговаривали, вдруг их взгляд упал на коробку старухи, они переглянулись, что-то сказали друг другу, и когда двери электрички открылись на станции метро, они вырвали у нее коробку, а ей взамен бросили свою, маленькую, и выскочили из электрички. Старуха только успела крикнуть: «Оставьте мою коробку, она вам не пригодится!»

Пассажиры вагона, в котором ехала старуха, были возмущены поведением молодых людей, сочувствовали ей, однако кража коробки женщину не очень беспокоила. Она стала объяснять, что везла в коробке кота, только что умершего, чтобы похоронить за городом. Больше старухе ничего не пришлось говорить, в вагоне метро стоял хохот, как и в «Мусомяки» после рассказа Микаладзе. Разведчики смеялись, вели себя по-домашнему, раскованно, хотя всем приходилось несладко, но поскольку молодой задор пузырился, как шампанское в налитых бокалах, они не думали о смерти, ранениях, увечьях, но и не уподоблялись чеховскому герою Беликову из «Человека в футляре», который боялся всего, как бы чего не вышло, ходил с поднятым воротником, в темных очках, с зонтиком и в галошах.

Даже в такие минуты общего веселья приходилось учить подчиненных чувствовать затылком смертельную угрозу уничтожения.

– Иной раз могло показаться, – учил я, – что за нашей автомашиной слежки нет, можно выходить на встречу с ценным агентом, однако пятое чувство подсказывало: не спеши, проверься еще раз-другой, чтобы не вывести слежку на агента, в этом случае ему грозила верная смерть. И действительно, выяснялось, что за нами «хвост», не на двух автомашинах, а на трех, чего не сразу удалось обнаружить. И если не удавалось оторваться от «хвоста», приходилось возвращаться, как говорится, «несолоно хлебавши», в «Мусомяки».

Возвращаясь, дорогу нашей машине перегородили пять человек. Они потребовали остановиться.

– Притормози, Саша, – сказал я водителю. Машина продолжала медленно двигаться в сторону высокого бородатого мужчины в сером халате.

– Кто это? – спросил я переводчика Ахмета.

– Впервые вижу!

Ко мне вплотную подошел бородатый мужчина в сером халате.

– Хозяин! Будь любезен, подвези кого-то из нас до аэропорта.

– Никак нельзя! – уверенно и спокойно ответил переводчик Ахмет. – Наш отец родной всю ночь разговаривал с Аллахом в Кандагарской мечети и просил его не беспокоить. До свиданья!

Бородатый мужчина, должно быть, старший среди пятерых, внимательно осмотрел меня с ног до головы: дорогой халат, красивая чалма, многочисленные кольца на пальцах – все говорило о состоятельности старца.

К бородатому подошли остальные четверо, о чем-то посоветовались, отошли в сторону. Автомобиль медленно двигался по «Дороге жизни», удаляясь все дальше и дальше от подозрительных типов. Кто они? Скорее всего басмачи. Мы их, по-видимому, больше не интересовали, и вздох облегчения раздался в машине: пронесло!

– Командир, – тихо оказал Ахмет, – какой ты молодец! – говорю и восхищаюсь твоей выдержкой, умением молчать. Вот что значит ничего не сказать и поразить наповал, имея такой представительный и строгий вид.

– Коня надо бояться сзади, козла – спереди, а лихого человека – со всех сторон! – отреагировал я.

Разведчики поняли шутку, засмеялись. Такой резкий переход от страха за свою жизнь к веселью был чертой работы коллектива. Никто не знал, какой ценой дались мне это спокойствие и молчание. Одной рукой я нащупывал холодную сталь автомата Калашникова, спрятанного под халатом, другой – держал пистолет Макарова, убранный с предохранителя, что с трудом смог разжать пальцы с пистолета, готовый в любую минуту отбросить халат и вклепить басмачу обойму свинца прямо в лицо! Во имя спасения Саурской революции, которая дышала на ладан, мы каждый день рисковали собой, проезжая по кровавому следу наших солдат и офицеров, расстрелянных на «Дороге жизни», эта солдатская кровь и армейское братство не позволяли нам сбиться с правильного пути и быть до конца верными присяге.

Было немало военных и гражданских людей, так и не доехавших до конца по «Дороге жизни», расстрелянных только потому, что они русские, не подготовленные морально и физически к войне и басмаческому террору, к которому мы не имели никакого отношения.

Шла гражданская война в Афганистане, на каждом его километре, но это не значило, что мы только воевали и думали о своем спасении от пуль бандитов. По инициативе шифровальщика Микаладзе стали проводиться вечера вопросов и ответов, это отвлекало на какое-то время от прозы жизни, крови, смерти. Потихоньку забывали звуки молотка о крышку гроба. Мы были живы, но радости от сознания этого было мало, каждый наедине с собой спрашивал свое болезненное воображение, как дальше жить? Наступит завтра с ним или без него?

Главное, что мне удалось сделать в разведгруппе, это убедить подчиненных подчиниться воле командира, что разведчик – это не валун, сорвавшийся с обрыва, который столкнула чья-то сильная рука, чтобы катясь вниз, давить всех подряд: правых и виноватых, наводя ужас на окружающих и выбирая самостоятельно, кого следует давить. Разведчик – это человек высокого интеллекта, богатых,

энциклопедических знаний, безумной храбрости и большого ума.

Жизнь кандагарской «точки» была исключительно опасной и сложной, на грани срыва, как в чеховской «Палате номер шесть». Даже деревянный забор вокруг «Мусомяки» напоминал о флигеле, описанном А. П. Чеховым, унизанном гвоздями, вбитыми острием кверху. «Эти гвозди, – писал А. П. Чехов, – обращенные острием кверху, и забор бывает только у больных и тюремных построек».

Судьба продолжала испытывать разведчиков на излом. Я вместе с коллективом жил и боролся всем смертям назло, погружившись во тьму афганских тревог и мучений, не думал о будущем, думал о текущем, не о себе, а о людях, как их сохранить. Самое тяжелое для себя я уже сделал, простился мысленно с родными и близкими, теперь жизнь и смерть были в моих собственных руках и Бога. Опасность научила меня думать, а еще больше – молчать, но и в молчании я думал о смерти. Как сказал Тютчев:

*Мужайтесь, боритесь, о храбрые друзья,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги.
Под вами немые, глухие гроба.*